

Историко-краеведческий журнал

Костромская

СТАРИНА

2005
№ 18

Содержание

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ: 1941 – 1945

- Николай Зонтиков.** Трагедия войны 1
- Ирина Тлиф.** Проза и героика тыла 8
- Мария Кузнецова.** «В период проведения экзаменов
детям давали усиленное питание – 100 г хлеба и 6 г сахара...» ... 18
- Из протоколов заседаний костромского горисполкома 22

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- Леонид Колгушкин.** Воспоминания 25
- «Там уже «стояло» человек десять бойцов...» (Из дневника
солдата Великой Отечественной) 33

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

- Сергей Крупанов.** Барыков и его танки 39
- Алексей Селиверстов.** Северные конвои (1941 – 1945) 44
- Эдуард Клейн.** Музыкант Парада Победы 50
- Павел Резепин.** Библиографические справки
на военнначальников – уроженцев костромского края 54

СУДЬБЫ КОСТРОМИЧЕЙ

- Анатолий Елизаров.** Невольники Третьего Рейха 57

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ: 1941-1945

Николай Зонтиков

ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ

30 сентября 1941 года немцы начали первое генеральное наступление на Москву. В этот день танковые клинья группы армий "Центр" в двух местах прорвали оборону Брянского фронта и окружили значительную часть войск фронта (большая часть окруженных к

еще дальше идут толпы пешеходов с мешками, узлами, чемоданами. Это не поток, не река, это медленное движение текущего океана...". В результате танковых ударов группы "Центр" шесть армий Западного и Резервного фронтов оказались в окружении в районе Вязьмы. В течение

от Серпухова и в 30-ти от Рязани. Над Москвой нависла реальная угроза окружения и захвата. В середине октября из столицы в Куйбышев были эвакуированы основные правительственные учреждения и иностранные посольства. 16 октября, в связи со слухами о прорыве немецких танков и о предстоящем оставлении Москвы, началось массовое паническое бегство из города (ситуация изменилась к лучшему только после выступления по радио председателя Моссовета В. П. Пронина). Постановлением ГКО от 19 октября с 20 октября в Москве было введено осадное положение. В столичных правительственных и военных учреждениях жгли архивы. Д. Ф. Белоруков (1912–1991), уроженец Парфеньева, впоследствии известный краевед, по мобилизации попавший на учебу в Военно-инженерную академию, позднее вспоминал, как однажды ночью их взвод подняли, посадили в машину и с Покровского бульвара повезли в центр Москвы: "На улицах ни души. Света нигде нет. Только в темном небе слышалось прерывистое гудение самолетов. Привезли нас на Знаменскую, где располагался Генеральный штаб. Автомобиль въехал в маленький двор. Через несколько минут из здания появился военный и повел нас в здание. Он нас расставил в цепочку, и мы стали передавать из рук в руки какие-то запечатанные сургучными печатями связки. Эти связки передавали вниз, в котельную, на сжигание. Мы жгли какие-то архивы Генштаба. Ходившие тут же военные зорко следили, чтобы мы не вздумали вскрыть эти пакеты"².

Обходя столицу с севера, немцы вплотную приблизились к границам Ярославской области, в состав которой входила тогда большая часть кос-

Солдаты и офицеры 120-й стрелковой дивизии. Ленинградский фронт. Фото 1943 г.

23 октября смогла выйти к своим). 3 октября немцы без боя захватили Орел, 5 октября взяли Юхнов, 6 октября – Брянск, 13 октября – Калугу, 18 октября – Малоярославец. О том, что происходило в начале октября восточнее Орла, свидетельствует писатель В. С. Гроссман: "Я думал, что видел отступление, но такого я не то что не видел, но даже и не представлял себе. Исход! Библия! Машины движутся в восемь рядов, вой надрывный десятков, одновременно вырывающихся из грязи, грузовиков. Полем гонят огромные стада овец и коров, дальше скрипят конные обозы, тысячи подвод, крытых цветным рядном, фанерой, жестью, в них беженцы с Украины,

двух недель окруженные войска пытались вырваться из кольца, но сделать это удалось немногим (только пленными в Вяземском "котле" мы потеряли свыше 660 тысяч человек, среди них немало и наших земляков). 5 октября 1941 года гитлеровцы взяли Дорогобуж, 6 октября – Ельню, 7 октября – Вязьму, 14 октября – Ржев и Калинин, 18 октября – Можайск, 27 октября – Волоколамск. 22 октября они ворвались в Наро-Фоминск и после нескольких дней ожесточенных боев к 29 октября заняли восточную половину города. 29 октября немцы прорвались к Туле, на окраине которой начались ожесточенные бои. 2 ноября был взят Курск. Бои шли уже в 4–5 километрах

² Данный текст представляет собой отрывок из большой работы, посвященной истории костромского края во время Великой Отечественной войны.

тромского края. В середине октября 1941 года наш край непосредственно ощущал на себе страшное дыхание войны. Немецкая авиация бомбила Ярославль, Рыбинск, Тутаев, Данилов, Любим, Буй. Вскоре массированным бомбежкам начал подвергаться Горький. Вражеские самолеты появлялись над Костромой, Нерехтой, Галичем, их появление сопровождал жуткий вой сирен воздушной тревоги... Л. А. Колгушкин вспоминал: "...воздушные тревоги в Костроме надрывали сердца слабонервных людей и даже коренные костромичи [...] стали эвакуироваться на восток и на нижнюю Волгу [...]. Желаящих ехать грузили в трюмы барж..."³. Основными целями немецких бомбежек в Ярославле являлись шинный завод, входивший в состав резинокомбината (после того, как шинный завод в блокированном Ленинграде прекратил выпуск продукции, ярославский "шинник" остался единственным в СССР, выпускающим автомобильные шины), а также имеющий стратегическое значение железнодорожный мост через Волгу. Всполохи и зловещий гул бомбежек областного центра были хорошо видны и даже слышны в Костроме и ее окрес-

тностях. Костромич К. Соколов, в то время подросток, вспоминал про свое дежурство во время воздушных тревог: "Мы забирались на крыши и чердаки, не очень понимая, для чего это нужно. Часто в ночной темноте мы видели огненные всполохи над Ярославлем. Все говорили: "Опять "резинку" бомбят", т. е. резиновый комбинат"⁴. Жившая в то время в Самети под Костромой Л. С. Иванова свидетельствует: "Когда была первая бомбежка Ярославля, у нас ее было очень хорошо слышно. В Самети к этому времени уже в основном остались одни женщины, и никто не знал, что делать: кто в подвал лез, кто – из села побежал, думали, что и нас бомбить будут. В соседнем доме [...] девочка жила, приехала из Ярославля, у нее мать там на каком-то заводе работала, она все стояла, смотрела в сторону Ярославля, плакала и говорила, что, наверное, завод, где ее мать, бомбят. И на следующий день уехала туда"⁵. Л. П. Пискунов, живший тогда в Костромском районе, в ныне покоящейся на дне Костромского водохранилища д. Вежи – родине знаменитого дедушки Мазая – вспоминает: в октябре – ноябре 1941 года во время вечерних и ночных бомбежек Ярос-

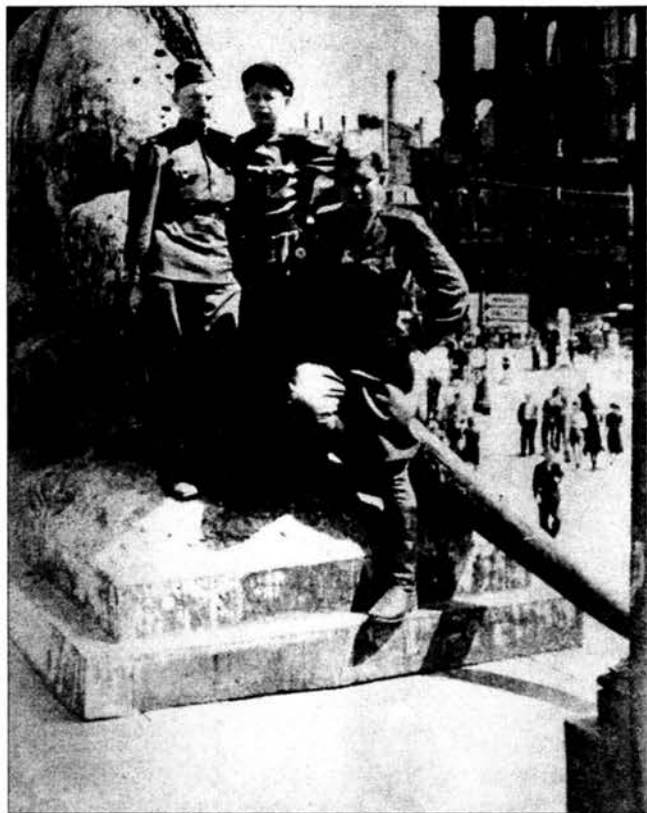
лавля "многие наши вежане собирались на краю деревни и смотрели на это зрелище. В небо над Ярославлем устремлялись десятки лучей прожекторов, сверкали разрывы снарядов и линии трассирующих пуль. И если два или три прожектора брали в перекрестье фашистский самолет, то его наверняка сбивали, видно было, как он, объятый пламенем, падает. В этот момент мы кричали: "Так его! Так!" – кто-то хлопал в ладоши и притоптывал"⁶. Осенью 1941 года немецкая авиация бомбила Буй, важнейший железнодорожный узел края: здесь основной целью немецких бом-

бардировщиков был железнодорожный мост через р. Кострому. Возвращаясь обратно, они иногда сбрасывали бомбы, которые им не удалось сбросить на Буй, куда попало. В Сусанинском районе одна из таких бомб упала возле крайнего дома в д. Дор Григоровского сельсовета, пять бомб взорвалось на поле, на котором пасся скот, близ д. Алексеевское Исаевского сельсовета⁷.

К счастью, за все время войны ни одна вражеская авиабомба не упала на Кострому. Среди старых костромичей с целью объяснения этого факта до сих пор бытуют всяческие небылицы, начиная с того, что Кострому не бомбили, потому что она – колыбель династии Романовых, и кончая тем, что будто бы у нас жила некая русская любовница Геринга (бывшего, как известно, и главнокомандующим германских ВВС). Однако подлинная причина в том, что у нас (в отличие от Ярославля или Горького) не было стратегически важных военных производств, а наш железнодорожный мост через Волгу из-за того, что Кострома была тогда тупиковой станцией, также имел ограниченное оборонное значение. Фронт же находился достаточно далеко, чтобы рисковать бомбардировщиками. Конечно, если бы немцы в 1941 – 1942 годах подошли к Костроме ближе, то и ей, безусловно, "досталось" бы от вражеской авиации.

Согласно постановлению Государственного Комитета Оборона от 22 октября 1941 года, вся военная и гражданская власть на местах переходила в руки местных комитетов обороны. Высшим органом власти в Ярославле и примыкающих к нему районах стал Ярославский городской комитет обороны во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) Н. С. Патолычевым. Таким же органом власти в Костроме и прилегающих к ней районах стал Костромской городской комитет обороны, в состав которого в конце октября вошли: Б. А. Новожилов – первый секретарь горкома ВКП(б) (председатель), А. П. Виноградов – председатель горисполкома, М. М. Лебедев – начальник горотдела НКВД, Н. Н. Рудницкий – комендант г. Костромы⁸.

В октябре 1941 года ситуация под Москвой побудила ярославское руководство выступить с инициативой по формированию в области народного ополчения. 9 октября Н. С. Патолычев был вызван в Москву для участия в ра-

Бойцы Ярославской коммунистической дивизии в Берлине. Справа - Г. Ухличев. Фото 1945 г.

боте Пленума ЦК ВКП(б). В последнюю минуту Сталин отменил Пленум, поручив встретиться с приехавшими в столицу руководителями областей секретарям ЦК А. А. Андрееву и Г. М. Маленкову. В письме Сталину об итогах встречи А. А. Андреев сообщал, что некоторые секретари обкомов «просили разрешить им приступить к организации 2 – 3 дивизий на область из числа непризывных контингентов [...]. Область берется при этом обеспечить такие дивизии обувью и обмундированием, политсоставом, кадрами коммунистов, частично снабдить вооружением и обеспечить за счет перевыполнения производства минометами, минами, гранатами. Мне кажется, следовало бы на это пойти. Я предложил секретарям обкомов, которые ставили этот вопрос (среди последних, судя по всему, был и Н. С. Патолитчев. – Н. З.), внести конкретные предложения в Комитет Обороны»⁹. 13 октября Ярославский обком обратился в ГКО с письмом, в котором говорилось: «Ввиду создавшегося тревожного положения на фронтах, и особенно на Центральном, а также в связи с приближением линии фронта к территории Ярославской области Ярославский обком ВКП(б) просит разрешить создать из числа коммунистов, комсомольцев и народных ополченцев Ярославской области 2 – 3 дивизии, укомплектовать их командно-политическим составом за счет руководящих партийных и советских кадров области, мобилизовать внутренние ресурсы области для их обмундирования, частичного вооружения и материального обеспечения. Обком ВКП(б) имеет в виду сформировать подразделения дивизий и полков по территориальному принципу, с тем чтобы их военное обучение проводить без отрыва от производства. Впоследствии эти дивизии по требованию Государственного Комитета Обороны в любое время могут быть влиты в Действующую армию»¹⁰.

Думается, что главным мотивом, заставившим Н. С. Патолитчева обратиться в ГКО с подобным ходатайством (мало ли на тот момент у него было других забот, чтобы взваливать на себя, по сути за счет области, еще и формирование 2 – 3 дивизий), являлось желание иметь под рукой «свои» местные войска, чтобы ввиду угрозы вражеского вторжения на террито-

Схема боевого пути Ярославской коммунистической дивизии. Репродукция

рию края не надеяться только на регулярную армию.

14 октября Н. С. Патолитчев с первыми секретарями горкомов партии: Ярославского (Б. А. Горбань), Рыбинского (М. Туркин) и Костромского (Б. А. Новожилов) был срочно вызван в Москву. В ночь с 14-го на 15-е октября в кабинете Сталина в Кремле представители области приняли участие в совещании по вопросу об обороне центрального района страны; в нем также участвовали первые секретари Ивановского (Г. Н. Пальцев) и Горьковского (М. И. Родионов) обкомов партии¹¹. Судя по воспоминаниям Н. С. Патолитчева, в эту ночь в Кремле речи о формировании в Ярославской области 2 – 3 дивизий не заходило, но уже 15 октября в ответ на письмо от 13 октября Государственный Комитет Обороны разрешил Ярославскому обкому сформировать одну дивизию народного ополчения.

В отличие от регулярной армии, при формировании ополчения нет четких критериев отбора по возрасту и здоровью. Само формирование ополченческих соединений – характерный признак критичности ситуации, когда нехватку кадровых частей пытаются возместить ополченцами (к такой же мере прибегли на завершающем этапе войны и немцы, формируя из стариков и мальчишек свой фолькстурм).

В ответе ГКО говорилось: «Разрешаю Ярославскому обкому ВКП(б) мобилизовать коммунистов, комсомольцев и народных ополченцев области для формирования одной стрелковой дивизии. Укомплектование командным и политическим составом поручается провести

за счет руководящих партийных и советских кадров области, обмундирование и частичное вооружение получить за счет ресурсов области, остальное за счет НКО*. Формирование, обучение, сколачивание поручено взять на себя Военному совету Московского военного округа. Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»¹². Н. С. Патолитчев вспоминал, что, получив эту бумагу из ГКО, был несколько озадачен: «Итак, вместо трех дивизий нам разрешили сформировать одну. Важно, однако, отметить: мы просили «разрешить создать из числа коммунистов...» Ответ: «Разрешаю... мобилизовать коммунистов...» Признаться, мы тогда и не заметили разницы между добровольностью и мобилизацией. Мы рады были, что наше предложение одобрено. В тех условиях добровольность и мобилизация были равнозначны»¹³. 17 октября в Ярославле в театре им. Ф. Г. Волкова состоялось собрание областного партактива, на котором было объявлено о создании дивизии. В принятой резолюции, в частности, говорилось: «В связи с [...] нависшей угрозой над важнейшими жизненными центрами страны, областной партийный актив объявляет всю областную партийную организацию мобилизованной. [...] Считать основной задачей ярославских большевиков в ближайшие дни провести строительство оборонительных рубежей вокруг городов Ярославля, Костромы и Рыбинска [...]. Областной партийный актив призывает всех трудящихся области отдать все силы и сред-

*Народный комиссариат обороны.

ства на быстрейшее сооружение оборонительных рубежей, превратить Ярославскую область в неприступную крепость обороны. [...] Собрание партийного актива с огромным удовлетворением встречает разрешение Центрального Комитета нашей партии о формировании Коммунистической дивизии из коммунистов, комсомольцев и народных ополченцев Ярославской области и заверяет, что большевики Ярославской области, в дни создавшейся угрозы над столицей нашей Родины любимой Москвой заверяем, что будем драться до последней капли крови, жизнью своих не пошадим, дадим сокрушительный отпор зарвавшемуся врагу. Да здравствует наша героическая Красная Армия, беззаветно сражающаяся на фронтах Отечественной войны! Да здравствует Центральный Комитет ВКП(б) и наш любимый Сталин!"¹⁴. Вскоре формирование соединения, получившего название "Ярославская коммунистическая дивизия" (командир – полковник Ф. А. Ламинский), началось в Песоченских лагерях.

С началом войны учебный центр в Песочном под Костромой превратился в место, где почти непрерывно шло формирование военных соединений, уходящих отсюда на фронт. Однако в довоенное время лагеря в Песочном функционировали только в теплое время года, когда военнослужащие в основном проживали в палатках. С наступлением холодов встал вопрос об утеплении множества вырытых землянок. С осени 1941 г. для устройства в них печек началась разборка на кирпич строений находившегося вблизи от лагерей бывшего Богородицко-Игрицкого монастыря, в результате чего был разобран Никольский храм, памятник зодчества XVII в. и ряд других строений. Местные жители до сих пор помнят длинные вереницы солдат, вручную переносивших в лагерь заготовленный таким образом кирпич.

В ряды "комдивизии", как ее часто

именовали в то время, вступило большое количество партийных, советских и комсомольских работников. Комиссаром дивизии стал секретарь Ярославского обкома ВКП(б) М. П. Смирнов (1905 – 1972), уроженец д. Рахманово Галичского уезда, комиссарами трех ее полков – первые секретари райкомов партии: Нерехтского – П. С. Карпов, Даниловского – С. В. Щелоков и Брейтовского – А. С. Лыскин. В ходе партийной мобилизации в дивизию вступило много рядовых коммунистов (к концу 1941 года из 11700 человек ее личного состава 5311 являлись членами ВКП(б) и 2487 – ВЛКСМ)¹⁵. В послевоенные десятиле-

пагандистском умилении от патристического порыва коммунистов и трудящихся края, решивших создать "Ярославскую коммунистическую", в послевоенное время крайне редко упоминалось о том, что это соединение формировалось как ополченческое. В лучшем случае, как и в войну, писалось, что дивизия формировалась из "коммунистов, комсомольцев и народных ополченцев", словно коммунисты и комсомольцы в данном случае не являлись такими же народными ополченцами. Подразделения дивизии комплектовались в основном из мужчин моложе 18-ти и старше 45-ти лет (т. е. из или еще не

Офицеры Советской Армии Процко, Ф. С. Баулов, Ошарин. Фото 1940-х гг.

тия Ярославской коммунистической было посвящена многочисленная литература, о ней писали несравненно больше, чем о всех других соединениях, формировавшихся в нашем крае, тем более что о некоторых из них, например, о 118-й стрелковой дивизии долгие годы вообще почти не упоминалось. Можно даже говорить об официальном "культе" Ярославской коммунистической дивизии. Объясняется это, конечно, в первую очередь, ее "громким" политическим наименованием и необычайно высоким удельным весом членов партии (особенно руководящих) в ее рядах на момент формирования. Однако при всем про-

достижных, или уже перешагнувших возрастные границы призыва в регулярную армию), а также лиц призывного возраста, не подлежащих мобилизации на фронт по состоянию здоровья. Добровольцами в "комдивизию" пошли многие студенты и даже школьники, например, 48 студентов Костромского текстильного института (ныне – технологический университет), и почти все десятиклассники 30-й средней школы* Костромы, из последних большинству еще не исполни-

* В бывшем здании этой школы на ул. Ивана Сусанина ныне находится Костромской областной институт повышения квалификации работников образования.

лось и 17 лет¹⁶. Три полка дивизии, что также нетипично для “обычной” армии, в основном комплектовались по территориальному принципу: 1340-й полк по преимуществу состоял из ярославцев, 1342-й – из рыбинцев, а 1350-й – из костромичей. Не будучи регулярной, дивизия и обмундировывалась “методом народной стройки”: костромская фабрика “X Октябрь” поставила ей кирзовые сапоги, сусанинские шапочники – шапки-ушанки, ярославский завод “Упорный труд” – валенки, а швейные фабрики и тутаевский овчинно-шубный завод – бушлаты и полушубки (вся эта продукция изготовлялась предприятиями, разумеется, сверх плана). Несравненно хуже было с оружием. Комиссар дивизии М. П. Смирнов вспоминал: “...дивизия готовилась к выступлению на фронт в самые сокращенные сроки, и поэтому ее обучение не было совершенным: из-за отсутствия вооружения, например, не проводилась огневая подготовка. Артиллерийский полк не имел орудий и получил их только по прибытии на фронт. Обстановка на фронтах требовала срочного ввода в действие резервов, и приходилось мириться с серьезными недоделками. Молчать о них тоже нельзя. Ведь это еще раз подчеркивает, в каких сложных условиях приходилось сражаться дивизии в первый период боев против хорошо обученного и до зубов вооруженного противника”¹⁷.

7 и 8 ноября бойцы Ярославской коммунистической дивизии в Песочном, как и весь наш край, как и вся страна, узнали о событии, в обстановке тех дней бывшем почти судьбоносном. 7 ноября 1941 года в Москве на Красной площади состоялся традиционный военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Нельзя не отдать должное Сталину, несмотря на огромный риск (ведь немецкая авиация регулярно бомбила столицу), решившемуся на его проведение. В этом историческом параде в составе различных частей и военных училищ участвовало немало наших земляков. Особенно много их было в рядах 332-й стрелковой дивизии им. М. В. Фрунзе, которая только что была сформирована в Ивановской области, и в ее состав вошло много призванных из Макарьевского, Кадыйского и Семеновского (Островского) районов, входивших в то время в Ивановскую область. Нашим земля-

ком являлся и командир дивизии – уроженец Судиславского района полковник (позднее генерал-лейтенант) С. А. Князьков. В конце октября из Иванова дивизию перебросили под Москву, где она заняла оборонительные рубежи в районе Каширского шоссе. Здесь командир дивизии и получил приказ о проведении в Москве парада, для участия в котором были выделены один из полков и сводный батальон автоматчиков¹⁸. Рано утром бойцы 332-й дивизии уже находились в строю на заснеженной Красной площади. Около 8 часов на трибуну ленинского Мавзолея поднялся Сталин. Как ни на ком другом, на нем, как на Верховном Главнокомандующем, лежала огромная личная ответственность за то, что враг оказался у самых стен Москвы. Но в это утро на трибуне Мавзолея, на фоне священных стен и башен Кремля Сталин был национальным вождем, руководителем страны, ведущей борьбу не на жизнь, а на смерть. К подразделениям ивановской дивизии на коне подъехал маршал С. М. Буденный, поздравил с праздником и, провожаемый раскатистым “ура”, поспекал дальше. Вместе со всеми участниками парада бойцы 332-й дивизии услышали речь Сталина, завершившуюся словами: “На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. [...] Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!”¹⁹. Во главе со своим комдивом, полковником С. А. Князьковым, батальоны 332-й дивизии, чеканя шаг под музыку оркестра, прошли по площади мимо Мавзолея, мимо памятника Минину и Пожарскому, воздвигнутому некогда благодарной Россией в трагическую пору Смутного времени. Фигуры великих предков словно провожали тех, кто возвращался на позиции, чтобы ценою своих жизней вновь спасти Москву...

В течение всего ноября военная обстановка под Москвой продолжала ухудшаться. 16 ноября началось второе “генеральное” наступление немецких войск

на Москву. Не готовившееся к войне в зимних условиях германское командование во что бы то ни стало хотело овладеть столицей СССР до начала зимы. Ожесточенные бои велись уже на самых ближних подступах к Москве. 24 ноября немцы взяли Клин, 27 ноября – Истру, 28 ноября в районе Яхромы они форсировали канал Москва – Волга. 30 ноября противник захватил Красную Поляну, находящуюся в 27 километрах от Москвы, и начал подтягивать туда дальнобойные орудия для обстрела Кремля.

К середине ноября 1941 года, когда возникла реальная опасность прорыва немцев на территорию Ярославской области, людей на “трудовой фронт” уже не надо было отправлять далеко: новый рубеж обороны пролегал в ближайших окрестностях Костромы. Со второй декады ноября тысячи жителей Костромы и прилегающих к ней районов начали рыть на левом берегу Волги огромный противотанковый ров, тянувшийся от окрестностей с. Саметь до Костромы и уходивший далее ниже по течению в сторону Красного. Тысячи женщин и подростков ломали, кирками и лопатами долбили промерзшую землю, рыли ров, строили доты, дзоты, землянки. Эти работы продолжались в течение всей лютой зимы 1941 – 1942 годов и были прекращены только весной²⁰.

Одна из участниц этих работ, тогда молоденькая учительница школы № 26 С. Г. Яблокова, вспоминала: “Были трескучие морозы. А в руках кувалды весом по 8 килограммов каждая. Ударишь кувалдой по клину – отходит часть мерзлой земли. И так шаг за шагом”²¹.

И вот, наконец, наступило то, чего советские люди ждали с первых дней войны. Получив точные сведения о том, что союзник Германии Япония в ближайшее время не планирует нападения на СССР, наше руководство смогло перебросить с Дальнего Востока к Москве большое количество войск. 5 декабря 1941 года войска Калининского и Западного фронтов перешли в контрнаступление и погнали врага от Москвы на запад на большом участке фронта, от Калинина на севере до Ельца на юге. Один за другим с боями возвращались города, оставленные в октябре и ноябре. 11 декабря 1941 года наши войска освободили Истру, 12-го – Солнечногорск, 15-го – Клин, 20-го – Волоколамск, 26-го –

Наро-Фоминск, 30-го – Калугу, 20 января 1942 года – Можайск и др. В результате контрнаступления под Москвой немцы были отброшены на запад на 100 – 250 километров, чем устранялась угроза окружения столицы. Красная Армия освободила тысячи населенных пунктов Московской, Калининской, Рязанской, Тульской, Калужской и других областей.

Отступая, немцы жгли подмосковные села и деревни, от которых оставались только пепелища с торчащими печными трубами. Фотодокументы и кинохроника сохранили картины декабрьского наступления под Москвой: груды подбитой немецкой техники, толпы пленных, закутанных в женские платки и всевозможное тряпье. Убежденные в том, что их блицкриг завершится до наступления холодов, Гитлер и германский генералитет не готовились к ведению боевых действий в зимних условиях. Расплачиваться за это пришлось их солдатам, разделившим в 1941 году судьбу отступавшей в 1812-м от Москвы “великой армии” Наполеона. Уроженец Судиславского района Ф. Д. Волков вспоминал, как видел “в подмосковных лесах, на полях сражений под Яхромой, Красной Поляной, у Волоколамска, под Тулой [...] тысячи замерзших, исковерканных трупов немецких солдат в летних шинелях, в пилотках”²².

С декабря 1941 года с нашим контрнаступлением под Москвой навсегда остался связан избитый литературный штамп о том, что под Москвой был развеян миф о непобедимости германской армии. И это действительно так. Правда, еще раньше, в июне – июле 1941-го, оказался развеян другой миф – о непобедимости Красной Армии. Обеим армиям с их “развеянными” мифами предстояла еще долгая и тяжелая война со многими победами и поражениями. И, наверное, многим нашим бойцам тогда, в “белоснежных полях под Москвой”, как и герою “Живых и мертвых” К. М. Симонова, нелегко было “свыкнуться с трудной мыслью, что, как бы много всего ни оставалось у них за плечами, впереди была еще целая война...”²³.

В битве под Москвой участвовало много наших земляков, но особо, конечно, надо отметить 328-ю стрелковую дивизию, сформированную в августе – сентябре 1941 года в Песочном (командир – полковник П. А. Еремин).

Эта дивизия была укомплектована в основном из ярославцев и костромичей, призывников второй очереди (т. е. старших возрастов). В начале октября дивизия получила приказ о передислокации в район Пензы. На митинге в

лометров, освободив множество населенных пунктов Рязанской, Тульской и Калужской областей; участвовала в освобождении городов Одоев, Белев, Сухиничи, Жиздра и др. 24 мая 1942 года за боевые заслуги, проявленные в битве

Бойцы Ярославской коммунистической дивизии. В центре – комиссар М. П. Смирнов. Фото 1942 г.

честь ее проводов выступил первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев. Через Москву 328-я дивизия была переброшена в район Пензы, где вошла в состав 10-й армии. В конце ноября эта армия была переброшена под Рязань (фронт от Рязани пролегал в 30 километрах). 4 декабря 1941 года 328-я дивизия получила приказ выдвинуться на исходный рубеж и утром 6 декабря начать наступление на г. Михайлов (Рязанская обл.). Проходя по 50 – 60 километров в сутки (причем движение совершалось только ночью), в тридцатиградусный мороз, по глубокому снегу дивизия совершила марш к Михайлову. Рано утром 6 декабря в рамках общего контрнаступления Юго-Западного фронта под Москвой части дивизии пошли на штурм Михайлова и к утру следующего дня очистили его от немцев. Михайлов стал первым городом, освобожденным бойцами 328-й дивизии, и первым городом, освобожденным во время наступления наших войск под Москвой.

В декабре 1941-го – январе 1942 года дивизия с боями прошла более 300 ки-

под Москвой, 328-я стрелковая дивизия была преобразована в 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию. 23 июня 1942 года на торжественном построении, в присутствии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского дивизии было вручено гвардейское знамя.

В первой половине февраля 1942 г. 328-я дивизия вошла в состав 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, в ее рядах дивизия находилась до конца войны. Позднее 31-я гвардейская дивизия сражалась на Брянщине, освобождала Белоруссию; за участие в освобождении Витебска ей было присвоено почетное наименование “Витебская”. 18 октября 1944 г. части дивизии вышли к бывшей государственной границе СССР. В Восточной Пруссии 31-я гвардейская участвовала в штурме Кенигсберга и завершила свой боевой путь взятием 29 апреля 1945 г. немецкой военно-морской базы Пиллау (Балтийск)²⁴.

В боях за освобождение Калинин большую роль сыграла 243-я стрелковая дивизия, сформированная в начале войны в Ярославской области в значительной степени из призывников кост-

ромского края. С освобождением Калининна – древней Твери – навсегда связано имя командира этой дивизии, уроженца Костромы, генерал-майора (позднее генерал-лейтенанта) В. С. Поленова (1901 – 1968). 243-я дивизия атаковала Калинин рано утром 5 декабря. Ожесточенные бои на его улицах продолжались 11 дней. К полудню 16 декабря Калинин был полностью очищен от противника: этот древний русский город на Волге стал нашим первым областным центром, освобожденным от оккупантов. Приказом командующего Калининского фронта генерал-полковника И. С. Колева комдив В. С. Поленов был назначен комендантом Калининна. 16 декабря во время митинга на центральной площади Революции в присутствии тысяч жителей города В. С. Поленов под троекратный салют водрузил над обгоревшим зданием облисполкома красное знамя²⁵.

В разгар нашего контрнаступления под Москву из Песочного отправилась Ярославская коммунистическая дивизия. В конце декабря 1941 года она была преобразована из ополченческой в кадровую и получила новое наименование – 234-я стрелковая дивизия (правда, в послевоенные десятилетия в литературе ее обычно предпочитали называть первоначальным “ополченческим” именем – “Ярославская коммунистическая”). 26 декабря Ярославский обком ВКП(б) доложил ГКО, что во исполнение его постановления от 15 октября “сформирована из коммунистов, комсомольцев и народных ополченцев 234-я стрелковая дивизия, которая к настоящему времени полностью обмундирована и частично вооружена за счет ресурсов области”²⁶. 29 декабря 1941 года личный состав дивизии принял боевую присягу: на состоявшемся по этому поводу митинге председатель Ярославского облисполкома В. А. Гогосов вручил соединению красное знамя обкома и облисполкома (скорее всего, знамя должен был вручить первый секретарь обкома, но Н. С. Патолитчев 28 декабря был назначен первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) и уже покинул область).

В канун нового, 1942 года полки дивизии оставили Песочное и маршем двинулись в Кострому для погрузки в эшелоны и отправку на фронт. Ветеран дивизии П. В. Коротков вспоминал: “Мы шли по затемненным улицам родного горо-

да к вокзалу. На тротуарах появилась масса народу, люди шли вместе с нами. Костромичи тепло и трогательно провожали своих близких и друзей на ратные подвиги. Представители от фабрик и заводов вручили нам много подарков. [...] Настроение у нас было боевое – пели, плясали. Но жены, матери и дети не веселились, они плакали: многие из них прощались с отцами, сыновьями и матерями навсегда”²⁷. Из Костромы дивизия была перевезена под Москву, где, высадившись на станции Одинцово, заняла позиции во втором рубеже обороны, прикрывая Можайское, Минское и Киевское шоссе. М. П. Смирнов вспоминал: “На переднем крае воевали другие части. Ярославцы имели задачу: прикрывать столицу нашей Родины на случай прорыва противника. Такая возможность, видимо, командованием не исключалась. Несмотря на разгром немецко-фашистских войск под Москвой, враг еще сильно огрызнулся...”²⁸. В конце февраля 1942 года дивизию перебросили на Калининский фронт. Марш на новый участок фронта был очень тяжелым. “Запасы наши (продовольствия и фуража. – Н. З.) к этому времени [...] иссякли. и на марше мы встретились с большими затруднениями. Из-за отсутствия фуража лошади обессилели, орудия и повозки люди тянули на себе. Сильные снегопады заметали дороги, но воины упорно продвигались к передней линии фронта”²⁹. 8 марта дивизия прибыла в район сосредоточения и заняла линию обороны вблизи г. Велиж (Смоленская обл.). Через некоторое время дивизия получила приказ двинуться в район г. Белого (совр. Тверская обл.). 27 марта 1942 года отдельные части дивизии вступили в первый бой. На следующий день 2-й батальон 1342-го полка атаковал противника, освободив смоленскую деревню Савостино. В занятой деревне бойцы похоронили своих первых погибших: почти всю шестую роту батальона, в основном состоявшую из записавшихся в дивизию добровольцами студентов Костромского текстильного института, во главе с командиром роты Ходосовским и комиссаром батальона Абрамовым, бывшего агронома из Красного-на-Волге³⁰.

В течение 1942 – 1943 годов 234-я дивизия вела тяжелые бои на Смоленщине. За освобождение в августе 1943 года г. Ломоносова приказом Верхов-

ного Главнокомандующего от 19 сентября 1943 года дивизии было присвоено почетное наименование – “Ломоносовская”. В 1944 году дивизия освободила Белоруссию, воевала в Польше. За участие в освобождении предместья Варшавы – Праги ей было присвоено второе почетное наименование – “Пражская”. В феврале 1945 года дивизия участвовала в прорыве “Померанского вала”, в апреле форсировала Одер. Свой боевой путь дивизия завершила в г. Нойштадте вблизи от Эльбы³¹.

Примечания:

- ¹ Гроссман В. С. Годы войны. – М., 1989. – С. 281.
- ² Белоруков Д. Я помню... // Губернский дом, 1995, № 2. – С. 33.
- ³ Колгушкин Л. А. Воспоминания (рукопись). Архив автора.
- ⁴ Соколов К. Кострома в войну // Костромской край, 12 января 1994 г.
- ⁵ Иванова Л. С. Вспоминания былые // П. А. Калинин: эпоха и личность. – Кострома, 2004. – С. 97.
- ⁶ Пискунов Л. П. Воспоминания о годах войны (рукопись). Архив автора.
- ⁷ Смирнов П. Сусаницы в грозные дни 1941 года // Сусанинская новь, 19 октября 1967 г.
- ⁸ Создание Комитета обороны г. Костромы // Северная правда, 29 октября 1941 г.
- ⁹ Советская Россия, 20 октября 1989 г.
- ¹⁰ Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. – Ярославль, 1960. – С. 20 (далее – Ярославцы в годы Великой Отечественной войны).
- ¹¹ Патолитчев Н. С. Испытание на зрелость. – М., 1977. – С. 126 – 131 (далее – Патолитчев Н. С. Испытание на зрелость).
- ¹² Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. – С. 83.
- ¹³ Патолитчев Н. С. Указ. соч. – С. 149.
- ¹⁴ Там же. С. 81 – 85.
- ¹⁵ От Волги до Эльбы. Воспоминания ветеранов Ярославской коммунистической дивизии. – Ярославль, 1963. С. 9 – 10 (далее – От Волги до Эльбы).
- ¹⁶ Там же. С. 132. Соболев В. Не померкнет никогда! К 45-летию Ярославской коммунистической дивизии // Северная правда, 18 октября 1986 г.
- ¹⁷ От Волги до Эльбы, с. 11.
- ¹⁸ Голубев Е. П. Костромичи-полководцы Великой Отечественной. – Кострома, 1995. – С. 89 – 90.
- ¹⁹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. – М., 1949. – С. 39 – 40.
- ²⁰ Пискунов Л. Оборона Костромы // Северная правда, 19 июня 1998 г.
- ²¹ Яблокова С. Г. Дети войны // Северная правда, 22 июля 1994 г.
- ²² Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. – М., 1992. – С. 203.
- ²³ Симонов К. М. Живые и мертвые. Кн. 1. – М., 1989. – С. 478.
- ²⁴ Полянев А., Туткус В. Гвардейская Витебская. – Ярославль, 1975.
- ²⁵ Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. – С. 334.
- ²⁶ Воронин Н. Фигура умолчания. // Костромской край, 18 мая 1995. Голубев Е. П. Костромичи-полководцы Великой Отечественной. – Кострома, 1995. С. 79 – 88.
- ²⁷ Коротков П. На защиту столицы. // Северная правда, 1 ноября 2001 г.
- ²⁸ От Волги до Эльбы, с. 11.
- ²⁹ Там же. С. 12.
- ³⁰ Там же. С. 134 – 135.
- ³¹ Там же. С. 108 – 131; Книга памяти (Костромская область). – Ярославль Т. 1, 1994. – С. 21 – 22; Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. – С. 406.

ПРОЗА И ГЕРОИКА ТЫЛА

Прошло 60 лет со дня Победы в самой жестокой войне XX века. Прошел XX век, завершилось тысячелетие – все плотнее завеса времени, отделяющая нас от години тяжелых испытаний. Ненасытный Молох новых войн и социальных потрясений свежо болью стирает память о поражениях и победах Великой Отечественной. Ветераны теперь уже легендарных сражений 1941–45-х – поколение победителей – много ли их осталось сегодня? Сегодня творят историю их дети и внуки, не изведавшие ни великой скорби, ни великого триумфа. Хватит ли у них мужества быть достойными своих предков?

Наши земляки внесли достойный вклад в общее дело победы. Костромская земля дала Родине 160 Героев Советского Союза, 150 генералов, адмиралов, маршалов, всего же за годы войны из Костромской области было призвано почти 260 тыс. человек – каждый четвертый костромич. Из них 115 с половиной тысяч не вернулись к родным очагам.

Сама Кострома не была под вражескими бомбежками, не испытала

трагедию оккупации – Кострома разделила участь многих российских тыловых городов. Предприятия были перестроены на выпуск продукции, необходимой фронту, сотни людей мобилизованы на трудовой фронт. За неявку на работы оборонного значения отдавали под суд по законам военного времени.

В городе строго соблюдался режим светомаскировки, действовали посты воздушных наблюдений.

Война подняла людей с насиженных мест – тысячи эвакуированных и беженцев, промышленные предприятия, культурные, научные и учебные заведения двинулись вглубь страны, в места, недоступные для действий врага. Железнодорожные пути сообщения работали на пределе возможностей. Одной из главных дорог спасения стала Волга.

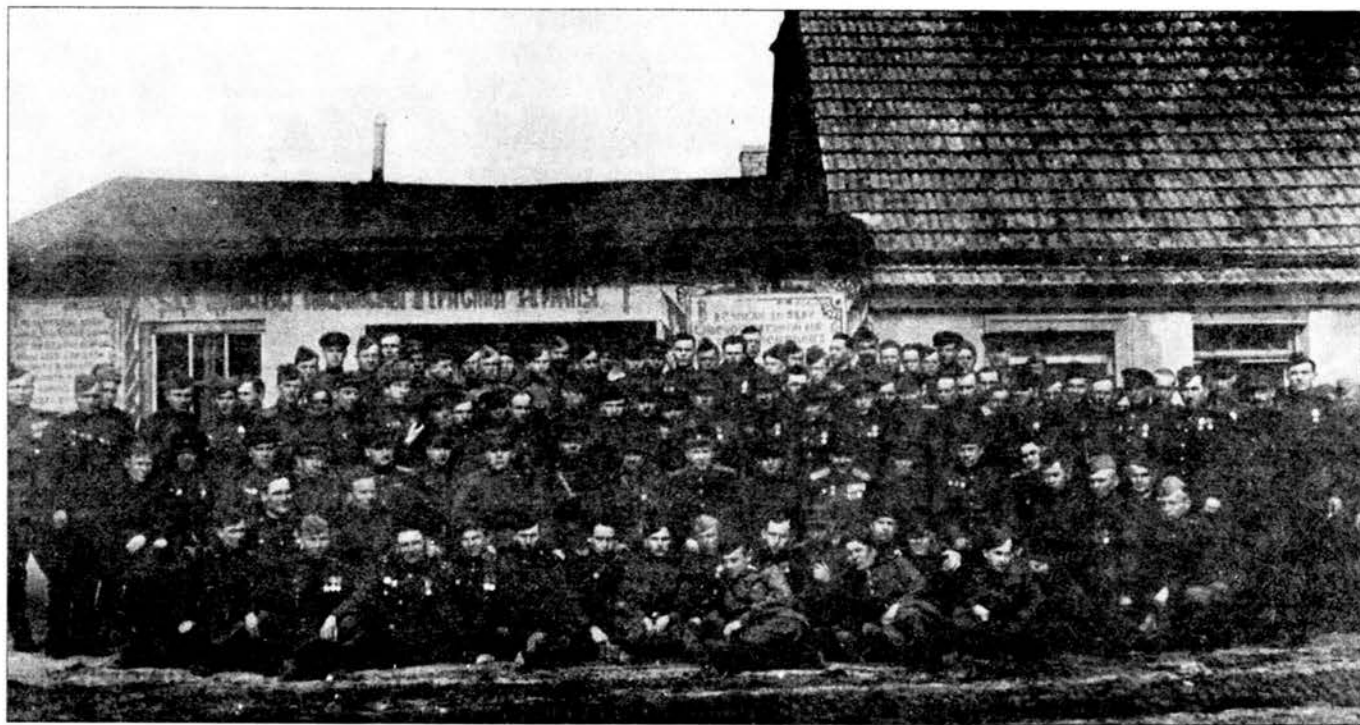
К маю 1942 года город принял 7780 человек: 3991 взрослых и 3789 детей из Москвы, Ленинграда, Смоленска, Пскова. В июне только из Ленинграда прибыло еще 1500 человек... Изнуренные блокадой ленинградцы требовали особой, незамедлительной и все-

сторонней помощи. Костромской эвакуопункт, созданный в самом начале войны, решал сложнейшие проблемы трудоустройства, лечения, питания эвакуированных граждан.

Из Ленинграда в Кострому были эвакуированы: детские дома, Артиллерийское училище, Военно-транспортная академия, Военно-инженерное училище, Училище военных сообщений.

Один из блокадников, Михаил Иванович Фролов, посетивший в 1999 году читальный зал архива, рассказал о скорбном пути ленинградцев в Кострому. Из общего количества вывезенных к месту назначения прибыло чуть больше половины: кто-то умер в дороге от дистрофии, кого-то сняли на промежуточных станциях для оказания медицинской помощи. Для спасения блокадников необходимо было полноценное питание. Костромской торговдел напряженно изыскивал необходимые средства для восстановления их жизненных сил.

Продовольствие поступало в основном из местных колхозов и совхозов. Женщины, старики и дети, заменившие в сельском хозяйстве ушед-

Собрание партийного актива 234-й стрелковой дивизии в Польше. Фото 1944 г.

Офицеры Советской Армии. Фото 1940-х гг.

ших на фронт мужчин, работали с полной отдачей сил, но результаты их труда шли на нужды армии – сама же деревня испытывала величайшую нужду в простейших продуктах питания. В правления колхозов сотнями поступали полуграмотные, написанные порою цветным (детским), вероятно, еще довоенным, карандашом заявления, свидетельствующие о жизни костромских крестьянок-тружениц в годы войны.

Несмотря на трудности, ленинградцам все же находили дорогие и редкие в тылу продукты. Так, в ведомости о расходе продуктов на питание блокадников только за первую декаду марта 1942 года *“было выделено: мяса – 5716 кг, масла сливочного – 1859,7 кг, яиц – 10489 штук, сахара – 32017 кг, молока – 8000 л...”* Далее – крупа, мука, макаронные изделия, овощи. Кроме этого, пораженные дистрофией люди получили какао, толокно, кофе, овсянку.

Проблема размещения беженцев и эвакуированных остро встала почти с самого начала войны. Уже в конце июня 1941 все городские гостиницы были переполнены. Вопрос освобождения помещений стал одним из основных для городских и районных властей. Из эвакуированных лишь небольшая часть – семьи руководящих работников партийных и советских органов, нач. состава РККА, войск НКВД – имели право (кроме внеочередного оказания материальной помощи деньгами, питанием,

одеждой) избирать место жительства по собственному желанию. Остальные были рады любому крову над головой.

В связи с острым дефицитом жилья в городе одинокие граждане, занимающие большие площади, переселялись в меньшие по своим размерам комнаты, уплотнялись общежития фабрик, заводов, учебных заведений. С миру по нитке собирались для новоселов подушки, матрасы, простыни, наволочки.

Комендантам для уборки и наведения порядка в общежитиях распоряжением горсовета было разрешено привлекать к работам *“физически здоровых лиц из числа самих эвакуированных”*. Но при такой скученности народа порядок соблюсти было трудно: перенаселение неизбежно порождало антисанитарию, та, в свою очередь, различные заболевания – пошел сыпняк.

Решением Ярославского исполкома облсовета для борьбы с сыпным тифом местным чрезвычайным противоэпидемическим комиссиям было вменено в обязанность усилить контроль за проведением специальных мероприятий, и в первую очередь – обеспечить бесперебойную работу бань, прачечных, санпропускников, своевременно снабжать их водой и топливом.

В годы войны в Костроме и крупных райцентрах постоянно действовали 10 – 15 эвакуогоспиталей. Из документов известно, что уже в июле 1941 вышло распоряжение о размеще-

нии госпиталей в школах № 26, 27, 29, в учительском институте и общежитии лесосплавного техникума. Под госпитали были отданы местные дома отдыха, санатории: *бывшие их хозяева “обязаны были в 3-дневный срок их освободить как от жильцов, так и имущества, не требующегося для госпиталей”*.

Город принял и содержал дислоцирующиеся в Костроме воинские части: 3 стрелковые дивизии (118, 285, 328, каждая численностью до 14 тыс. человек) – отобилизованы в Костроме за 6 месяцев 1941 г., Ярославскую коммунистическую дивизию (234), в состав которой входил костромской полк, – сформирован в короткий срок на территории области по указанию Государственного Комитета Обороны, 133 стрелковую дивизию, 76 кавалерийскую дивизию, 283 и 293 гаубично-артиллерийские полки и др. И хотя Кострома не пострадала от вражеских снарядов, но на специальных заседаниях горсовета не раз обсуждалась проблема восстановления частично разрушенных, в разной степени поврежденных общежитий, школ и других городских зданий, которые занимали эти военные подразделения.

Надо ли говорить о том, что коммунальные службы едва справлялись с обслуживанием перенаселенного города. Природные и энергетические ресурсы были недостаточны для многократно возросших потребностей края. В Костроме были введены строгие лимиты на воду, топливо, электроэнергию, карточная система распределения продуктов питания. Расходные статьи бюджета города и районов предельно сократились. Примечательно, что особым секретным решением облсовета (Горьковского облсовета депутатов трудящихся¹) всем исполкомам райгорсоветов, бюджетным учреждениям и хозяйственным организациям было запрещено *“расходовать денежные средства “даже” на организации и проведение каких-либо банкетов, вечеров и при-*

¹ В 1944 году в состав Костромской области были включены: Антроповский, Буйский, Галичский, Костромской, Красносельский, Нейский, Нерехтский, Ореховский, Палкинский, Парфеньевский, Солигаличский, Судиславский, Сусанинский, Чухломский районы Ярославской обл.; Кадыйский Макарьевский и Семеновский Ивановской обл.; г. Шарья, Ивановский, Кологривский, Мантуровский, Межевской, Пыщугский и Шарьинский районы Горьковской обл.; Вохомский и Павинский районы Вологодской обл.

Бойцы 234-й стрелковой дивизии К.И.Маланов, Л.Г.Фолькевич,
3-й участник не установлен. Фото 1940-х гг.

емов, устраиваемых по разным поводам"; более того, виновных предполагалось привлекать к различного рода ответственности, вплоть до уголовной.

Тыл жил по законам военного времени. Тыл жил надеждой на победу и отдавал все силы для ее приближения.

1941 год

Решение № 112 с исполнительного комитета Горьковского областного Совета депутатов трудящихся об изъятии на время войны радиоприемников (ламповых и детекторных) и радиол

28 июня 1941 года

В соответствии постановления Совнаркома СССР от 25 июня с.г. № 1750 об изъятии на время войны у населения радиоприемников и радиол исполком облсовета решил:

1. Обязать врид начальника Областного управления связи тов. Косенко:

а) в срок, установленный Совнаркомом (5 дней), произвести приемку радиоприемников (ламповых и детекторных) и радиол от трудящихся по их месту жительства,

б) при приемке радиоаппаратуры разъяснить слатчикам о том, что изъятие радиоаппаратов производится

только на время войны и по окончании последней будут возвращены владельцам, а сохранность последних обеспечивают органы связи,

в) выделить ответственных лиц за их сохранность и организовать правильное хранение приемников.

2. Предложить исполкомам гор- и райсоветов представить органам Наркомсвязи складскую площадь для хранения изъятых у населения радиоприемников и радиопередатчиков.

3. Принять к сведению заявление тов. Косенко о том, что:

а) управлением связи разработана инструкция о порядке приема от населения радиоприемников и обеспечена их сохранность,

б) в основном складской площадью для хранения радиоприемников как в городе, так и в районах области управление связи обеспечено (за счет своих площадей).

4. Поручить зам. пред. исполкома облсовета т. Кузнецову обязать руководителей облторготдела, облпотребсоюза и главунивермага о прекращении торговли радиоприемниками, обязав их разрешить вопрос о хранении совместно с управлением радиосвязи.

*Председатель исполкома облсовета
Третьяков*

*Отв. секретарь облвоенком Руссин
Зав. секретной частью исполкома
Юдинцева*

ГАКО, ф.р.2180, оп.3, д.15, л.34.

Из Постановления собрания партактива города Костромы

29 июня 1941 года

[...] Потребовать от партийных, хозяйственных, профсоюзных руководителей в ближайшие дни совершенно ликвидировать прогулы, установить строжайший порядок и железную трудовую дисциплину на предприятиях. Решительно разоблачать и беспощадно бичевать лодырей, рвачей и дезорганизаторов производства как людей, допускающих преступления перед Родиной [...]

[...] Поручить горкому, райкомам ВКП (б) и секретарям первичных парторганизаций наметить мероприятия по оказанию практической помощи колхозам по уборке урожая [...]

ГУ "ГАНИКО" ф.р.2, оп.1, д.1145, л.56, 57, 58.

Из решения Исполкома горсовета депутатов трудящихся по вопросу обеспечения жилплощадью эвакуированных граждан

1 июля 1941 года

[...] Переуплотнение городского жилого фонда, вызванное размещением эвакуированных граждан и переселением военных госпиталей в город Кострому, создало затруднение в дальнейшем размещении граждан, как эвакуированных, так и местных жителей, нуждающихся в жилплощади.

[...] Поручить Горжилуправлению произвести переселение граждан-одиночек, занимающих большие жилые площади, в меньшие по своим размерам комнаты, временно, на период военного времени, а высвобожденную площадь использовать для необходимого размещения эвакуированного и другого населения.

*Председатель исполкома горсовета
ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.95.*

Из решения суженного заседания исполкома областного Совета депутатов трудящихся Ярославской области

12 июля 1941 года

1. Для дополнительного развертывания эвакогоспиталей Наркомздрава утвердить выделенные Облвоенкоматом следующие помещения:

по гор. Костроме:

Школа № 27 с размещением в ней – 250 коек.

Учительский институт – 400
Общежитие лесосплавного техникума – 150
Школа № 29 – 400
Школа № 26 – 400

III. В отведенных домах отдыха и санаториях и др. зданиях под эвакуогоспитали все имущество и подсобные помещения, принадлежащие домам отдыха и санаториям (мягкий, твердый инвентарь, оборудование и проч.), передать эвакуогоспиталям. [...]

VI. Все отведенные помещения под эвакуогоспитали освободить в 3-дневный срок как от жильцов, так и имущества, не требующееся для госпиталей.

ГАКО, ф.р.7, оп.8, д.1, л.32.

**Предписание Костромского горисполкома директору Костромского текстильного института о выделении инвентаря эвакуационному пункту
19 июля 1941 года**

Исполком горсовета просит Вас отпустить во временное пользование эвакуационному пункту следующее количество инвентаря: подушек – 20 шт., столов письменных – 2, одеял – 10 шт., простыней – 40 шт., наволочек – 40 шт., полотенец – 40 шт.

Зам. пред. горисполкома начальник эвакуопункта Титов

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2400, л.33.

**Предписание Костромского горисполкома директору фельдшерско-акушерской школы о выделении инвентаря эвакуационному пункту
19 июля 1941 года**

Исполком горсовета просит Вас отпустить во временное пользование эвакуационному пункту следующее количество инвентаря: простыней – 60 шт., наволочек – 40 шт., полотенец – 30 шт.

Зам. пред. горисполкома начальник эвакуопункта Титов

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2400, л.32.

**Об устройстве эвакуированных семей руководящих советских и партийных работников
22 июля 1941 года**

[Вологодский исполком – Председателю исполкома Вохомского райсовета]

В соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 5 июля 1941 г. и распоряжением Совнаркома РСФСР

от 6 июля 1941 г. предлагаю: обеспечить расселение и первоочередное устройство на работу прибывающих на жительство эвакуированных из прифронтовой полосы семей руководящих партийных и советских работников и семей нач. состава РККА, В.М.Ф. и войск НКВД, оказывать им на первое время материальную помощь деньгами, питанием, в случае необходимости одеждой и т.д.

Семьи указанных категорий работников имеют право избирать местожительство по собственному желанию.

Председатель облисполкома Абрамов
ГАКО, ф.р.2175, оп.3, д.170, л.10.

**Предписание Костромского горисполкома директору Текстильного института о выделении детям, эвакуированным в г. Кострому, постельных принадлежностей
июль 1941 года**

Костромской горисполком предлагает выделить для детей 227-й

Ф.И.Ерохов, уроженец с. Федорово Костромского р-на. Фото 1943 г.

школы, эвакуированной в г. Кострому, следующее количество постельных принадлежностей: простыней – 61 шт., одеял – 18 шт., наволочек – 43 эк., подушек – 19 шт., полотенец – 20 шт.

Председатель исполкома
Зав. горсоно
ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2400, л.15.

**Рапорт начальнику РО НКВД начальника эвакуобазы о скоплении грузов на складе станции Кострома-Новая
август 1941 года**

Костромская эвакуобазы по приему грузов из прифронтовой полосы просит Вас обязать бумажную фабрику “Байдарки” о немедленной уборке бумажных отходов от склада на ст. Кострома-Новая, где у нас в складе отложено всевозможное эвакуированное ценное оборудование, прибывшее из прифронтовой полосы. Бумажные отходы, лежащие около склада, создают опасность в пожарном отношении, так как рядом проходит по линии маневренный паровоз, из которого не исключена возможность попадания искр, вследствие чего может возникнуть пожар, а также до сего времени в складе не убраны бумажные отходы, в силу чего до настоящего времени мы не можем убрать с путей ценное электрооборудование. Несмотря на наше требование убрать от склада и из склада бумажных отходов, мер не принимается.

Просим Вас обязать бумажную фабрику “Байдарки” произвести быстрой уборку.

Начальник эвакуобазы Суриков
ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2384, л.411.

**Письмо председателю горсовета от гр. Калинина
11 августа 1941 года**

Прошу мне оказать содействие в розыске моей семьи. Из г. Смоленска в Кострому эвакуирован Смоленский льнокомбинат. Совместно с оборудованием выехал ряд рабочих и семьи.

Я Вас очень прошу проверить, была ли семья работника льнокомбината Демьянова Евгения в составе:

1. Демьяновой-Калининой Евгении Георгиевны и с ней трое детей.
2. Ее матери и моей матери Калининой Ефросиньи Максимовны.

Прошу передать это письмо или ответить мне по адресу.

ГАКО, ф.р.7, б/ш, д.464, л.138.

**Сообщение и.о. председателя горисполкома, начальнику 3-го Ленинградского артиллерийского училища
сентябрь 1941 года**

На письмо Ваше от 9 сентября сего

года за № 0-17 по вопросу перебоев с подачей воды в городок № 3 исполком горсовета сообщает, что наряду со слабым давлением в сети отсутствие воды объясняется безобразным отношением военнослужащих, проживающих в 3-м городке, открывающих пожарные гидранты и спускающих из сети воду – на улицу.

Рекомендуем Вам усилить контроль за водоразбором городка.

И.о. пред. горисполкома Поваров

Зав. общ. отд. Лилеева

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2384, л.425

О вспышке сыпного тифа в общежитии Текстильного [института]

[1941 год]

Директору текстильного института

В связи с тем, что на проживающих в общежитии (Стахановская школа), в общежитии студентов на ул. Чайковского наложен 21 дневный карантин по поводу заболевания сыпным

Распоряжение исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся

Сусанинскому райисполкому
7 октября 1941 года

В соответствии с распоряжением СНК РСФСР от 29 февраля 1941 года № 6 – ГО утвердить распределение светомаскировочной бумаги, согласно приложенного списка.

Председатель исполкома облсовета

В. Гогосов

ГАКО, ф.р.2273, оп.4, д.2, л.24.

1942 год

Заявление матери военнослужащего

Ирины Захаровны Гречко
в Костромской райсобес

5 февраля 1942 года

Прошу райсобес помочь мне в материальном отношении, т.к. я эвакуированная из г. Пскова, совершенно

[...] Старший сын, Гречко Кирилл Яковлевич, призван [...] в первые дни мобилизации [...], год рождения 1912.

[...] Второй сын, Сергей Яковлевич, с 1914 года рождения, взят в первые дни мобилизации.

[...] Третий сын, с 1916 года рождения, Иван Яковлевич [...].

[...] Четвертый сын, Алексей Яковлевич, с 1918 года рождения, в 1940 году пришел из армии, а в первые дни мобилизации снова призван.

И пятый сын, с 1920 г. рождения [...], призван в действительную до войны [...] и так и остался [...].

И ни от кого никаких известий.

Я же при старости осталась одна – и никаких средств существования. Родина моя занята немцами, и поэтому прошу райсобес не отказать мне в помощи.

За неграмотную по ее просьбе [...]

Волкова

ГАКО, ф.р.962, оп.2, д.117, л.20 – 20 об.

Обращение председателя горисполкома в отдел местной промышленности о выдаче одежды эвакуированным

10 февраля 1942 год

Отпустите из артели им. Октябрьской революции для обеспечения эвакуированных из Ленинграда: кальсон – 100 шт., рубашек нижних мужских – 100 шт., дамских рейтуз – 50 шт., сорочек дамских – 50 шт.

*И.д. председателя исполкома
горсовета Поваров*

*Секретарь исполкома горсовета
Каткова*

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.10.

Распоряжение Костромского горисполкома директору пивзавода т. Кузьмину

1942 год

Прошу отпустить возможное количество пивных дрожжей [...] эвакуированным из Ленинграда ввиду истощенности их организма [...].

Председатель горисполкома

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.46.

Запрос о местонахождении Е. Я. Данфельдт

[1942 год]

По распоряжению председателя горисполкома тов. Поварова направляется Вам запрос 3-го Дальневосточного отдела НКВД от 20 марта с. г. за № 18 о выяснении местонахождения гр. Данфельдт Евгении Яковлевны с

Бойцы Советской Армии. Фото 1944-1945 гг.

тифом, Вам необходимо выделить в помощь коменданту людей для осуществления этого мероприятия.

Питание эвакуированных организовывать в общежитии.

Председатель горисполкома

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.9.

раздетая и разутая, не имею средств существования. Мне 60 лет, и притом у меня сломанная правая рука. Работать я не могу.

Пять сыновей моих находятся в действующей Красной Армии, и ни на одного нет никакого известия.

Похороны военнослужащего, Костромская область. Фото 2-й пол. 1940-х гг.

двумя детьми, эвакуированных из Ленинграда.

О результатах сообщите.

Зав. общ. отд. горисполкома Лилеева
ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.35.

**Заявление П.С.Клеминой
в правление колхоза "За новую
жизнь" Аферовского сельсовета
8 февраля 1942 года**

Прошу принять меня в члены колхоза. Я – красноармейка и хочу работать в колхозе. Семья моя состоит из 3-х человек: Прасковья Сергеевна Клемина с 1911 года, Валентина Геннадьевна Клемина с 1935 года, Антонина Геннадьевна Клемина с 1941 года. В чем прошу не отказать.

Резолюция: принята решением общего собрания 6.05.1943 года

ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35, л.46.

**Отчет заместителя директора
Горторгтреста о расходе
продуктов для эвакуированных
ленинградцев**

10 марта 1942 года

Расход продуктов по Костромскому тресту столовых на питание эваку-

ированных из г. Ленинграда по состоянию на 10-е марта 1942 года: мясо – 5716 кг, птица – 523 кг, макаронные изд. – 11,2, масло сливочное – 1859,7 кг, яйца – 10489 шт., сахар 32017 кг, крупа – 5212,9 кг, мука – 16027 кг, молоко – 8000,9 л.

[и далее: какао, толокно, кофе, овсянка, картофель, овощи, сухари].

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2378, л.24.

**Письмо с фронта
12 мая 1942 года**

Милая Ниночка
Здравствуй, дорогая. Крепко, крепко тебя целую и желаю успехов в твоих делах по службе и в бытовых делах.

Поцелуй за меня милого сынку Юрика.

Милое мое золото. Сегодня получил от тебя письмо от 8 мая, за которое благодарю и горячо целую. У меня, в конце концов, не хватает терпения по поводу работы почтовых органов. Оказывается, они не только меня мучают своей плохой работой, но и тебя. Мою телеграмму, которую я послал 28.04. с Белорусского вокзала, ты получила только 7 мая. Беспорядок.

Не обижайся на меня, Ниночка. Я не виноват в этом. Пишу я тебе отсюда каждую свободную минуту, как просила ты меня в одном из писем. Прошу тебя, проследи за датами, и ты убедишься в этом. А с вокзала я посылал письмо тоже. И это письмо, я думаю, что не первое после моего отъезда. И в этом я тебя несколько не обвиняю. Ведь ты мне писала в тот же вечер, как я уехал. Но письма я того не получил. Прости, милая Ниночка, что тебе пришлось по этому поводу понервничать.

Получил письмо от Зои. Благодарю ее за меня. Зоинька пишет, что ты с ними не делишься впечатлениями. Оказывается, ты какая-то индивидуалистка.

Милая Ниночка. Я жив и здоров, чувствую себя хорошо. Установилась хорошая погода. Посылаю тебе песенку, которая мне нравится:

“Ты ждешь, дорогая,
Голубка родная.
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне [...]”

Пока все. Еще раз крепко целую тебя и Юрика. Целуй за меня папу и маму.

Привет Рите и Зое.

Любящий тебя муж Янка.
ГАКО, из коллекции писем
И.В.Алексеева

Из Постановления Нерехтского райсовета и бюро ВКП(б) об отгрузке картофеля фронту

23 мая 1942 года

Принимая во внимание исключительно острую необходимость отгрузки картофеля фронтам, исполком райсовета и бюро ВКП(б) постановляют:

1. Обязать председателей колхозов района под их личную ответственность в срок до 29 мая покрыть задолженность картофеля по госпоставкам 1941 года.

2. Установить, что в колхозах, имеющих задолженность картофеля по госпоставкам за 1941 год, на посев оставляется не более 13 цент. картофеля на один гектар.

3. Имея в виду, что в ряде колхозов еще до сих пор не уточнено наличие[...] – уточнить и выполнить постановление. Личную ответственность за его выполнение возложить также на председателей сельпо и уполномоченных РК ВКП(б).

ГАКО, ф.р.941, оп.8, д.102,
л.27-28 об.

Из решения исполкома Костромского горсовета

18 июня 1942 года

Слушали: О списании дебиторской задолженности в сумме 4500 руб. по отделению госархива. (Доклад тов. Назарова).

Решили: Учитывая, что указанная задолженность образовалась вследствие выдачи отделением госархива в 1941 г., по распоряжению Облфинотдела, зарплаты эвакуированным работникам Выборгского архива и как задолженность бюджетного учреждения за прошлый год не будет нам возмещена, разрешить отделению госархива списать таковую на фактические расходы 1941 года [...].

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2443, л.1.

Из письма фронтовика А. И. Мелехова в Солигаличское железнодорожное училище

22 ноября 1942 года

“... Клянусь вам, дорогие товарищи, что я сдержу воинскую присягу и отомщу за погибших друзей. Я буду драться за вас – дорогие учителя, за

вас – друзья по учебе, за вас – простые русские девушки. Буду мстить и отомщу!

С приветом ваш воспитанник
А. Мелехов”.

ГАКО, из коллекции писем
И.В.Алексеева

Капитан В. П. Рубанков. Участник взятия Берлина. Фото начала 1940-х гг.

Заявление Анастасии Ильиничны Дубровиной в правление колхоза “За новую жизнь” (Аферовский сельский совет)

1 декабря 1942 года

Прошу выделить меня на курсы животноводства, которые будут. Так как я окончила 7 классов, имею от роду 17 лет. В чем и прошу не отказать в просьбе. Желание мое большое учиться.

Резолюция: послать на курсы.
ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35.

О сборе средств на строительство эскадрильи самолетов Галичской районной комсомольской организацией

1 декабря 1942 год

Комсомольская организация района собрала 34700 рублей на строительство эскадрильи самолетов “Ярославский комсомолец”. Большую работу провели комсомольцы Богчинского сельсовета, которые собрали 4392 рубля.

“Северный колхозник”, № 143.

1943 год

Решение исполкома Вохомского райсовета о выдаче денежной помощи семьям эвакуированных

23 января 1943 года

Исполнительный комитет решил: Выдать единовременную денежную помощь из фондов, выделяемых облисполкомом, следующим семьям эвакуированных из прифронтовой полосы:

1. Суворовой Е. А. – 150 рублей
2. Таугиной М. В. – 300 рублей
3. Дудниковой Е. М. – 200 рублей
4. Герман П. В. – 250 рублей

Председатель райисполкома Лешуков

Секретарь райисполкома
Рогачева

ГАКО, ф.р.2175, оп.4, д.354, л.34.

Заявление директора детского дома в правление колхоза “За новую жизнь”

Аферовского сельского совета

2 февраля 1943 года

Прошу отпустить для детей: моркови 200 кг, капусты 50 кг, картофеля 150 кг. Сколько можете. В настоящее время очень большое затруднение с питанием. Надеюсь, что Вы не откажете в просьбе.

Директор детского дома Бугрова.
ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35, л.14.

Заявление эвакуированной из г. Ленинграда г. Мозохиной в правление колхоза “За новую жизнь” (д. Семицово Аферовского сельского совета)

4 февраля 1943 года

Прошу правление колхоза оказать мне немедленную помощь, т.к. у меня трое детей: ребенку 4 года, ребенку 1 г. 6 месяцев и ребенку 3 месяца. Мне нет никакого выхода никуда. Прошу оказать помощь как в питании, так же и дровами.

В случае вашего отказа моя жизнь не спасена. Я гибну, и гибнут мои дети. Прошу в просьбе не отказать.

ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35, л.4.

Заявление эвакуированной из г. Москвы С. П. Померанцевой в правление колхоза “За новую жизнь” (д. Семицово Аферовского сельского совета)

22 марта 1943 года

Прошу правление выдать мне на двоих с дочерью-инвалидом для еды

картошки, луку и соли. И прошу для больной дочери выписать сколько-нибудь молока с фермы. Покорнейше прошу не отказать мне в просимом, в чем я сильно нуждаюсь.

Сын мой Авенир находится на передовых позициях, и в первых числах марта вторично ранен серьезно.

ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35, л.21.

**Заявление С.А. Мозохина
в правление колхоза
“За новую жизнь”**

Аферовского сельского совета

4 июня 1943 года

Настоящим просим Аферовский колхоз оказать нам помощь, так как мать наша померла, оставив нас четверых малолетних детей от 13 лет и до 3-х, не имея средств для существования. А отец наш в Армии, защищает Родину, сражается с немецкими захватчиками. А поэтому просим правление аферовского колхоза, а также в целом и колхозников в просьбе не отказать.

Резолюция: выписать в счет [...] картофель.

ГАКО, р.711, оп.3, д.35, л.57.

**Председателю колхоза
“За новую жизнь” Аферовского
сельского совета**

22 июня 1943 года

В соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 13/04-42 г. Исполком райсовета предлагает Вам принять 15 человек школьников школы №23 для детских работ на период летних каникул. Условия работы:

Норма выработки для школьников установлена в размере 60% нормы взрослого, а оплата работы остается неизменной.

Исполком предлагает выделить для школьников отдельные участки, обеспечить учет и приемку работ, обеспечить школьный коллектив квартирами и общественным питанием по ценам, установленным райисполкомом. Хлебом они будут обеспечены через Райпотребсоюз.

В настоящее время использовать школьников на прополке, заготовке силоса и веточного корма.

*Заседатель исполкома райсовета
Волнухин.*

ГАКО, ф.р.711, оп.3, д.35, л.132.

**Повестка о мобилизации на
трудовой фронт г. Горомову,
проживающему
в д. Спас-Тимофеево**

июнь 1943 года

На основании распоряжения Комитета Обороны СССР Вы мобилизуетесь на работы оборонного значения. [...] Должны явиться 25 июня к 12 ч. дня в Красносельский райисполком для отправки на работу сроком на полтора месяца. При себе иметь: лопату, две пары белья, постельные принадлежности, ложку и питание на ... [дня]. За не выезд Вы будете преданы суду по законам военного времени.

*Председатель сельского совета.
ГАКО, ф.р.1422, оп.1, д.1535, л. 11.*

**Заявление верующих
Богословской религиозной
общины в Костромской
горсовете**

**о разрешении проведения
крестного хода на территории
Трудовой слободы**

[Июнь] 1943 год

По предписанию Московского митрополита Сергия предлагается повсеместно православным пастырям совершить торжественное молебствие о даровании победы русскому воинству, посему верующие Трудовой слободы просят городской Совет разрешить на 11 июля крестный ход на территории же Труд. Слободы с целью придать наибольшую торжественность богослужению, привлечь большее количество молящихся, что сможет значительно поднять боеспособность (воинов) и увеличить сбор на оборону страны.

Просим не отказать в нашей почтительной просьбе.

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2391, б/н.

**Обращение исполнительного
комитета Костромского Совета
депутатов трудящихся
в облисполком об обеспечении
инвалидов Отечественной войны
зимней одеждой**

Зима 1943 года

С наступлением зимнего периода

*Лейтенант Вера Андреевна Тлиф
(Волчихина). Военфельдшер. Калининский и
2-й Украинский фронты. Участница Парада
Победы 24 июня 1945 г. Фото 1945 г.*

года инвалиды Отечественной войны обращаются в исполком горсовета с просьбой обеспечить их теплой одеждой, обувью, т. к. из 80 человек инвалидов, проживающих в г. Костроме, многие совершенно не обеспечены. Возможности местной промышленности исполкомом горсовета совершенно исчерпаны [...], полностью удовлетворены обувью и одеждой лишь незначительная часть инвалидов.

Совершенно необходимы фуфайки, шаровары, кожаная обувь, изготовления их возможно в мастерских города по [...] выделении необходимых материалов.

Исполком Горсовета просит Вас о выделении [...] материалов для пошивки ватных шаровар и фуфаяк [...] 200 метров, для изготовления [...] наволочек полотна – 800 м, а также нижнего белья [...] и 500 пар кожаной обуви. [...]

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2616, л.147.

1944 год

Решение № 1261 с исполнительного комитета Горьковского областного Совета депутатов трудящихся о запрещении расходования государственного имущества на банкеты, вечера, приемы
15 июня 1944 года

Секретно

1. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 1/VI-1944 за № 441-84с запретить всем исполкомам, райгорсоветам, бюджетным учреждениям и хозяйственным организациям расходовать денежные средства на организации и проведения каких-либо банкетов, вечеров и приемов, устраиваемых по различным поводам.

2. Обязать облфинотдел, областную контору Госбанка и ст. контролера-ревизора Контрольно-ревизионного управления НКФ СССР по Горьковской области систематически контролировать расходование средств бюджетными и хозяйственными предприятиями.

В случае выявления указанных в пункте 1-м данного решения расходов, виновных в этом лиц привлекать к ответственности.

Председатель исполкома облсовета Ефимов

Секретарь исполкома облсовета Артамонов

ГАКО, ф.р.2180, оп.3, д.27, л.50.

Решение исполнительного комитета Галичского районного Совета депутатов трудящихся о возвращении эвакуированных граждан в Ленинградскую область
22 сентября 1944 года

Во исполнение решения Ярославского областного Совета депутатов трудящихся от 22 августа 1944 года за № 176 исполком райсовета решает:

1. Возвратить в октябре, ноябре 1944 года к прежнему месту жительства 1100 человек из числа эвакуированного населения из Ленинградской области, не занятых на работах предприятий и учреждений.

2. Обязать инспектора по эвакуации тов. Пушкина обеспечить составление списков на эвакуированных граждан: на 400 человек к 2 октября и 700 человек к 1 ноября с. г. и организованную отправку эвакуированных.

3. Предложить председателям колхозов произвести полный расчет с отъез-

жающими гражданами и доставку продуктов питания, овощей и личного имущества их на пристанционные пункты в сроки, установленные исполкомом в повестках, отобранных на переселение граждан.

4. Обязать зав. райторготделом тов. Королева обеспечить горячим питанием эвакуированных граждан в пристанционных буфетах на дни отправки и выдачу печеного хлеба на путь следования из расчета на 5 суток по существующим нормам снабжения.

5. Разрешить переселяемому насе-

1945 год

Постановление исполнительного комитета Галичского районного Совета депутатов трудящихся и бюро РК ВКП(б) по приему в районе демобилизованных из Красной Армии

11 июля 1945 года

[...] В целях обеспечения организованного приема демобилизованных из Красной Армии, политического обслуживания их и точного выполнения в

Бойцы на отдыхе. Фото 1945 г.

лению сдачу до 2 цент. зерна и до 4 цн. картофеля на заготпункты для последующей выдачи им равноценного количества в районах Ленинградской области.

6. Просить начальника Северной железной дороги обеспечить подачу на ст. Галич в первой половине октября 12-ть, в первой половине ноября 22 вагона для отправки эвакуированных.

7. Обязать исполком городского совета и исполкомы сельских советов широко оповестить граждан, эвакуированных из Ленинградской области, ознакомить их с условиями переселения, вытекающими из настоящего решения и обеспечить организованную отправку средствами колхозов.

Председатель исполкома райсовета Кириллов

Секретарь исполкома райсовета Яблоков

ГАКО, ф.р.2161, оп.3, д.128, л.46.

районе закона 22-го июня 1945 года "О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии", исполком районного Совета и бюро РК ВКП(б) постановляют:

1. Для приема и устройства демобилизованных утвердить районную комиссию в составе: секретаря РК ВКП(б) т. Круглова (председатель комиссии), зам. председателя райисполкома т. Дмитриева, райвоенкома Жестовского, зав. военным отделом РК ВКП(б) т. Холмовского, и зам. отд. гособеспечения райсовета т. Смирнова (члены комиссии).

2. Поручить начальнику ст. Галич и секретарю партийной организации оборудовать на ст. Галич специальную комнату для размещения демобилизованных – прибывающих с поездами, оборудовать ее наглядной политической агитацией и политпросветимуществом, а ровно и через буфет

станции обеспечить демобилизованных горячей пищей.

3. Для приема демобилизованных, прибывающих в район, открыть при военкомате пункт приема демобилизованных и поручить:

А) Райвоенкому т. Жестовскому, зав. военным отделом РК ВКП(б) т. Холмовскому и зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) т. Брезгиной до 15 июля оборудовать пункт наглядной агитацией и политпросветимуществом и проводить в нем политическую работу среди демобилизованных до окончания срока демобилизации, обратив особое внимание на проведение политических информационных докладов о состоянии района и задачах демобилизованных вытекающих в районе хозяйственно-политических задач. На пункте приема установить дежурство из ответственных руководящих работников района и лекторов РК ВКП(б).

Б) Райпрокурору т. Сухопарову организовать на пункте стол справок и с 15 июля проводить юридическую консультацию и справочную работу. Обратив особое внимание на удовлетворение нужд и запросов демобилизованных и разрешению их претензий в момент нахождения на пункте. Для справочной работы и консультации привлечь ответственных работников райфо, райзо, [...] отдела гособеспечения райсовета, исполкома горсовета и др. [...]

3. Поручить зав. военным отделом РК ВКП(б) т. Холмовскому и секретарю РК ВЛКСМ т. Кукушкину проводить организованную встречу демобилизованных у поездов с привлечением для встречи комсомольцев, пионеров, молодежь, жен и матерей военнослужащих и применить преподнесение подарков демобилизованным.

4. В целях удовлетворения бытовых потребностей мобилизованных на пункте обязать:

А) Для довольствия демобилизованных в Галичском районе [...] открыть при райвоенкомате с 15 июля буфет-столовую, установить в нем дежурство по линии райторготдела, прибывающих в глубинные районы обеспечить горячей пищей через столовую-ресторан.

Б) Председателю артели инвалидов открыть при райвоенкомате парикмахерскую.

4. Для размещения демобилизованных на ночлег [...] открыть особую комнату при гостинице для демобилизованных.

5. В целях поставки демобилизован-

ных к месту своего жительства в глубинные районы и внутри района:

А) Перевозку демобилизованных по тракту Галич – Чухлома произвести на машинах предприятий и учреждений района в четные дни и [...] установить твердый график перевозки демобилизованных каждым автохозяйством с 12 июля, установив проезд на каждой автомашине от Галича до Чухломы и обратно не менее 3-х раз.

Б) Перевозку демобилизованных внутри района произвести на гужтранспорте учреждений и предприятий города и легковых автомашинах автохозяйства района [...], установив твердый график подачи подвод для перевозки демобилизованных в четные дни по 2 подводы в день. [...]

6. [...] А) Всем прибывающим в г. Галич на жительство из числа демобилизованных оказать практическую помощь в немедленном устройстве на предприятия и учреждения города с учетом желания демобилизованных и их специальностей, обеспечивая точное выполнения руководителями предприятий и учреждений статьи 7-й закона от 22 июня 1945 года.

Б) Через депутатов городского совета и актив теперь же произвести проверку обеспеченности демобилизованных и членов семей жилой площадью и топливом и принять меры к ремонту квартир, а особенно нуждающимся в предоставлении новых квартир. [...]

7. Директору Леспромхоза МТП т. Ильину забронировать за исполкомом горсовета для обеспечения топ-

ливом демобилизуемых 540 кубометров дров и дополнительно в порядке самозаготовки членами семей демобилизуемых и военнослужащих, а равно и ответственности города до 1 сентября заготовить не менее 2000 кубометров.

8. Председателям исполкомов сельских советов и председателям колхозов принять меры к точному выполнению правлениями колхозов статьи 7-ой закона от 22-го июня 1945 года и обеспечить возвращающимся в деревню демобилизованным крестьянам немедленное устройство их на работу и в первую очередь в колхозах и обзаведении необходимым хозяйством в проведении ремонта домов демобилизуемых и в подвозке топлива.

9. Райвоенкому т. Жестовскому обеспечить четкую постановку работы по приему демобилизуемых, взятия их на военный учет и выдачи воинских документов и разъяснению демобилизованным их обязанности по соблюдению правил воинского учета. Председателям исполкомов сельских советов и председателю исполкома горсовета установить контроль над тем, чтобы прибывающие по демобилизации являлись своевременно в установленные для них командованием войсковых частей сроки в райвоенкомат для приема на учет и получения воинских документов. Как военнообязанных запаса.

Председатель исполкома райсовета Шибаев

Секретарь Галичского РК ВКП(б) Смирнов

ГАКО, ф.р.2161, оп.3, д.149, л.21-22.

М.В.Брезгин, уроженец г.Галича, старшина 159-й и 337-й пушечной артиллерийской бригады резерва Главного командования (слева). Фото 1941 г.

«В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ЭКЗАМЕНОВ ДЕТЯМ ДАВАЛИ УСИЛЕННОЕ ПИТАНИЕ – 100 Г ХЛЕБА И 6 Г САХАРА...»

С началом войны многие учителя Костромы были мобилизованы в Красную Армию, многие записались добровольцами в ополчение. В рядах Красной Армии сражались не только мужчины-учителя, но и женщины-преподаватели школ, воспитатели детских садов и яслей.

Преподаватели и воспитатели школьных и дошкольных детских учреждений, оставшиеся работать в тылу, с первых дней войны встречали эвакуированных детей и устраивали их быт, обустраивали госпитали в зданиях школ, участвовали в сельскохозяйственных работах, заготовке дров и т.п.

Уже в июле 1941 года были развернуты эвакогоспитали в здании школы № 27 – на 250 коек, в школах № 26 и 29 – на 400 коек в каждой. Прасковья Никандровна Цветкова, в те годы заведующая городским отделом народного образования: «Уже в первый день войны, ночью, в течение восьми часов коллективы учителей средних и семилетних школ выполнили приказ об освобождении школьных зданий для размещения отоблизованных частей Советской Армии. Все школьное имущество было вынесено из классных комнат, учебное оборудование убрано в надежные места, школы были вымыты и сданы в чистом виде, за что получили оценку горвоенкомата: «школы города хорошо справились с задачей освобождения школьных зданий»².

В начале войны в Кострому были эвакуированы дети из Ленинграда, для их размещения с 5 июля 1941 года был закрыт пионерский лагерь им. Горького на Козловых горах.

Летом 1941 года школьники вместе с учителями работали на предприятиях города, в колхозах и совхозах близлежащих к Костроме районов: заготавливали сено, грузили кирпич на фанерном и силикатном заводах, разгружали картошку.

24 июля 1941 года в Костроме был объявлен «единый день по сбору металлолома»: было собрано 18 тонн

металла, особо отличились школа № 28 – два воза, школа № 25 – три тонны, школа № 27 – 1210 кг³.

1 сентября 1941 года учебный год начался не для всех учеников: 30 августа пришла телефонограмма Ярославского областного отдела народного образования о переносе занятий в школах для учащихся 5 – 10 классов на 1 октября в связи с использованием их в уборке урожая: «занятия 5 – 10 классов начинайте с 1 октября, 1 – 4 классов с 1 сентября. Всех учащихся 5 – 10 классов, в том числе прибывших из других областей, используйте на уборке урожая с 1 сентября по 1 октября. Во главе классов оставьте учителей 5 – 10 классов в качестве бригадиров...»⁴.

В октябре поступило распоряжение готовить детские дома к эвакуации в г. Чухлому и другие глубинные районы. Когда враг отступил от Москвы, эвакуация была отменена.

Осенью 1941 года большая часть населения отзывалась на трудовой фронт, в том числе и учителя, не имеющие детей, остальные замещали выбывших и вели по два класса. Школы

переживали огромные трудности: холод в классах был такой, что замерзали чернила, дети занимались в пальто и рукавицах. 30 декабря 1941 года вышло постановление горкома ВКП(б) и исполкома горсовета депутатов трудящихся об обучении сельскохозяйственным работам учащихся средних школ, вузов и служащих г. Костромы. Постановление предполагало организацию обучения сельскохозяйственным работам учеников средних школ 5 – 10 классов и студентов учительского института. Из состава учащихся 5–7 классов организовывался «агротехнический минимум» в количестве 4300 человек, из учащихся 8 – 10 классов предполагалось подготовить 518 трактористов, 130 комбайнеров и 162 машиниста уборочных машин. Обучение сельскохозяйственным работам для получения агротехминимума в школах проходило с 15 января по 1 мая 1942 года, до 15 мая для трактористов, до 1 июня для машинистов уборочных машин и до 1 июля для комбайнеров. Для обучения сельскохозяйственным дисциплинам привлекались учителя

Ученики 1-й музыкальной школы г. Костромы. 1943/1944 учебный год

Ученики и преподаватели 7 класса школы № 26 г. Костромы. Фото 1941 г.

биологи и физики. Школы для прохождения производственной практики закреплялись за машинно-тракторными станциями, машинно-ремонтными мастерскими и совхозами Костромского района⁵.

С наступлением холодной осени, а затем и морозной зимы в Костроме началась кампания по сбору денег, теплой одежды, подарков и посылок для бойцов. Пионеры и школьники шили кисеты, рукавицы, в сшитые мешочки для подарков вкладывали теплые шарфы, мыло, одеколон, табак, конверты. Даже в детских садах воспитатели вместе с ребятами вышивали носовые платки и кисеты. В этот же период начался сбор денежных средств на постройку комсомольского бронепоезда и самолета «Ярославский пионер».

В годы войны широкое распространение среди школьников Костромы получило «тимуровское движение»: ученики оказывали посильную помощь семьям, где отцы были мобилизованы в Красную Армию. Девочки ухаживали за детьми, носили воду, помогали по хозяйству, мальчики колотили и пилили дрова. Отличники после уроков занимались дополнительно с детьми, которые не могли посещать школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви.

С началом войны в Костроме количество детей в детских садах увеличилось более чем на тысячу человек. Были вновь организованы группы при 14 детских учреждениях. Ребятышки находились в детских садах практически круглосуточно: отцы были на фронте, а матери работали на производстве по 10 – 12 часов в сутки. Вос-

питатели заменяли детям родителей, даже письма на фронт они писали вместе с ними. Школьники, отцы которых были мобилизованы на фронт, получали бесплатное питание, их прикрепляли к детским садам предприятий города. В феврале 1942 года вопрос о расширении сети детских садов обсуждался на заседании исполкома горсовета. Учитывая большую потребность в дошкольных учреждениях в связи с приездом эвакуированных и вовлечением в производство домашних хозяек, количество мест предполагалось увеличить на 760, в том числе в детских садах предприятий на 420 мест за счет выселения жильцов из домов, где находились эти детские дошкольные учреждения, и за счет утепления веранд⁶. В последние годы войны, в связи с незаполненностью яслей, помещения некоторых из них передавали для детей старшего возраста. В ясельных учреждениях было разрешено пребывание детей до 4-х лет (с учетом сохранением санитарных норм).

Во время войны резко увеличилось число беспризорных детей, потерявших родителей. Для организации приемника-распределителя в ведение городского отдела НКВД в 1942 году было передано здание начальной школы №19 (за р. Волгой), распространение получила практика патронирования детей-сирот. По решению горсовета с 1 марта 1942 года родители, взявшие в семью ребенка, ежемесячно получали пособие в размере 50 руб., их также предполагалось обеспечивать необходимой одеждой и обувью на сумму 200 руб. Гороно обеспечивало воспитательную работу с ро-

дителями, принявшими детей на патронаж⁷.

На заседании исполкома горсовета в июне 1942 года зав. гороно П.Н. Цветкова подвела итог первого военного учебного года. В своем докладе она отметила, что одна из «важнейших государственных задач – всеобщее образование с разрешением этой задачи провалились⁸. Более полутора тысяч детей перестали посещать школу. Главной причиной было названо отсутствие одежды и обуви. Лишь часть учеников получила ее по карточкам в учебных заведениях. Многих детей родители отдавали в «няньки», т.к. там их кормили.

В самих школах дело с питанием обстояло плохо. Не во всех школах были буфеты, где ученики могли бы питаться. Приехавший в Кострому представитель облоно был поражен отсутствием школьных буфетов в нашем городе, в то время как в Ярославле в каждой школе имелся буфет.

Удивительно, но в 1941/42 учебном году успеваемость повысилась на 3% по сравнению с предыдущим годом, хотя в целом оставалась довольно низкой – 81,4%⁹.

Второй учебный год войны прошел более организованно, успеваемость выросла на 5%, в городских школах 826 детей учились на «отлично». В каждой школе имелся свой пришкольный участок, где учителя и ученики выращивали овощи. В десяти школах были организованы столовые.

В 1942/43 учебном году для учащихся было выделено «кожаной обуви – 743 пары, пальто – 115, верхнего платья – 100, починено обуви – 1948 пар (в ремонте обуви школьники помогали ремонтным предприятиям)».

В 1942 году во всех школах страны было введено раздельное обучение мальчиков и девочек, связанное, в первую очередь, с усиленной военной подготовкой среди учеников. Программа по военному делу составляла 20 часов в месяц, для военнообязанных – 30 часов. Для массовой спортивно-военной подготовки постановлением горисполкома от декабря 1943 года в городе создавались лыжная база и каток.

В 1942/43 учебном году закон о всеобщем образовании вновь выполнен не был. Для решения этой проблемы районы, закрепленные за каждой школой, были разбиты на участки, и за каждым участком был закреплен учитель, составлялись списки учеников, не посещающих занятия. Преподаватели проводили беседы с учениками и их родите-

Н.А.Елшин, уроженец г.Галича. Фото 1941 г.

лями, убеждая детей ходить в школу, по возможности пытались проводить индивидуальные занятия на дому. На 20 мая 1943 года в Костроме не училось 940 человек, отсеб составил 442 ученика, 498 – оставались неохваченными¹⁰.

Лучшими по успеваемости оказались неполная средняя школа № 18 – 94%, средняя школа № 31 – 96,5%, средняя школа № 32 – 94%, средняя школа № 25 – 98,2%. Большую работу по повышению успеваемости в школе № 32 провела ее завуч – А.В. Неопиханова. Плохие показатели оказались в неполной средней школе № 23 – 75,6%, в некоторых классах средней школы № 30 успеваемость доходила до 30%. В некоторых школах дисциплина была довольно слабая. Так, например, в школе № 30 кто-то из учеников принес на занятия слезоточивые газы¹¹.

Летом учителя и ученики старших классов вместо летних отпусков и каникул заготавливали топливо, они выкатывали бревна из Волги, пилили их на дрова, кололи, нагружали в машины, везли к школам, детским садам и госпиталиям. Преподаватели школ работали также на фанерном заводе, где изготавливали минометные ящики, принимали участие в разработке торфа около пос. Ребровка. Когда началось строительство до-

роги Кострома – Галич, учителя собирали рельсы со старых путей и переносили их на своих плечах. После заката солнца они “пешком возвращались в свои полутемные холодные квартиры, садились за скудный ужин”.

С 1943 года летняя заготовка дров велась уже на расстоянии 15 – 17 километров от Костромы. Преподаватели уезжали из дома на 10 и более дней, оставляя детей и семьи. На деревянных тачках по деревенской дороге заготовленные дрова вывозили к железной дороге. Учительница школы им. Н.А. Некрасова А.А. Бушковская вспоминала: “Это была крайне тяжелая и изнурительная работа. Утром и вечером в лесу сыро и прохладно. Днем душно и жарко. Комары, мухи, слепни... На руках и на ногах кровавые расчесы. Спина

горит от пота. Мучит жажда. А пить много нельзя. У пней краснеют ягоды, да до них ли? Надо выполнить норму, чтобы не подвести коллектив, чтобы получить увеличенный паек хлеба с дополнением или мыла, или махорки”¹².

Военными зимами учителя вместе с учащимися грузили дрова в вагоны, выезжая к местам заготовки, а в городе разгружали их. Работать приходилось по ночам, а утром идти в школу на уроки. Многие преподаватели и ученики страдали от дистрофии. Кострома испытывала большой недостаток в электроэнергии. В первую очередь ее давали промышленным предприятиям. Школы большей частью занимались при свете керосиновых ламп и свечей, только иногда электричество включали по очереди в разных районах города, и такие дни становились настоящим праздником для учителей и учеников.

В июне 1944 года вышло важное постановление Совета Народных Комиссаров СССР об улучшении качества обучения в школах, в котором был наметен ряд мер по проведению преобразований в школах, важнейшим из которых было введение обязательной сдачи выпускных экзаменов учениками, оканчивающими начальную и семилетнюю школы, экзаменов на аттестат зрелости

для десятиклассников, награждение золотыми и серебряными медалями отличников-выпускников средней школы. На 1944/45 учебный год Народный Комиссариат Просвещения разработал единые экзаменационные билеты для всех выпускных классов страны.

В марте 1945 года в Костроме были подведены “печальные итоги” работы школ города за годы войны: школьные здания требовали ремонта (часто капитального), 105 классов занимались в три смены, помещения очень плохо отапливались, комнаты для занятий не были оборудованы, не было единых учебных планов: в каждой школе имелось самостоятельное “творчество” преподавателей, и некоторые учителя “для скрытия недостатков в своей работе не включали в экзаменационные билеты плохо пройденные разделы программы”, у многих учителей вообще отсутствовали учебные планы.

В апреле во всех школах были организованы комнаты по подготовке к испытаниям, а для учителей при городском педагогическом кабинете открылся уголок подготовки к экзаменам. 12 – 15 мая в Костроме проходил смотр, показавший готовность школ к предстоящим экзаменам: утверждены расписания, вопросы билетов, тексты письменных работ. С 22 мая начались школьные испытания. В период проведения экзаменов детям давали усиленное питание – 100 г хлеба и 6 г сахара¹³.

Тема школьных испытаний широко освещалась на страницах газеты “Северная правда”. Проведенные в конце 1944/45 учебного года экзамены показали, что учителя и ученики в целом успешно справились с поставленной перед ними задачей.

Экзаменационный период совпал с радостными днями окончания Великой Отечественной войны, возвращением с фронтов учителей и учеников старших классов, воспитателей детских садов и яслей.

Примечания:

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф.р.551, оп.1, д.39.
2. В грозном 41-м... – Кострома, 2001. – С.30.
3. Там же. С.48.
4. Там же. С.56.
5. Кострома – фронту. – Ярославль, 1975. – С.114-116.
6. ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2425, л.71.
7. Там же. Л.29.
8. Там же. Л.1.
9. Там же.
10. ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2572, л.10.
11. Там же. Д.2616, л.65.
12. Там же. Ф.р.551, оп.1, д.23, л.82.
13. Там же. Ф.р.2345, оп.5, д.4, л.12.

**Список учителей, погибших
на фронтах Великой
Отечественной войны
(составлен ветераном
педагогического труда
Н.П. Ермолиным
в 1970 году)**

1. Дружинин Евгений Александрович, заведующий учебной частью в школе рабочей молодежи при льнокомбинате им. Зворыкина. Призван в армию в первые дни войны. Погиб в боях под Белостоком 24 июня 1944 года.
2. Даугау Георгий Леопольдович, директор средней школы № 23 (ныне школа-интернат глухих детей). Погиб под Москвой в 1941 году.
3. Королев Сергей Борисович, учитель русского языка семилетней школы № 18. Погиб в 1941 году под Москвой.
4. Ржевский, учитель русского языка средней школы № 27.
5. Шацкий, директор средней школы № 31.
6. Чекалов, директор семилетней школы № 21.
7. Чарторицкий Николай Парфенович, директор средней школы № 29, учитель математики. Призван в армию в первые дни войны. Погиб в 1941 году.
8. Луппов Вячеслав Петрович, директор средней школы № 25, погиб в 1941 году под Москвой.

9. Шорохов Иван Павлович, директор средней школы № 27, погиб 1 мая 1944 года.

10. Мягков Василий Григорьевич, учитель русского языка средней школы № 25.

11. Трефан Евгений Андреевич, учитель немецкого языка средней школы № 25.

12. Тепляков Федор Павлович, учитель химии средней школы № 30.

13. Андрушкевич Василий Авксентьевич, учитель истории.

14. Шатов Леонид Трофимович, учитель географии школы слепых детей.

15. Частухин Николай Филиппович, пионервожатый школы глухонемых детей, погиб в 1944 году.

16. Турундаевский Василий Анатольевич, учитель школы глухонемых детей.

17. Хохлов Алексей, пионервожатый школы глухонемых детей.

18. Чистяков Сергей, воспитатель школы глухонемых детей.

19. Савицкий Вячеслав Станиславович, учитель математики школы № 21.

20. Белецкий Юрий Васильевич, учитель рисования школы № 30.

21. Пернаткин Иван Александрович, учитель пения средней школы № 26.

22. Забродин Виктор Всеволодович, учитель школы рабочей молодежи.

ГАКО, ф.р. 551, оп.1, д.39, л.233 – 235.

**Из протокола заседаний
исполнительного
комитета Костромского
горсовета**

8 октября 1943 года

Слушали: Об улучшении бытового обслуживания учителей.

Решили:

1. Обязать начальника ГЖУ Аксенова изыскать для учителей Костромы до 1 января 1944 года 10 квартир и провести в тот же срок ремонт 25 квартир учителей по спискам гороно.
2. Обеспечить отпуск 1000 кв. м дров для учителей.
3. В 4 квартале обеспечить отоваривание промтоварных карточек для учителей за счет плана производства товаров ширпотреба – обуви – 135 пар, белья – 160 пар, чулок – 250 пар, обуви и одежды на 50 человек.
4. Включить в течение октября 400 лампочек в квартиры учителей.
5. Принять срочные меры по улучшению работы столовых для учителей, обеспечения ежедневного отпуска учителям обедов из двух блюд.
6. Обеспечить овощами по установленной норме учителей, не имеющих огородов по причине инвалидности, старости и болезни.

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2586, л.3 – 3об.

**Из дневника военных лет
Т.В. Птицыной**

Тамара Васильевна Птицына, учительница русского языка и литературы в средней школе №1 Костромы, ветеран педагогического труда. В 1940 году отправилась в Ленинград учиться в аспирантуре, работала в школе Петергофа, рыла окопы, работала медсестрой в ленинградских госпиталях, пережила блокаду, после войны вернулась в Кострому.

**22 июня 1941 года
Петергоф**

Война! Самое страшное, что только может быть на свете. Болезненно ноет сердце о маме, которая осталась одна в Костроме и теперь, конечно, надолго разлучена со мной. Школа. Что с ней будет? Десятиклассники идут на фронт. А я? Что я буду делать без них? Чем помогу?

Офицеры Советской Армии в конце войны. Фото 1940-х гг.

30 июня 1941 года

Петергоф

Случилось большое изменение в моей жизни. Райком комсомола мобилизовал на работу в районном обществе Красного Креста Петергофского района в качестве директора курсов медсестер. Так что с 7 августа 1941 г. занимаю первый раз в жизни “административную” должность. Будем готовить медсестер, а пока нахожусь в отпуске и рою траншеи. Целый месяц окопы – и не вела никаких записей.

17 октября 1941 года

Петергоф

Утро. Да, надвигается что-то невероятно грозное. Сегодня уже в трудовой книжке пометили, что с 16 октября 1941 года я освобождена от должности директора курсов медсестер в связи с эвакуацией всех учреждений и населения города Петергофа. Все уезжают, уходят, бегут...

Вечер. Остались на распутье только мы, пять девушек, работники РОККа. Нам тяжело, и очень ответственно мы относимся к своему долгу. Кажется, что мы одни во всем мире. Что делать? Пошли за указаниями, но их давать некому.

20 ноября 1941 года

Ленинград

Если я выживу и война кончится, то

наряду с воспоминаниями о бомбежке, обстрелах, минном огне на море, голоде я всегда буду помнить эту жуткую блокадную темь.

5 декабря 1941 года

Ленинград

Чаще и чаще встречаешь людей, которые прислонились к стене дома и еле дышат. Это дистрофия. Они так отошдали, что не могут даже есть и еле шевелят губами.

21 января 1942 года

Ленинград

Какой сегодня мороз! Мы сунули в буржуйку последние остатки “красного дерева”, мебели, которая мне когда-то так нравилась. Она лаковая, гладкая, прекрасно горела. Дерево плотное, дает много жару, но самих-то деревянных предметов осталось уже крайне мало. Мама пишет, что в Костроме все заборы, погреба, сараи пошли на дрова, а мы живем в окружении громадных каменных домов. Хоть бы одна досочка.

22 января 1942 года

Ленинград

Для меня сегодня совершенно потрясающий день: мы досрочно окончили курсы медсестер. Сами не ожидали, что так рано. Правда, говорят, что это вы-

нужденное мероприятие, что мы крайне нужны хоть и шестимесячные “сестрички”.

8 декабря 1942 года

Ленинград

Ленинградские школы прекратили занятия из-за голода, холода, бомбежек и обстрелов.

18 января 1943 года

Ленинград

Эту ночь никогда не забудет ни один ленинградец, который был в своем городе 18 января 1943 года. Блокада прорвана. Ленинград хотя и не свободен, но имеет связь с Большой землей.

24 мая 1945 года

Кострома

Да, я была в Ленинграде и 1-го Мая, и даже 9-го Мая, в день Победы над фашистской Германией. И эти дни, и пять лет жизни в Ленинграде не изгладятся никогда из моей памяти. А теперь навсегда снова поселюсь в Костроме. Пусть она древняя, пусть убогая после войны, пусть не сразу все будет хорошо, но это мой город. В нем я буду жить и работать в школе. В той самой, в которой работала два года до войны.

А Кострома будет красивой!

ГАКО, ф.р.551, оп.1, д.39, л.134 – 160.

Из протоколов заседаний исполнительного комитета Костромского городского Совета депутатов трудящихся

8 января 1942 года

Слушали: О мероприятиях по борьбе с нарушениями правил светомаскировки и нерационального использования электроэнергии.

Решили: 1. Разрешить ГЭС прекращать подачу электроэнергии для осветительных целей абонентам, которые пользуются ею в светлое время суток при достаточности естественного освещения.

2. Предложить ГЭС прекращать подачу электроэнергии абонентам, нарушающим правила светомаскировки. Прекращение производить по указанию штаба МПВО и независимо от привлечения к установлению ответ-

ственности за нарушение правил светомаскировки. Обратное включение этих абонентов производить только с разрешения Штаба МПВО в порядке очереди и при условии оплаты абонентам за выход персонала ГЭС для обратного включения в размере 10 руб.

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2425, л.2.

17 января 1942 года

Слушали: Об освобождении Военно-транспортной академией здания школы № 26 и передаче его под госпиталь.

Решили: Предложить Военно-транспортной академии освободить

занятое без разрешения здание школы № 26, приспособленное под госпиталь, и не позднее 19 января сдать его для размещения прибывшего госпиталя.

ГАКО, р.7, оп.1, д.2425, л.2.

19 января 1942 года

Слушали: Об удовлетворении бытовых нужд населения.

Решили: 1. [...] Предложить Отделу местной промышленности из предметов ширпотреба выделять обувь, одежду и белье для снабжения через спец. магазин особо нуждающихся семей красноармейцев и школьников, а также выделить мастерские для ре-

монта обуви и одежды.

2. Для упорядочения вопросов общественного питания обязать т. Палкина (трест столовых) организовать не позднее 1 февраля сего года отпуск обедов на дом семьям красноармейцев. [...]

4. Ввиду значительно-го напряжения с топливом предложить председателям райисполкомов в двухдневный срок закончить мобилизацию рабочих для выколки дров из льда и заготовки дров в лесных дачах. [...]

7. Поскольку отсутствие мыла вызывает значительные затруднения в работе детских и лечебных учреждений, просить исполком облсовета о разрешении использовать техническое сало для варки мыла артелью «Химпром».

12. Учитывая наличие значительно количества детей, не имеющих родителей по г. Костроме, просить исполком облсовета об открытии дошкольного детского дома в Костроме. Горкомхозу подыскать помещение для дошкольного детского дома. [...]

15 предложить Горсанинспекции и ГО РК милиции усилить надзор за санитарным состоянием города и борьбу с нарушениями санитарии. [...]

Там же. Л.15 - 16.

22 января 1942 года

Слушали: О снабжении дровами госпиталей.

Решили: В связи с полным отсутствием дров для снабжения госпиталей, размещенных в г. Костроме, изъять у спиртзавода 3000 куб. м дров, имеющихся у него на берегу р. Волги (выкатанных на берег), имея в виду, что до весеннего сплава спиртзавод обеспечен топливом в достаточной степени.

Слушали: О передаче Военно-транспортной академии помещения в школе № 25.

Решили: Взамен здания школы

Студенты и преподаватели 4-го курса факультета первичной обработки лубяных волокон Костромского Текстильного института. Фото 1941 г.

№ 26 передать Военно-транспортной академии первые 3 этажа здания школы № 25, оставив в распоряжении школы 4-й этаж.

Предложить горвоенкомату освободить занимаемые 2,5 этажа в школе № 25 и сдать академии по акту не позднее 24 января.

Там же. Л.52.

11 марта 1942 года

Слушали: О результатах проведения налоговых кампаний в городе.

Решили: 1. Отметить, что в течение 1 квартала 1942 года налоговым аппаратом проведена большая работа по проверке карточек сплошного налогового учета, по начислению местных и государственных налогов, военного налога, налога на одиноких и бездетных, но в процессе этой работы имелись значительные недостатки в отношении своевременного получения сведений о лицах, проживающих в домах жилищного управления, для исчисления военного налога. В некоторых случаях недостаточно обследованы лица, имеющие самостоятельные источники доходов, подлежащие обложению подоходным налогом, кульсбором и военным налогом. Слабо

проходит взыскание недоимки, которая на 1 марта достигла 390 тыс. руб.

7. Слушали: О помещении для детского приемника-распределителя.

Решили: Для организации приемника-распределителя для безнадзорных детей, оставшихся без родителей, передать ГО НКВД здание начальной школы № 8 на улице Юных пионеров. Предложить горно передаче произвести по акту в 3-дневный срок.

Там же. Л.40. - 41 об.

Решение исполнительного комитета Костромского городского Совета депутатов трудящихся

16 июля 1942 года

В связи с увеличением контингента детской столовой до 2000 детей передать для нее помещение во 2-м этаже здания фабрики-кухни, ранее занимавшееся также детской столовой, а в настоящее время занятое техникумом Советской торговли под лабораторию и склад имущества. Взамен этого помещения передать техникуму помещение бывшего магазина № 7 Горторга по ул. Советской, 15.

ГАКО, ф.р.7, оп.1, л.2469, л.27.

**Из протокола заседания сессии
исполнительного комитета
Костромского городского
Совета депутатов трудящихся
15 мая 1942 года**

Цветкова (депутат от 171-го избирательного округа): [...] За время войны мы много работали с эвакуированными детьми, подготавливали детей для работ по сельскому хозяйству. За время военных действий открыли 2 детских сада, [...] но многих детей мы не обслужили еще детскими садами, и они остались на произвол судьбы. [...] Было решение горисполкома выселить из помещений детсадов и расширить за этот счет помещения. Этого до сих пор не сделано. Все детсады работают с перегрузкой - вместо 25 человек мы имеем 35 - 40 человек. Не разрешен вопрос об открытии детского дома. Некоторые детсады из-за отсутствия помещений находятся в антисанитарных условиях. Плохо с питанием в детсадах, продукты, отпускаемые для детей, не доходят до них полностью и расходуются не по назначению. Необходим контроль над работой детской столовой, так как выдаваемые талоны попадают не к детям, а к взрослым. [...]

Маркин (депутат от 8-го избирательного округа): При недостатке мяса для общественного питания важное значение имеет лов рыбы в местных водоемах. Рыболовецкие организации города и района должны в этом году выловить 250 тонн рыбы, что решит вопрос о качестве питания. Некоторые организации сейчас занимаются этим делом и имеют неплохие результаты, например, комбинат им. В.И. Ленина, ТЭЦ, другие же ловят рыбу очень плохо. [...]

Горторг заготовил весной 6 тонн клюквы, а трест столовых - 2,5 тонны, в то время как Военторг, Спецторг не заготовили ничего. [...]

Молодцова (депутат от 201-го избирательного округа) указала на плохую работу бань и перевоза через р. Кострому, где работают частники и берут по 6 - 7 руб. за перевоз. Члены индивидуальных огородов не могут перебросить удобрения на участки за рекой. [...]

Ручкин (заведующий Горкомхозом): Великая Отечественная война потребовала от всех решительной перестройки. Работа коммунальных предприятий по сравнению с мирным временем, безусловно, осложнилась: теперь они должны обслуживать не только население города, но и военные формирования и эвакуированных. С этой задачей работники коммунального хозяйства не совсем справляются. ГЭС, водопровод и горзеленстрой свои производственные задачи выполнили, но баня, автогужтранспорт, прачечная, ремонтная контора и ряд других предприятий работали плохо. В исключительно напряженных условиях работала баня, не имеющая с февраля запаса дров. И мы по-прежнему продолжаем подвозить дрова из леса и сразу закладывать их в топку. [...] В работе водопровода тоже есть недостатки. Одновременно не работало до 40 колонок. Нужного количества слесарей для их ремонта не было. [...] К открытию навигации мы остались без рабочей силы - переправы исполнительного комитета Костромского городского Совета депутатов трудящихся вы передали Госпароходству, и на наплавном мосту осталось 3 старика, которые поставили его не там, где следует. Когда началась убыль воды, сдвинуть мост принятыми мерами не удалось, и он обсох. В настоящее время решается вопрос о паромной переправе через р. Кострому и постройке нового моста с помощью воинских частей. [...]

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2414, л.1 - 2 об.

**Решения исполнительного
комитета Костромского
городского Совета**

17 февраля 1943 года

[...] Произвести очистку и вывозку снега с улиц: Советской, Луначарского, Симановского, Пролетарской, Калининской, Сталина, Трудовой школы, Кооперации, по Советской площади и площади Революции и по всем другим улицам и переулкам расчистить проезды, достаточные для движения пожарного обоза.

Для очистки и вывозки снега с улиц и площадей против домовладельцев привлечь всех трудоспособных граждан (мужчин и женщин), проживающих в этих домах. Для вывозки снега использовать имеющийся транспорт, ручные санки, корзины и другой инвентарь.

ГАКО, ф.р.7, оп.1, д.2534, л.7.

**О размещении дополнительных
госпитальных коек в г. Костроме**

12 марта 1943 года

На основании решения облисполкома от 12 марта о срочном размещении в г. Костроме 1000 дополнительных госпитальных коек исполком горсовета решил:

1. Передать под развертывание дополнительных коек следующие здания, приспособленные под госпитали:

а) здание быв. 25-й средней школы - ул. Лагерная (занимаемое Текстильным институтом);

б) здание быв. 26-й средней школы - ул. Горького (занимаемое Военно-транспортной академией);

в) здание общежития Финансово-экономического техникума - ул. 1-го Мая, д.46.

2. Для размещения Текстильного института предоставить здание клуба комсостава ВТА - ул. Советская, д. 23, и здание Дома учителя - ул. Кооперации.

3. Для общежития Финансово-экономического техникума предоставить помещение быв. 9-й начальной школы - ул. Сталина, 55.

4. Обязать начальника Военно-транспортной академии Филичкина освободить здание клуба комсостава ВТА и бывшей 26-й средней школы к 15 марта с.г. за счет уплотнения в других зданиях, занятых академией.

5. Обязать директоров Финансово-экономического техникума Озоль и Текстильного института Полковникова освободить занимаемые ими помещения, предназначенные для госпиталей к 15 марта сего года. [...]

ГАКО, р.7, оп.1, д.2539, л.3.

Публикация подготовлена
Ларисой Ковалевой

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания Леонида Колгушкина

Леонид Андреевич Колгушкин родился 3 сентября 1897 года в г. Ярославле. Его отец Андрей Иванович был управляющим пивными складами купца Дурдина в Ярославле, а затем в Костроме. В 1901 году, построив свой собственный 2-х этажный дом на Ивановской улице, Колгушкины поселились в Костроме. В семье было восемь детей, четверо из которых умерли во младенчестве. В 1917 году Леонид окончил Костромскую 1-ю мужскую классическую гимназию и поступил в Московское Александровское военно-артиллерийское училище, в которое годом раньше поступил его старший брат Владимир. По окончании училища в октябре 1917 года Леонид Андреевич в звании прапорщика был направлен в Кострому в 202-й пехотный запасный полк. Полк был расформирован после Октябрьской революции. Из бывших «белых офицеров» для разгрузки артиллерийского склада была организована артель. В 1918 года все ее члены были арестованы по подозрению в измене советской власти. Во время недолгого пребывания в тюремной камере Леонид Андреевич повстречался с «уренским царем», поддерживавшим и ободрявшим всех вновь прибывших. После ареста и освобождения Колгушкин вступил в ряды Красной Армии и устроился делопроизводителем в Костромской уездный комиссариат по военным делам, а затем занялся мобилизацией конского поголовья и амунициции для армии.

В 1921 году Леонид Андреевич Колгушкин женился на выпускнице Костромского епархиального училища, дочери священника Надежде Сергеевне Крыловой, 2 сентября 1923 года у них родился сын Юрий. В 1924 году Колгушкин перешел на работу в милицию, дослужился до начальника первого отделения г. Костромы. В конце 1928 года он был направлен в комиссию по работе с беспризорными детьми.

В 1933 году его пригласили в школу-интернат слепых и слабовидящих детей, с которой он связал свою жизнь на долгие годы. В сентябре 1935 года был назначен директором школы и проработал на этой должности до ухода на пенсию в 1959 году.

В октябре 1936 года Леонид Андреевич поступил на естественный факультет заочного отделения Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского и окончил его в 1940 году.

В 1957 году после смерти первой жены Леонид Андреевич женился на своей коллеге Елене Ивановне Лапиной.

Выйдя на пенсию, Леонид Андреевич не мог жить без дела. Почти 10 лет, начиная с 1960 года, он писал исторические очерки о костромской школе для слепых и слабовидящих детей, о Костроме и о своей жизни. Леонид Андреевич, живя в Костроме с 3-х лет, хорошо знал и очень ее любил. Он помнил всех известных в Костроме людей. Его интересовали здания, волжские пароходы, кладбища, интересные случаи из жизни. Эти воспоминания составили десять «амбарных» книг, написанных чернилами четким, разборчивым почерком. В 1997 году Елена Ивановна Колгушкина передала воспоминания Леонида Андреевича на хранение в Государственный архив Костромской области.

Вниманию читателей «Костромской старины» предлагаются отрывки из воспоминаний Л. А. Колгушкина, посвященные военным (1939–1945) годам. При публикации сохранены стиль и частично орфография оригинала. Фамилии некоторых персонажей обозначены одной буквой.

Колгушкин Леонид Андреевич. Фото 1918 г.

Наталья Дружнева

Глава IV НАЧАЛО ВОЕННЫХ ЛЕТ. ФИНСКАЯ И ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА

Давно уже все русские люди на собственном опыте заранее знали о приближении каких либо событий, выходящих за рамки обыденной жизни, как-то: неблагоприятные осложнения в международных отношениях, надви-

Военнослужащие роты связи. Сидит первый справа С.С. Полковников. Фото 1942 г.

гающиеся войны, предстоящие реформы в области финансов, сельского хозяйства, снабжения населения продовольствием и промтоварами и т. д.

Самым верным барометром этих событий всегда был и остается частный рынок, а также постепенное исчезновение предметов первой необходимости из государственных и кооперативных магазинов. В связи с этим "темные личности" распространяют панические слухи, которые всегда вызывают массовые закупки "впрок" предметов первой необходимости, как-то: соли, мыла, спичек, керосина, продовольственных товаров, а потом всего, что попадает под руку и, конечно, в зависимости от наличия собственных денежных средств. Вот таковая ситуация была в 1939 и 1940-м году.

В самом начале сентября месяца 1939 года маленькая Финляндия, очарованная непобедимой линией Маннергейма¹, начала военные действия против СССР. В течение нескольких дней в нашей стране прошла частичная мобилизация запасных нескольких молодых возрастов и специалистов. Все воинские подразделения быстро перестроились на военное положение. Часть городских школ была освобождена под госпитали. Казармы были переполнены призывниками. Военкоматы открыли по городу временные призывные пункты, заняв под них школы и некоторые помещения общежитий.

Основной сборный пункт был при горвоенкомате на Лагерной улице. Я, как приписанный к Костромскому райвоенкомату в качестве начальника приемосдаточного пункта по мобилизации лошадей, повозок и упряжи, согласно приписному листку, обязан был явиться туда в первый день, что я и сделал.

В то время райвоенкомат находился на Крестьянской улице в д. № 9, т. е. рядом с поликлиникой. Этот военкомат был только что создан. Его военкомом был назначен молодой, энергичный человек т. Майоров, бывший до этого вторым секретарем горкома партии, начальником первой части был переведен из горвоенкомата старейший работник т. Занегин Владимир Павлович.

Явившись в райвоенкомат, я тотчас же получил предписание открыть приемосдаточный пункт и начать мобилизационные функции.

Помимо лошадей кавалерийской и артиллерийской категорий, было приказано мобилизовать большое количество обозных и особенно обозно-вьючных лошадей.

Наш приемосдаточный пункт был заранее намечен на территории Посадского леса, в конце Галичской улицы, там, где в настоящее время находится второй участок городского кладбища.

В первый же день начала войны мне был придан штат военнообязанных в количестве около 60 человек запасных кавалерии и конной артиллерии, а также ветеринарных работников.

На территорию были вывезены сборные домики специального образца, мебель и необходимая документация.

Мобилизационная работа закипела с утра второго военного дня, т. е. 6-го сентября. В этот год, только начав учебный год в школе, я вынужден был на несколько дней оторваться от педагогической работы, передав свои административные функции завучу школы тов. Цветковой Анфисе Васильевне.

Мы работали весь день без отдыха, перекусывали "на ходу" тем, что захватили с собой из дома и могли покупать в ларьке, где были хлеб, сыр, вареные яйца, колбаса, сладости. Из титана получали крутой кипяток. Из-за притока большого количества лошадей и транспорта пришлось работать до абсолютной темноты. Ночевать большинство работников осталось тут же. За день работы на территории пункта у нас выросли целые стога сена и штабеля мешков с овсом. Это фураж, мобилизованный вместе с лошадьми. Чувствуя приближение прохладной ночи, мы устраивались спать в стогах сена. С вечера все, кроме часовых и дежурных коноводов, уснули, как убитые, но на утро ударил такой мороз, что вся трава, все стволы деревьев, все покрылось белым инеем. Мы задрогли и вынуждены были вылезти из своих нор и бегать, бегать без конца, лишь бы хотя немножко согреться.

Чуть рассветало, из горветлечебницы, которая находилась в конце Галичской улицы, пришел старичок ветфельдшер т. Смирнов Андрей Капитонович и пригласил меня выпить стакан чаю. Придя в лечебницу, я застал там на-

ших ветврачей: Грацианского Андрея Ивановича и Вишневого Александра Васильевича. Мы выпили по стакану разведенного спирта, закусили холодным мясом и с аппетитом попили чаю, такой завтрак спас меня от неминуемой простуды, т.к. я был легко одет, только в легкий плащ, тогда как все остальные были одеты тепло.

Порученную нам работу мы выполнили в срок. Лошадей и транспортные средства сдали приемщикам формирующихся воинских частей, документацию и все оборудование сдали в райвоенкомат, и через три дня я вернулся в школу. А там, под Выборгом и по всей линии Маннергейма, шли ожесточенные бои. Финляндия, как моська из басни Крылова, агризалась своими снайперами, но все же ей пришлось признать себя побежденной. Несмотря на это, внешняя обстановка не была спокойной, т.к. зашевелилась фашиствующая Польша, и мы снова вынуждены были проводить частичные мобилизации.

Еще в финскую войну был мобилизован наш сосед по квартире Поляков Владимир Георгиевич. По прибытии на передовую он вскоре был ранен в живот, эвакуирован в тыл, пролежал в госпиталях несколько месяцев, а там война кончилась, и он вернулся домой, даже не вполне излечившись.

Фашистская Германия в 1940 году заключила с СССР договор о ненападении. Для чего в Москву приезжала целая делегация во главе с министром иностранных дел Иохимом фон Риббентропом², который при отъезде на наше приглашение погостить у нас подольше, сказал, что вскоре он прибудет в Москву на длительное время. Оказывается, уже в то время был у них “план Барбаросса” и он, уезжая, намекнул на оккупацию Москвы, но пообещать ему в Москве так и не пришлось.

Финско-польская война была начата с целью прощупывания нашей мощи перед началом большой войны Германии с СССР. Мы, простые русские люди, как-то интуитивно и по показаниям общественного “барометра” чувствовали приближение больших событий.

В магазинах стали быстро исчезать предметы так называемого “ширпотреб”, полки магазинов пустели, а спекуляция оживлялась. Руководимая мною школа с 1940 года решением высших органов народного просвеще-

ния по нашим ходатайствам была реорганизована в среднюю, были подобраны довольно сильные, авторитетные кадры учителей и воспитателей. Воспитанники учились с большим желанием получить законченное среднее образование с наивысшими оценками, с тем чтобы успешно поступить в вузы. С питанием, обмундированием, учебными пособиями, бумагой, приборами и учебниками – все обстояло более чем благополучно. Казалось, что вся жизнь с каждым годом будет еще более расцветать и богатеть. [...]

Время становилось все тревожнее. Газеты и радио ежедневно сообщали об успешных завоевательных действиях гитлеровской армии в Западной Европе.

Народный барометр приближался к делению “буря”. В то время Юра³, перейдя на вечернее отделение техникума, устроился на должность младшего зоотехника в Костромское райзо⁴. Разъезжая по району, он приглядывался, куда бы выгоднее продать свою питомицу⁵, да так, чтобы молодую лошадку не особенно обременять тяжелой работой. Глубокой осенью 1940 года Юре удалось продать свою Дочку Заволжскому ветеринарному пункту за 4200 рублей. Всем нам было очень жаль расставаться со своим выкормком, но приходилось смириться. Получив столь большие по тому времени деньги, мы стали подумывать, как бы их рациональнее израсходовать. Мы решили дожидаться зимних каникул и вдвоем с Юрой съездить в Москву для того, чтобы купить ему велосипед, которых в то время в наших магазинах еще не было в продаже. Кроме того, нужно было купить сахару, масла, колбаски и прочего продовольствия, чего у нас в Костроме уже давно не было.

Приятно встретив Новый, 1941 год, мы с Юрой второго января выехали в гор. Москву. Все пять дней нашего пребывания в Москве мы посвятили всевозможным закупкам. Юра купил себе чудную кавказскую каракулевую папаху огненно-рыжего цвета за 200 руб., закупили необходимых продуктов, вплоть до двух бутылок красного Цимлянского, и два килограмма апельсинов.

Наконец, в ГУМе купили велосипед за 1100 рублей и тут же отдали его для упаковки и доставки на Ярославский вокзал человеку неопределенной про-

фессии, который в залог отдал нам свой паспорт, а продавцы дали нам за него поручительство. С этого момента начались наши мытарства. Прежде всего, приехав на вокзал, нам пришлось порядочно понервничать, т.к. человек с велосипедом задерживался, и в нашем сознании рождались самые мрачные мысли в отношении честности человека, которому мы доверили ценную вещь. Наконец, он появился с велосипедом на плече. Далее, в товарной конторе в приеме велосипеда без проездных билетов нам отказали. Камера хранения его также не приняла, не считая ручным багажом. Мы оказались на распутье. Обойдя все инстанции, я решил идти к начальнику товарной станции т. Орлову, с которым пришлось вести очень продолжительный разговор, и он окончился в нашу пользу только после того, как я, впервые в жизни, подсунил ему 25 рублей. Он дал записку в какое-то отделение, где за 10 руб. наш велосипед уколотили в деревянную рамку и выдали квитанцию, за что пришлось платить еще два рубля.

Мы были рады успешным окончанием отправки велосипеда, денег не жалели, памятную пословицу: “Не подмажешь – не поедешь”! В этот же день мы взяли билеты в плацкартный вагон до Костромы и, освободившись от всех неотложных и трудных дел, решили два дня посвятить полному отдыху. [...]

Глава V

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941 – 1945 годов

Хорошо погуляв в Москве, довольные покупками вещей и продуктов, мы благополучно приехали домой и своевременно приступили каждый к своей работе.

Мы оба были бодры, здоровы, а я с приближением весны чувствовал какой-то особенный прилив молодости, житейской удовлетворенности и довольства.

Весна постепенно брала свои права. Школа успешно готовилась к экзаменам, окончанию учебного года и

выезду на дачу в с. Троицу. Горячая работа была у завхоза т. Тихомировой Е. В. Ей, помимо основной работы в городе, приходилось каждую неделю всеми видами транспорта добираться на школьную дачу, где были сданы ремонтные работы бригаде плотников, столяров, печников и маляров. С ней иногда ездил ее муж Василий Ефимович, который к тому времени начал прихварывать и слепнуть. Завуч т. Цветкова А. В. составляла расписание отпусков учителей и воспитателей, а также расписание выпускных и переводных экзаменов. Все подготовительные работы своевременно завершались. Силами всех сотрудников школы в специальных низеньких ящиках была выращена цветочная рассада для посадки в цветниках на даче и в пришкольном саду. И вот учебный год успешно завершен. Основное большинство воспитанников разъехались по домам, около сорока человек сирот и физически ослабленных детей вывезено на дачу, учителя и свободные от работы воспитатели ушли в очередные отпуска. Собирался отдохнуть на лоне природы и я со своей небольшой семьей. Я выписал себе отпускные деньги и тут же две тысячи рублей вложил в свободный золотой заем до первого тиража, намеченного на 30 июня.

И вот “грянул гром войны!”. В воскресенье, 22 июня 1941 года, был ясный, солнечный день начала лета. В липовом школьном саду, на свободных лужайках-квадратах, обрамленных могучими липами, мы разбивали фигурные клумбы и в последние дни июня месяца заканчивали высадку на них цветочной рассады. Я принимал личное участие в этой работе, охотно помогая любительнице-садоводу, технической работнице т. Троицкой Любви Сергеевне. Около трех часов дня в очень хорошем настроении возвращался домой, мечтая о воскресном отдыхе, и вдруг, свернув на Ивановскую улицу, я увидел бегущую в слезах соседку Веру Дмитриевну Протопопову, которая, громко рыдая, сказала, что только что выступал по радио Молотов В. М. с извещением о коварном выступлении против Советского Союза фашистской Германии в ночь на 22 июня. Их авиация бомбила наши города, как-то: Брест, Минск, Киев, Одессу и другие. Их танки и мотосоединения перешли нашу границу и, тесня наши воинские соединения, безудержно рвутся на восток.

Вере Дмитриевне было из-за чего расстраиваться – ее единственный сын Женя служил в Красной Армии на самой западной границе.

Меня это сообщение поразило как гром среди ясного дня. Придя домой, я застал свою семью и семью соседней Поляковых в крайнем возбуждении и растерянности. Наскоро перекусив, я побежал в райвоенкомат на Крестьянскую улицу и, к моему удивлению, там, кроме сторожа, не было никого. В воскресный день все разъехались “на зеленую”. Мне пришлось дожидаться несколько часов, прежде чем прибыли военком т. Майоров и начальник 1-й части тов. Занегин Вл. Павлович. Надо сказать, что в то время я был аттестован с присвоением звания старшего лейтенанта кавалерии и был допущен к совершенно секретной мобилизационной работе по линии военкоматов.

Тут же мы втроем вскрыли мобилизационный план города и Костромского района, чем и “завели” всю мобилизационную машину, которую уже нельзя ни замедлить, ни прекратить, т.к. были вскрыты все совершенно секретные данные мобилизационного плана. Тут же были пущены во все концы города и района эстафеты с мобилизационными повестками и извещениями учреждениям, предприятиям и учебным заведениям о вскрытии мобпакетов и переводе всей жизни города и района на военные рельсы. Время измеряется только часами и минутами. Жутко становится, даже когда вспоминаешь все пережитое, и как-то сейчас и не верится, что с такой быстротой, четкостью, сознанием ответственности все советские люди, осознав серьезность момента, отдавали свои силы, энергию и время перестройке всей жизни на военное положение.

Уже утром 23 июня трудно было узнать мирную Кострому. В городе поражало какое-то поспешное оживление. Толпы призываемых запасных направлялись на сборные пункты, открытые во многих частях города. Все пункты вошли под командование горвоенкома подполковника т. Видякина Григ. Ив., а непосредственное руководство выполнял капитан запаса т. Кириллов Мих. Евтх. со своим заместителем тов. Палашевским Ник. Мих. Пунктом мобилизации автотранспорта командовал техник-интендант 1-го ранга т. Флеров Виктор Александрович.

А мне по-прежнему было приказано открыть приемосдаточный пункт в Посадском лесу, но я непосредственно вошел в подчинение военкома политрука т. Майорова. Снова, как и в финско-польскую войну, в течение одной ночи в лесу вырос временный военный городок со стандартными домиками, коновязями, навесами, грибками для часовых, указателями и прочее. Среди дня 23 июня город стали наводнять сельские призывники, которые шли толпами в ужасно заплятанных одеждах и даже в лаптях, которые в обычное время уже не носили. Они несли за плечами огромные мешки – “сидора” с сухарями и необходимыми предметами обихода. Их как обычно сопровождали толпы плачущих женщин – жен, матерей, невест, а также подростков. Некоторые даже тащили на себе тяжелые “сидора” призывников.

Призывники одевали самую плохую одежду, потому что при получении военного обмундирования домашняя экипировка обычно бросалась.

Сообщения информбюро и газеты принесли неутешительные новости. Враг с молниеносной быстротой двинулся в глубь страны. Бомбардировочная авиация фашистов творила свое разрушительное злодейство по всем дорогам и населенным пунктам.

Городское самоуправление издавало постановление за постановлением о светомаскировках, о ночных дежурствах граждан, о правилах противовоздушной обороны, о привлечении граждан на копку противотанковых рвов, заграждений и прочее, во дворах рыли щели на случай прятаться в них во время бомбежки. Наша школа копала такие щели в конце сада, около Ушаковских ям.

Наконец, пришло распоряжение выделить людей на оборонные работы на Волховский оборонительный рубеж. От школы мы выделили двух мужчин и трех женщин. Бригадиром был назначен руководитель духового оркестра т. Пелянен Адам Мих. Они уехали туда без указания срока. Все работоспособные из оставшихся в Костроме ежедневно отрабатывали дни на копке противотанковых рвов вокруг города. Это было много позднее, уже при наступлении сильных заморозков, а потому приходилось пользоваться ломом, кирками и даже оттаивать землю кострами.

В первые недели войны в областях

Сын Леонида Андреевича
Юрий Колгушкин. Фото 1981 г.

стали организовываться ополченские коммунистические дивизии из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Так у нас организовалась Ярославская коммунистическая дивизия со штабом формирования в гор. Ярославле.

Основное большинство конников кавшколы ОАХ, в том числе оба Юрия, наш и Абрамов, записались в конную разведку этой дивизии и в полном составе были в г. Ярославль в конце июля месяца.

Наш приемосдаточный пункт каждый день получал дополнительные наряды по мобилизации лошадей и транспорта для вновь формирующейся дивизии в г. Костроме. Конца работе не предвиделось, а потому военное начальство разрешило мне совмещать работу на пункте со школьной. Я с раннего утра езжал в школу, потом ехал на пункт, а к вечеру снова возвращался в школу. Всей школьной работой в течение дня руководила завуч Анфиса Васильевна Цветкова, по ремонтам же вела наблюдение завхоз

тов. Тихомирова Ел. Вас. Как-то, подъезжая к пункту, я увидел, как в сильном испуге бежал по центральной аллее старший делопроизводитель стола формирования т. Ч., а за ним в сильном возбуждении какой-то молодой ст. лейтенант в военном плаще и с пистолетом в руке. Я остановил бегущих и выяснил, что военный был стар[ший] ветврач вновь формируемой дивизии тов. Коломиец, который дико кричал, что это вредитель и он его сейчас же расстреляет. Оказалось, что врач требовал невозможного. Он не принимал сформированные партии лошадей, а требовал выбора. Он допускал оскорбительные выражения, говоря, что тут кругом враги и лучших лошадей сохраняют для немцев, которые подходят уже к Бологое. Я пробовал успокаивать разнервничавшегося врача, но ничто не помогало.

Тогда я его разоружил и задержал до приезда вызванного мною начальника дивизии и военкома т. Майорова.

Когда они приехали и выяснили этот инцидент, врач получил 10 суток ареста, а т. Ч. еще дня три страдал "медвежьей болезнью". Все мы потом долго смеялись. Приблизительно через полмесяца Юра в большом горе вернулся из Ярославля, где его после медицинского освидетельствования отчислили из дивизии по тромбофлебиту. Юра же Абрамов остался в дивизии, которая, сформировавшись, срочно выступила на оборону Москвы. Фашистские полчища приближались с юго-запада к столице, к Бологое и Волхову, создавая кольцо под Москвой и угрозу Ленинграду. Нашим дополнителям пришлось пешком бежать на г. Вологду, смешавшись с эвакуированными, и только через месяц вернуться в Кострому. С первых же дней войны оборудование фабрик, заводов, а также некоторые учреждения, нескончаемыми эшелонами шли на во-

сток, через Урал, а некоторые базировались в больших приволжских городах. Навстречу им шли эшелоны с военной техникой и воинскими частями. Вскоре пошли с запада санитарные поезда с ранеными. Прибывали они и в Кострому.

Однажды к вечеру прибежал домой семилетний Слава Поляков с криком: "На Муравьевку привезли раненых. Сколько много выбежало из госпиталя державцов, они все в белых халатах и с носилками!" Державец в его понятии был санитар, держащий на носилках больных. Это слово он часто слышал, т.к. это была фамилия лучшего городского хирурга Михаила Анисимовича. Все мы безудержно смеялись над этими "державцами".

Моим заместителем на приемосдаточном пункте был назначен техник-интендант 1-го ранга запаса т. Лаговский Александр Викторович, до войны работавший юрисконсультантом на каком-то промышленном объекте, и который был известен мне еще от времен Гражданской войны, когда он работал юристом в Костромском губвоенкомате.

Помощниками были по административной части тов. Баусов и по хозяйственной тов. Шагурин. Ветврачи постоянно менялись. Дольше других работали тт. Вишневецкий А. В., Грацианский А. И., Орлеанский Н. Н., Казанский Г. И., Соловьева Е. Т., и даже иногда бывал на пункте маститый т. Просвирнин Вас. Ив. Ветфельдшером постоянно был Смирнов Андр. Капит., старшим кузнецом Чернов Никита Ив. и агентом по снабжению Федотов Григ. Савельевич, средний, младший командный состав, а также рядовые постоянно менялись в связи с призывом в маршевые роты.

Постоянными вестовыми и кучерами были у меня Кадыбердеев Алей Измайлович, а у Лаговского брат Алей Якуб. Это были честные, исполнительные и дисциплинированные служаки, которые, не считаясь со временем, выполняли все возлагаемые на них обязанности. [...]

Всем сотрудникам школы приходилось очень много трудиться помимо основного педагогического процесса. В особенности было критическое положение с топливом, а также нелегко проводились оборонные работы. Слепые учителя ни в чем не отставали от зрячих. Мужчины особенно тяжело работали по заготовке топлива, вы-

Советские военнослужащие в Германии. Фото 1948 г.

таскивая из ледяной воды бревна разбитых плотов и топляк на р. Волге и Костромке. Во дворе эти обмерзшие бревна пилили, раскатывали и укладывали в поленицы. За свой труд сотрудники получали скудное питание, а мужчины еще и по полстакану спирта-сырца. Топливо была первая трудность, а вторая — это питание.

Все граждане получали питание по продкарточкам, а воспитанники были посажены на детские нормы, несмотря на то, что больше половины их имели возраст за восемнадцать лет. 300 граммов хлеба им, естественно, не хватало. Старше начинали голодать. Нужно было что-то предпринимать. В частности, придумывать что-то в отношении богатых шефов, а также организовывать огородно-парниковое хозяйство и увеличивать количество поголовья свиней на своей свиноферме. Попутно почти забыл описать об одном инциденте, разыгравшемся ранней осенью.

Всем школам-интернатам и детским домам было предложено Костромским горкомом ВКП(б) и горсоветом выделить десять человек технических работников, а от нас — ответственного руководителя по перегону гуртов крупного рогатого скота симментальской породы и овец из Смоленской области в г. Кострому для распределения их на временное содержание по подсобным хозяйствам воспитательных учреждений. В качестве руководителя этой группы мы выделили старшую, энергичную, честную и лю-

бящую всякие ответственные административные поручения воспитательницу тов. Т. Она очень охотно согласилась. Группа срочно выехала поездом через Москву на границу Смоленской области, где, приняв от погонщиков гурты коров и овец, гужом погнали их в костромском направлении. По пути некоторые дотошные и нечестные женщины-погонщики для улучшения своего питания в пути и для веселых пирушек, с согласия т. Т. начали менять своих породистых коров на беспородных крестьянских, получая в придачу по 5000 р. с головы, а овец забивали, составляя акты на несчастные случаи. Пожалуй, все бы сошло с рук, если бы в это дело не вмешалась одна из погонщиц Н. по прозвищу Делегатка. Она потребовала от Т. прекратить разбазаривание колхозного имущества. После одного бурного разговора тов. Т. среди погонщиц высказала мнение обуздать тов. Н. И вот где-то около Мытищ две смелые погонщицы из Денисовского детского дома повалили Н. на пол и, приговаривая "Не наушничай", выпороли ее веревкой. Пригнав в Кострому, все стадо загнали во двор школы слепых. Туда же по вызову пришел заместитель зав. горно т. Тарасов Виктор Николаевич. Вот тут-то, в моем кабинете, тов. Н. рассказала обо всем, целиком обвиняя т. Т. Умалчивать было никак нельзя, т. к. Н. собиралась идти в горком ВКП(б). Тов. Тарасов должен был возбудить дело против Т. Следствие

шло около двух месяцев. Ее привлекли к суду только за халатность, т.к. она кое-какие деньги собрала с участников похода и всего возместила государству за шесть коров, уплатив большую часть из личных сбережений, так что ей по суду не приписали корыстной заинтересованности. [...]

В сентябре месяце по предписанию НКП РСФСР⁶ к нам, в Кострому, эвакуировалась ленинградская школа слепых детей в количестве 210 чел., включая 11 чел. работников. Их пришлось разместить в некоторых комнатах третьего этажа (зал, больничка, два класса). [...] Все же им не пришлось проживать в Костроме. Угроза немецкого наступления, бомбежки Ярославля, Данилова, Любима и Нерехты, воздушные тревоги в Костроме надрывали сердца слабонервных людей, и даже коренные костромичи, в первую очередь евреи, стали эвакуироваться на восток и на нижнюю Волгу. [...] Желавших ехать грузили в трюмы барж. Было начало декабря, по Волге уже плыло "сало". [...] Буксирный пароход с большим трудом дотаскил эвакуировавшихся по Каме до Осы, или Ижевского источника, и вместе с баржами вмерз в лед.

Люди всеми способами добивались до крупных населенных пунктов Удмуртии, Башкирии, а некоторые переезжали за Урал. Там переживали свое изгнание. Многие болели и даже умирали. Ленинградская школа потеряла более 40% детей и троих из числа сотрудников и их семей.

Глава VI

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ, "КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ"

В военное время каждый год так насыщен всякими событиями, как в мирное и за три года столько не произойдет. [...] В военное время все невольно спешили, события совершались с калейдоскопической быстротой и были полны всевозможных, неожиданных и чаще всего печальных свершений. Все чаще и чаще поступало печальных извещений "о героической гибели" защитников нашей Родины.

Пришли извещения о смерти Жени Протопопова, двух братьев Астафьевых Бориса и Евгения, Гурылева Игоря. Все это дружки и сверстники Юры. А сколько было таких скорбных известий о неизвестных или малоизвестных нам людях, погибших в самые тяжелые для нашей страны месяцы. Учитывая такую обстановку и не будучи уверенными, что Юру не постигнет участь его бедных друзей, мы решили не препятствовать его женитьбе на Тислиме, но все же не знали как быть с ее родителями. Мы начали готовиться к свадебному “пиршеству”, а в это время это было крайне тяжелое дело. От продкарточек ничего не оторвешь, а других ресурсов у нас никаких не было. Свадьба была назначена на 2 февраля. За два дня Юра зарегистрировался с Тислимой, и они получили брачное свидетельство. Мы скромно их поздравили, и Тислима осталась у нас. [...]

Работа на пункте к лету 1942 года получила другое направление. Еще в январе 1942 года к нам на пункт стали поступать раненые и больные лошади из воинских частей и даже с фронтов. Помимо лошадей нам слали вагоны поломанных телег, тачанок, фур, грабарок, саней, упряжи. Силами специалистов пункта все это ремонтировалось. Часть безнадежно больных лошадей приходилось забивать на месте, а мясо сдавать на корм свиньям в совхозы и колхозы, а также охранникам для сторожевых собак. Разрешалось брать мясо и работникам пункта для корма свиней и других животных. [...] Наш пункт как неплавная единица не получал ничего в организационном порядке. Работникам приходилось нелегально доставать где-то каменный уголь для кузницы и для отопления помещений, проволоку для изготовления гвоздей, которые были весьма дефицитным товаром, а также веревку для коновязей и обмотки розвальней. Этому нашему мероприятию весьма помогало отсутствие строгой охраны товарной станции, слабый учет грузов и сговорчивость охраны за кружкой спирта. [...]

Еще в конце декабря 1941 года горвоенкомат назначил тов. Лаговского А. В. командиром транспортно-гужевого батальона, к формированию которого мы тотчас же и приступили. Людей дал горвоенкомат, а нам нужно было мобилизовать 2600 лошадей с упряжью и 1300 саней. В январе месяце батальон выбыл в г.

Ярославль, а Александр Викторович приблизительно через месяц снова вернулся на пункт, т. к. его батальон поротно распределили между формируемыми дивизиями.

[...] В тяжелые месяцы первого года войны наша семья не испытывала голодовки, которая выпадала на долю многих людей. Я стал получать паек по карточке литеры Б, а остальные по III группе. Кроме того, имел возможность покупать кое-что из съедобного в ларьке сдаточного пункта, а самое главное, хлеб.

В школьном коллективе из-за недостатка питания происходили и довольно курьезные случаи. Первые дни учения в 1941 году учителя всей группой ходили обедать в столовую при доме Советов, но там кормили супом с крапивой или лебедой, а ждать нужно было часами. Учителя вскоре прекратили эти походы. Мы выхлопотали получение с фабрики-кухни обедов, состоящих из бульона с наваром из костей и засыпанного несеейной мукой. То и другое представляло из себя мутный клейстер. Для получения этой “прелести” мы выделили воспитателя тов. Троицкую Анг. Ал-дровну, в помощи которой давали одну техничку. И вот однажды звонят мне из первого отделения милиции, что т. Троицкая задержана за хищение этой лапши в количестве одного котелка гуши для своих сестер. Я побежал в милицию и в дежурной комнате, за перегородкой я увидел перепуганную, плачущую Ангелину Александровну с металлическим ополовником в правой руке, приложенным к плечу, как винтовка у солдата на часах. Смех и грех! Тут же инцидент был исчерпан, и А. А. отделалась легким испугом.

В общем, в эти месяцы большинство сотрудников школы сильно голодало, и все с нетерпением ждали урожая овощей на своих участках индивидуального огорода. Воспитанникам же было еще хуже. Мне пришлось разрешить варить кашу из мучки, даваемой по наряду с крупзавода и мельницы для корма животных, а из барды стали варить кисели. Среди воспитанников ежедневно устанавливалась очередь на вылизывание чугунков после такого “кушанья”. Вот что делал голод! Очередные отпуска были на время войны отменены, а потому все работники школы использовались на необходимой физической

работе и, прежде всего, на заготовке топлива для школы.

Еще забыл сказать, что с июля по ноябрь первого года войны часть комнат нижнего этажа занимали у нас штабы формирующихся дивизий. Они нам, в особенности в летние месяцы, не причиняли большого неудобства, а наши молодые сотрудницы, наоборот, даже были чересчур довольны, находя развлечения в знакомстве и “игре в любовь” с молодыми командирами. Все эти увлечения были чересчур кратковременными и прекратились с уходом дивизий на фронт.

Глава VII

МОЙ ВЫЕЗД НА ФРОНТ

К зиме 1942 – 1943 годов наша семья подошла без страха голодовки. Мы собрали очень большое количество картофеля, капусты и прочих овощей, а благодаря этому была полная возможность “пустить” в зиму несколько голов скота и птицы, а во вторую половину быть все время с мясом. У нас была корова, овца с двумя ягнятами, два поросенка и куры. Наше благополучие как-то неприятным грузом ложилось на мою душу. [...]

Работа приемосдаточного пункта к началу 1943 года была почти окончательно свернута. От всех работников там остались только Грушин и Чернов, которые несли обязанности сторожей оставшегося имущества, в том числе трех лошадей, находящихся в полном распоряжении райвоенкомата. А в этом странном для некоторых людей учреждении к 1943 году произошли также некоторые изменения. [...] После того как была свернута работа пункта, я все же не был забыт горвоенкоматом и очень часто привлекался для переучета лошадей, а также для выполнения нарядов по мобилизации. Оживилась работа в феврале 1943 года во время подготовки наступления на Курско-Орловской дуге. Мне было приказано сформировать два больших воинских состава, погрузить лошадей и фураж в железнодорожные вагоны и срочно выехать самому. В качестве начальника обоих эшелонов. Наряд был дан одному эшелону до г. Ефремова, а моему до станции Валуйки. Мы выехали вечером 5 марта 1943 года. Наш товарный

состав поезда шел, не останавливаясь, до г. Кузьмодемьянска за г. Ярославлем, где сменилась бригада и паровоз брал воду. После такой же остановки на ст. Александров наш состав, объехав Москву, остановили на несколько часов на ст. Лихоборы, где через военного коменданта мы получили паек на 5 дней. Нам выдали колбасу, крупы, галеты, американскую консервированную колбасу, сахар, чай и, конечно, хлеб. Уже в Лихоборах чувствовалось приближение фронта. С запада шли санитарные поезда с ранеными, воинские составы с побитой техникой, а также с эвакуируемыми людьми и имуществом. Раньше нас выпускали к фронту эшелоны с воинскими частями и новой военной техникой. На другой день наш состав протолкнули до ст. Бирюлево, где нам пришлось простоять около трех суток, т.к. “зеленую улицу” опять получили воинские составы с людьми, самолетами, “катушами”, танками, пушками, снарядами и прочими воинскими грузами. На этой станции мы произвели выводку лошадей и чистку вагонов. Поили лошадей на каждой длительной остановке. На станции Ожерелье для нас снова сделали длительную остановку. Здесь мы уже видели разбитые вокзальные здания, воронки от авиационных бомб и вообще следы бомбежек и артиллерийских обстрелов. Везде были противотанковые рвы, заграждения, надолбы и прочее. На этой станции впервые нам удалось видеть немецкий самолет-разведчик, называемый “рама”. А это была верная примета предстоящей бомбежки железнодорожных путей, но на этот раз налета не было. Все же составы отвели на ночь на подъездные пути километра за четыре. [...] На станции Узловая мы получили первое боевое крепление. В 17 часов появились разведчики “рамы”, а минут через 10-15 начали свои заходы бомбардировщики. Эта станция имела многие десятки запасных путей, заполненных воинскими составами. Еще до завывания сирен и гудков, извещающих о начале налета вражеских самолетов, большинство особо важных воинских составов было отведено на подъездные пути. Нас поставили в лесок километрах в четырех от станции. При начале налета в воздухе были повешены осветительные ракеты – “лампы”, да и серп луны хорошо освещал местность. При подходе самолетов начинали бить наши зенитки, а прожекторы рыскали в

темном небе, ловя в створ “стервятников”. Красивое зрелище создавали разноцветные трассирующие пули, посылаемые навстречу налетчикам. При каждом заходе “мессеры” сбрасывали десятки бомб, в особенности зажигательных. [...] Бомбежка с перерывами шла всю ночь. На утро военный комендант станции дал мне распоряжение выслать моих людей на уборку трупов на станции и в железнодорожном поселке. Человек тридцать солдат под моей командой несколько часов убирали трупы солдат, железнодорожных служащих, а также посторонних мужчин, женщин и детей. Мы заложили трупами полы и нары двух пакгаузов. Для лучшего опознавания убитых трупы мы складировали в один ряд. Только за одну ночь сколько было разбито жилых и служебных зданий, пакгаузов, исковерканных, перекрученных рельсов и шпал. Кругом появились глубокие воронки, а на снегу пепел и пятна крови. [...]

В дальнейшем по нашему пути все станционные постройки были разбиты и превращены в груды кирпичей. Служебные помещения были в вагонах-теплушках. [...]

По возвращении я сходил в горвоенкомат, где меня уже считали погибшим и не ожидали. Им кто-то сообщил, что наш эшелон разбомбили и почти все мы погибли под г. Ельцом. [...]

Глава VIII

ПОСЛЕДНИЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ И ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

В конце 1943 года военная обстановка на фронтах складывалась в нашу пользу, и уже все стали подумывать о предстоящей победе над немецкими полчищами и об окончании войны.

Поражение “непобедимой” немецкой армии под Москвой, окружение и пленение отборных дивизий под Сталинградом и, наконец, разгром немцев на Орловско-Курской дуге – все говорило о наших успехах. Наш народ ждал тех дней, когда военные действия будут перенесены на вражескую территорию. Это время уже приближалось, но враг еще отчаянно сопротивлялся. К тому времени среди

наших родственников и знакомых произошли многие перемены. Володя Крылов, окончив ускоренный курс Полоцкого военного училища, в звании лейтенанта был направлен под Сталинград, где одновременно получив шесть ранений и контузию, отлежав в госпиталях несколько месяцев, получил ограничение в пригодности к военной службе из-за ранения в позвоночник и в звании старшего лейтенанта был прикреплен к полевому госпиталю в качестве инструктора лечебной физкультуры. Его брат Виктор к этому времени умер. Тесть Сергей Михайлович переехал в приход села Любовникова Костромского района.

Из наших знакомых в 1943-1944 годах умерли Карл Моргенфельд и Фридрих Ладе, причем оба скоростижно и еще не в старом возрасте.

Меня же горвоенкомат только один раз посылал начальником эшелона призывников до гор. Кирова, да и то в Ярославле эшелон переформировали, и я вернулся домой, и с тех пор военкомат меня больше никуда не посылал, только лишь раза три-четыре в месяц вызывал для какой-нибудь небольшой работы по мобилизационной части. Осенью 1943 года, как и в прошедший год, мы опять собрали на своих участках большое количество картофеля, капусты и различных овощей. [...]

В середине 1944 года Кострома стала областным центром. Обком ВКП(б) и облисполком заняли большое каменное здание на ул. Дзержинского, д. № 17, выведя оттуда госпиталь в соседнее здание (ныне технологический институт). Облоно на первое время был помещен в нескольких убогих комнатах большого дома на улице Симановского, дом № 24. [...] Наша школа перешла в непосредственное подчинение областного отдела народного образования, и с этого времени, естественно, отпала необходимость в трудных, частых поездках в г. Ярославль. [...]

И вот наступил радостный день 9-го мая. Рано утром радио сообщило долгожданную весть о безоговорочной капитуляции Германии. “Наше дело правое – мы победили!” Рано утром, когда мы еще не успели встать

с постели, под нашим окном появилась Антонина Ивановна Т., пьянее вина и с непечатым пол-литром.

Надо сказать, что они с Надей⁷ всю жизнь были весьма близкие подруги, но несколько лет тому назад Тоня приревновала к Наде своего мужа Петра Афанасьевича Г., и они разошлись. А тут все было забыто. Хорошо, что это было воскресенье, пришла Лидия Ивановна Лясыч и еще кто-то, и мы радостно отметили день Победы, экспромтом собрав праздничный стол.

Во всем городе, как и во всей стране, было праздничное ликование. Не было ни одного человека, кто бы оставался равнодушным в эти торжественные, праздничные дни.

На четвертый день вернулся из госпиталя наш сосед Владимир Георгиевич

Поляков, и мы устроили ему также подобающую встречу.

В сентябре месяце в Манчжурии была разбита знаменитая Квантунская армия японцев, американцы, с благословения президента Трумэна, сбросив на Хиросиму и Нагасаки по ужасной атомной бомбе, вынудили Японию к безоговорочной капитуляции.

Война была окончена, наши защитники постепенно возвращались к своим семьям, но многие не досчитались своих отцов, сыновей и мужей, продолжая оплакивать их преждевременную смерть.

Кровавая война была окончена, началась стадия дипломатических переговоров, вылившихся в конце концов в форму "холодной войны" между бывшими союзниками.

Апрель 1965 года

Примечания:

¹ "Линия Маннергейма" - полоса железобетонных и гранитно-земляных военных укреплений, сооруженная финнами в период 1929-1930 гг. с помощью англичан, французов и немцев на Карельском перешейке. Названа по имени маршала Финляндии Курта Маннергейма. Система обороны этой линии опиралась на естественные препятствия озерно-лесной и болотистой местности Карельского перешейка. Каждый населенный пункт представлял собой как бы узел укреплений с радиосвязью, запасами горючего и боеприпасов, во многих местах были проведены железнодорожные линии и шоссейные пути.

² Риббентроп Иоахим фон - в 1938-1945 гг. министр иностранных дел Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

³ Юра - родной сын Леонида Андреевича Колгушкина, в то время студент сельскохозяйственного техникума.

⁴ Костромской райзо - Костромской районный земельный отдел

⁵ Питомница Юрия Колгушкина - лошадь по кличке Дочка.

⁶ НКП РСФСР - народный комиссариат просвещения РСФСР.

⁷ Надя - первая жена Леонида Андреевича Колгушкина.

«Там уже «стояло» человек десять бойцов...»

Публикуемый ниже документ хранится в ГАКО в неописанных фондах и значителен как "Дневник неизвестного лица, поступивший в марте 1992 г.". Архивная "легенда" его такова: в конце 1980-х гг. костромская общественность пыталась отстоять один из предназначенных на снос домов на ул. Ивана Сусанина. Дом был интересен с точки зрения сохранения зоны городской застройки конца XIX века. На его чердаке были найдены две рукописные тетради, в качестве листов которых использовались типографские бланки карт выработки ровницы тбилисского трикотажного комбината 1940-х гг. Заполненные фиолетовыми и синими чернилами страницы тетрадью рассказывали о событиях времен Великой Отечественной войны. Разные почерки и стили передачи текста говорили о том, что у каждого из дневников был свой автор.

Советские военнослужащие в Чехословакии. Фото 1945 г.

К публикации подготовлена небольшая часть дневников, написанных одним почерком. Упоминания об имени и фамилии лица, написавшего ее, отсутствуют. Текст не имеет ни смыслового начала, ни конца, т.е. представлен в том виде, в каком сохранился до наших дней. Встречающиеся фамилии обозначены одной буквой во избежание отождествления с конкретным человеком¹. В скобках приводятся архивные номера листов оригинала дневника.

Хронология и география публикуемого текста определяются по единственной упомянутой дате, 2 марта 1943 г., и по нескольким названиям населенных пунктов: Горячий Ключ, Молдовановка, Дефановка, Пятигорская, Шахар-Мукай, Тако-Мукай и др. Эти сведения помогли определить время и место военных действий, участником которых являлся автор.

События, описанные в публикуемой части дневника, имели отношение к Краснодарской наступательной операции войск Северо-Кавказского и Южного фронтов, проведенной 9 февраля - 16 марта 1943 г. Двухсоттысячная краснодарско-новороссийская группировка противника создала вокруг Краснодара сильно укрепленную систему обороны. На подступах к Краснодару с востока вели бои с противником части 46-й, а с юга - 56-й армий. Встречающиеся в дневнике населенные пункты: Горячий Ключ, Дефановка и др., находились южнее Краснодара, из чего можно сделать выводы о том, что автор дневника воевал в составе 56-й армии. Наступление проходило в сложных условиях: ранняя распутица затрудняла продвижение утомленных предшествующими боями войск...

Дневники носят очевидную антивоенную направленность и повествуют о войне от имени человека, не способного повлиять на ход событий, участвующего в них не по своему желанию, не по своей вине, и понимающего это.

Любовь Поросятковская

(Л. 1) Там уже «стояло» человек десять бойцов, но хозяйка разрешила нам поставить на плиту еще котелок. Спали на сеновале хаты. Было относительно тепло. На рассвете снова пошли вперед. Впереди был перевал, а продуктов не дали. Бойцы выжидающе молчали, не решаясь затеять скандал. Продуктов не было уже три дня, и скандал разразился.

Колонна шла, растянувшись на несколько километров. Бойцы шлепали, не разбирая дороги, по колени в грязи. Злобно ругали проходящие машины, окатывавшие грязью. Я, правда, был относительно свеж. Сохранилось еще несколько (Л. 1 об.) пачек концентратов. Неожиданно колонну остановили и завернули обратно, по направлению Горячего Ключа. Оказалось, пошли не по той дороге. Раздались глухие ругательства и злобные насмешки. Я шел и думал: когда же прекратится эта беспросветная неразбериха. Ну куда ведут голодных и безоружных людей?

Нас обгоняли обозы вьючных лошадей. На передовую подбрасывали питание и боеприпасы на вьюках. Машины через перевал не ходили. В одном месте натолкнулись на женский рабочий батальон. Они исправляли дорогу. Вернее, не исправляли, а перегоняли с места на место жидкую липкую грязь. Бойцы уже садились прямо на дорогу. Дошли до деревни Молдаванова. Здесь остановились (Л. 2) на ночевку. Наш мудрый вождь (капитан) ночевать в деревне из каких-то соображений не разрешил. Расположились в лесу, разожгли костры, вскипятили чай и все. Неожиданно пошел дождь. Всю ночь мы мокли и сверху, и снизу. Костры заливало. Под утро я и Н. не выдержали и пошли в деревню. Забрались в какую-то конюшню и там дождались рассвета. Когда рассвело, напились чаю, затем

отправились искать пристанище. Случайно после долгих поисков забрели на колхозную ферму. Она оказалась пуста. Немедленно набили ее мокрыми, голодными бойцами. Сами устроились у сторожа фермы. Пока мы мылись, брились и чистились, дочка хозяина накрыла на стол. (Л. 2 об.) Покушав, завалились спать. Вечером примчался связной капитана с приказом получить продукты. Обрадовались страшно, но людей пришлось силой стаскивать с нар. С продуктами пришли уже в темноте, злые и возмущенные. Вместо нормального сухого пайка дали черт знает что. Муку и солонину, да к тому же на 10 дней. Перенести все за один раз не удалось, а идти второй раз люди отказывались. После долгих уговоров я, наконец, обозлился и заорал диким голосом: «4-я рота, в ружье!» (Винтовок у нас, правда, не было). Поднялся невообразимый переполох. Кто спешил одеваться, кто, наоборот, залезал под нары. Лейтенант Н. выскочил на шум в одних галифе. (Л. 3) Я сдержанно объяснил ему, что произвожу продуктовую тревогу. Всю ночь делили, варили и пекли, причем ругались беспощадно. Я постарался поскорее заснуть.

На другой день к вечеру тронулись в путь. Идти было трудно. Злополучные продукты весили внушительно. В сгустившейся темноте подошли к перевалу. С проклятьями царапались в гору и с руганью кувыркались с горы по обледенелым скользким тропинкам. На перевале в художественном беспорядке стояли орудия, брошенные тягачи, повозки, стояли целые штабеля ящиков со снарядами, патронами и продуктами. Все это безнадежно застряло. (Л. 3 об.) Перешли перевал и заночевали в лесу у костров. Было холодно и сыро. Капитан, пообещав расстрелять каждого, кто сунется в

деревню, ушел ночевать в хату. Проводили его злыми глазами. Все думали одно и то же. Утром нашли замерзшего. Это был уже третий случай [...]

Часов в 12 пришел капитан и собрал средних командиров на совещание. Н. вернулся с совещания злой, как бешеная собака: «Идем обратно в Дефановку. Там берем груз продуктов и снова возвращаемся», - не глядя на меня, сказал он. Горячая, как вино, злоба бросилась мне в голову. Рука невольно зашарила по ремню, ища кобуру. Когда же кончится это издевательство (Л. 4) над людьми? Долго ли можно блуждать взад и вперед по отчаянно скверным дорогам? Затушили костры и пошли. Взяли перевал, спустились к Молдавановке, и снова капитан не разрешил ночевать в деревне. Кажется, подвернись мне этот идиот [...] один на один, я застрелил бы его, не моргнув глазом. Ночевали в лесу, у костров. О хате думали так же, как шестнадцатилетний юноша думает о первом поцелуе. Ночью снова замерз какой-то елдаш². Это четвертый, а сколько еще будет? И все из-за самодурства нашего капитана. Будь прокляты такие полководцы. Днем пришли в Дефановку, и тут перед (Л. 4 об.) всей колонной капитан отдал жестокий приказ: «Если я увижу хоть одного командира или бойца в хате, выведу и расстреляю собственными руками». Я видел, как рванулись скулы у Н., и почувствовал, что у самого задергались веки. Роту расположили в саду посреди деревни. Капитан, взяв связного, ушел на квартиру. Без всяких колебаний разошлись и мы. Н. ушел к комроты (у нас уже был новый командир роты - лейтенант-гвардеец). Я заскочил в сапожную мастерскую. Двое сапожников приняли довольно радушно. Покушав, я завалился на груды старой обуви и заснул. Разбудил меня

Военнослужащие 2-й Ударной армии. В центре Т.М.Чигарева (Курашова).
Фото 1944 г.

капитанский связной, искавший командира роты. Сказав адрес, я снова заснул до утра. (Л. 5)

Часов в 11 на другой день рота получила запас продуктов на три дня: по две пачки концентратов и по полбуханки хлеба на человека. Спрашивается, для чего же нас гнали сюда? Снова шлепаем обратно. Я, да и все страстно желали попасть на передовую. Там, по крайней мере, сразу можно получить путевку в госпиталь или на тот свет. Ночевать снова пришлось в Молдовановке. В деревню на этот раз пустили. Забрались на ту же ферму. Сторож радушно принял нас, хоть на этот раз, кроме меня и Н., был еще комроты со своим денщиком.

Было противно смотреть, как он за ним ухаживает. Неужели гвардии положены денщики? Да, видно в гвардии много чего нового. (Л. 5 об.) На другой день, проходя по деревне, я увидел человека, при виде которого сразу вспомнил бешено несущийся «Джемс», бандитскую засаду и груды убитых на дороге. Это был воентехник артдивизиона, с которым я тогда ехал. Он сразу узнал меня и тут же, за котелком горячего супа, рассказал, что 59 бригада, вернее, ее штаб, уехала на формирование в Буй. Нечего и говорить, что я пережил при этом известии.

К вечеру рота получила приказ наступать. Отошли километра два и заночевали в лесу под самым перева-

лом. Более дурацкого распоряжения нельзя было придумать. Плюнул на все и ушел ночевать обратно в деревню. (Л. 6) Утром получили оружие, то есть русскую неизменную, по 200 патронов и по шесть банок консервов для переноски. С консервами произошел неприятный случай. Елдаши отказались понимать, что консервы не для нас, и на первом же привале начали их поглощать. Рассвирепевшие взволнованные, потрясая лес виртуозной руганью, кулаками и ногами, вдальблывали в головы непонимающих, что консервы трогать нельзя. Преодолели перевал (в который раз мы его переходили), и сдали злополучные консервы. И тут же в лесу заночевали. На этот раз мне и Н. удалось найти заброшенную землянку на другой стороне реки. Правда, было немного далеко от роты, но черт с ним.

(Л. 6 об.) Развели костер, покушали, покурили и уснули как в раю. Н. ждал комроты, но гвардии офицер нашел, видимо, другой ночлег. Мы об этом не пожалели. А на другое утро я был свидетелем расстрела. Я вышел из землянки и удивленно остановился: напротив, за рекой стояло строем отделение бойцов. Комроты вытолкнул вперед какого-то елдаша. «Отделение, одним патроном заряжай», — донеслась до меня команда. Послышался слабый лязг затворов. «Отделение, целься!» Я поспешно шарханулся от землянки, так как отделение целилось прямо в нее. Елдаш, мотаясь и что-то крича, пытился от навешенных на него стволов. «Отделение, пли!» Сухо треснул залп. (Л. 7) Елдаш неловко рухнул в снег. Мимо меня свистнуло несколько пуль. Когда-то я сам застрелил из нагана человека. Но это было, когда нервы ныли и напрягались как струны, когда части СС по четыре раза в день ходили на нас в атаку. Расстрел произвел на меня тяжелое впечатление.

К вечеру дошли до станицы Пятигорской и здесь заночевали. Станица подвергалась систематическому обстрелу с Лысой Горы. Как-то не верилось, что неделю назад на этой обыкновенной горе стояли немецкие батареи. Я и Н. заночевали в хате. Его трясет малярия, и он едва ходит.

2/III- 43 г.⁴ Утром Н. не мог (Л. 7 об.) подняться. Роты уже давно ушли, когда тронулись и мы. Нагнали роту

у Горячего Ключа. Когда-то это было красивое курортное местечко. После боев оно выглядит довольно мрачно. Везде следы поспешного отступления немцев. Валяются каски, патронные ленты, снаряды и всякое другое барахло. Неожиданно натываемся на два трупа. Один типичный немец-эсэсовец. Сапог уже на нем нет. Другой - румын. Он застрял в амбразуре блиндажа, очевидно, пытаясь выскочить в последний момент. Нашли еще несколько трупов. Опознать их было нельзя, потому что на них не было вообще никакой одежды. Обувь и обмундирование для гвардейцев были дефицитом.

(Л. 8)[...] встречаются раненые. Их рассказы не утешительны. Наступление продвигается туго из-за отсутствия боеприпасов, питания и артиллерии. Все это скопилось за перевалом и перебрасывалось через него на вьюках и людях. Но пушки на вьюках не доставишь. Что будут делать дальше - неизвестно. Его³ авиация непрерывно бомбит наши тылы. Щекочущий тоскливый страх снова заползает мне в сердце. Но виду показывать нельзя. Ночуем в лесу, костров не разводим. Слышен грохот бомбежки и взрывов. Слабо доносятся пулеметные очереди. Где-то близко воют шакалы, наверное, над трупом.

4-го догнали, наконец, бригаду. Она стояла в Старомогилевской. Разместились в (Л. 8 об.) старых сараях. Ждем распоряжений. Вечером уже в темноте выдали всем по кружке вина. Приказали заложить по четыре патрона в магазин, и повели на передовую. В два часа ночи пришли в батальон, то есть на поляну в лесу. Там была открыта землянка, в которой помещался штаб батальона. До рассвета мы пролежали возле штабной землянки, слушая тяжелый гул немецких орудий. На рассвете началась разбивка по ротам. Начштаба батальона оказался моим старым знакомым по 59 бригаде. Через 5 минут я был назначен старшиной роты. Командиром назначили Н. С ним мы не расставались. «Скоро придут из обороны наши роты, вы в них вольетесь (Л. 9) и расположитесь вон в том леске». Минут через двадцать начштаба сказал: «Идет 3-я рота». Я повернулся на треск кустов и увидел восьмерых изорванных, измученных, заросших бородами людей, цепочкой

продиравшихся сквозь кусты. Шли они как-то особенно тихо и молчаливо. И на меня почему-то повеяло от этой роты в восемь человек молчаливым ужасом боевого поля. Один из этих восьми был средний командир, помкомроты.

В лесу жили два дня, отдыхали от кошмарного марша. На третий вечер батальон получил приказ наступать на занятое немцами село Шахар-Мукай. Лихорадочное готовимся к наступлению. Людей в батальоне всего 300 человек. На весь батальон один пулемет. (Л. 9 об.) «Десять винтовок на весь батальон...» - вспомнил я песенку Гражданской войны. У нас была примерно та же картина. В полной темноте, стараясь не брякать снаряжением, подошли к Шахар-Мукаю. Село лежало в полукилometре впереди, молчаливое и притаившееся. Батальон остановился у каких-то одиноких сараев посреди поля. Немного правее шла к селу шоссейная дорога. По ней пустили взвод разведки, но командир батальона, горя желанием проявить героизм, решил не дожидаться разведки. Он отдал «суворовский» приказ, развернуть роты в цепи и наступать через поле. «Когда ворветесь в деревню, сразу за трофеями не бросаться». Эта последняя часть приказа вызвала едкие, злые насмешки: «Медведя не (Л. 10) убили, а шкуру делят».

Я попал в первую штурмовую группу, которой командовал Н. Группе. Предназначалось ворваться с победным «ура!» на окраину деревни и закрепиться там. Дальше должна была действовать вторая штурмовая группа. Ею командовал лейтенант К. Наша группа состояла из двух взводов. Одним командовал лейтенант С., другим - я. Молча, развернувшись в цепь, выбрались мы из леска и пошли. Ровный чистый снег тихонько поскрипывал под ногами. Деревня, затаившись, злое молчала. Поле, по которому мы наступали, было двухскатное. Как только выбрались на гребень, наши силуэты стали ясно видны на фоне бледного неба. (Л. 10 об.) И тот же час началось что-то такое, чего мне еще не приходилось испытывать с начала войны. Казалось, небо сломалось, и на нас посыпался грохочущий, пылающий ад. Разом застрочили пулеметы, беря нас под перекрестный и кинжальный огонь. Тяжело ухали минометы, с

воем неслись мины, низко в воздухе ослепительным пламенем рвалась картечь. Мы влипли в землю, ошарашенные этой страшной встречей. Кругом визжало, шипело, свистело, грохотало и рвалось. Мы вдавливались в снег, закрывая голову руками. Дикий ужас заполз в душу. Донеслась глухая команда Н.: «Вперед, так вашу распротак!» (Л. 11) Сдерживая рвущийся голос, повторяю команду. Люди ползут неуверенно, стараясь не отрывать голову от снега. Струи трасирующих пуль свистят над самой землей. Неожиданно нас осветили ракетами. Захлебываясь и срываясь, заколотили еще два пулемета, закали автоматы. Нервы сразу оборвались, сердце куда-то исчезло. Люди поползли в стороны, вскакивали и тут же падали, срезанные страшной свистящей метлой. Рядом со мной кто-то застонал, кто-то дико засмеялся. Я ничего не соображал, пока не свалился в канаву. Сверху свалилось мертвое тело. Канавка оказалась дорожным кюветом, полная людей, мертвых, раненых, живых.

В кювете (Л. 11 об.) лежали до рассвета. Когда стало видно, я увидел Н. Он полз обратно, и все повернули за ним. «Немцы перешли в контратаку», - пронеслось по канаве. Началось бегство. Обгоняли друг друга, тут же падали срезанные снайперами. Наконец, добрались до сарая, где располагался штаб батальона. Сарай непрерывно обстреливались из минометов, и штаба тут уже не оказалось. Он перебрался недалеко в лес. Нас встретил комбат, посеревший и злой: «Убежали, гвардейцы?» У меня потемнело в глазах от злобы. «Пустили на село 60 человек и хотели на ура взять», - крикнул какой-то елдаш. Комбат выдернул пистолет и тут же застрелил его. Остальные равнодушно (Л. 12) садились и ложились в снег. Этим людям уже ничем нельзя было удивить. Они только что повидали все, от начала мироздания и до наших дней.

От батальона в 350 человек осталось 52 вместе с взводом разведки, которая в атаке не участвовала. Приехала кухня, привезли вино. Люди ели и пили, кто сколько хотел. А через полчаса 40 человек снова кинулись в атаку. Н., которого только что назначили начальником штаба, отозвал меня в сторону и сказал: «Тебе ходить

не стоит, из них никто не вернется». Через полчаса начали прибывать раненые. Они ничего не говорили, их ничего и не спрашивали. Они молча проходили в санчасть. В темноте пришли оставшиеся. Их было пять человек. Не было лейтенанта С. (Л. 12 об.) На мой вопрос К. угрюмо буркнул: «Снайпер срезал. Прямо в лоб». Я вспомнил, что С. было не по себе перед атакой. Значит, предчувствие не обманывает людей. Я мысленно поблагодарил Н. за то, что не пустил меня в атаку. Собственно, я болтался [...], роты у меня больше не было. Был только комроты лейтенант Ш., назначенный вместо Н. Обоим нам делать было нечего.

Ночь прошла спокойно. Утром комбат поднял нас по тревоге. Я с трудом поднялся со снега. За ночь снег подо мной растаял, и шинель промокла. Было холодно и неприятно. В белесом тумане рассвета прямо против меня стояла шеренга автоматчиков. «Пополнение, сейчас атака», - шепнул (Л. 13) проходивший мимо Н. Автоматчиков было тридцать человек. Холодно и равнодушно смотрели они раскосыми монгольскими глазами куда-то в лес. Через 20 минут остатки нашего батальона, то есть 28 человек были готовы к выступлению. Командир взвода автоматчиков гортанно выкрикнул команду. Взвод повернулся четко, как на ученье. Видно было, что это кадровики. Откуда только их выкопали. Пользуясь туманом как щитом, пошли к деревне [...]

По всему полю трупы моих вчерашних бойцов и друзей. Неожиданно туман стал подниматься кверху, и тотчас же началось вчерашнее. Автоматчики аккуратно легли в снег, выставили (Л. 13 об.) автоматы и приготовились «отвечать». Но я знал, что сейчас пропадет их уверенность. Дело в том, что стрелять было не по кому. Немецкие пулеметы были тщательно укрыты в блиндированных дзотах. В общем, скучно писать. Из наступления нас вернулось 30 человек вместе с автоматчиками. А вечером пришел приказ комбрига занять деревню во что бы то ни стало. Н. снова оставил меня при штабе. Группа в 29 человек молча выстроилась и, не глядя на штабных, ушла в темноту. Мы жадно слушали черную тишину.

Военфельдшер Т.М. Чигарева (Курашова) и Л. Доценко, Северо-Западный фронт, пос. Лебяжье. Фото 1942 г.

Но стрельбы не было. Через полчаса послышался оклик часового и неясный ответ. К палатке штаба подошел узбек (Л. 14) - автоматчик. «Село взято без боя. Когда мы пришли, немцев там не было», - бесстрастно доложил он.

Утром я шел к селу по полю, на котором лег наш батальон, и опознал многих. Вот навзничь лежит лейтенант С. Он был сильно пьян, когда уходил. На прощанье он равнодушно бросил: «Обратно не ждите». У самых домов головою вперед лежит помкомвзвода, мальчишка с 23-го года. За день до своей смерти он подарил мне новенький немецкий парабеллум. Помню, вместо благодарности сказал: «Попаду на тот свет раньше тебя, там местечко приготовлю». (Л. 14 об.)

В селе мы отдохнули несколько часов. Трофеев не оказалось. Местные жители рассказали, что после первой нашей атаки немцы начали вывозить все имущество, и только когда все вывезли, ушли. Рано утром снова вперед. Марш в 8 километров, и перед нами небольшое село Тако-Мукай. За ним - Краснодар.

Краснодар уже был окружен, бегство из него было возможно только на самолетах. Чувствовалось, что немцы будут драться за Тако-Мукай, не щадя живота. Часам к двум жалкие

остатки батальона подобрались к селу почти вплотную. Нас прикрывала от обстрела небольшая гора. Перед атакой подъехала повозка с вином, провизией и обувью. Нам выдали плащ-палатки и ботинки. «Видите, как начальство об нас заботится. (Л. 15) Не хочет нас в рай пускать в старых ботинках», - съязвил лейтенант К. Переобулись, и двенадцать стрелков, три лейтенанта и семь пулеметчиков легли в боевую цепь. И пошли в атаку.

Вел нас старший лейтенант Ш. Спустились в ложину, впереди бугор, которого нам не миновать и который обстреливается прямо в лоб. Посидели, покурили, пошли. Выползли осторожно на бугор. Тотчас же ударили два пулемета, один в лоб из переднего дома, другой, совершенно неожиданно, из ложины нам во фланг. Через пять минут я уже понял, что самое страшное не в пулеметах. По нам били снайперы во время перебежек... (Л. 15 об.), которые, очевидно, были мастерами своего дела. То и дело кувыркались в снег люди, срезанные их пулями. Я, Ш. и К. ползли позади цепи. Вернее, ползли только я и Ш., К. же спокойно шел во весь рост, словно не замечая обстрела. «Ложись, К., доиграешься», - крикнул я. Он повернул ко мне голову, улыбнулся и вдруг, завертевшись на месте, рухнул в снег. Забыв о снайперах, я

кинулся к нему. Пуля попала ему прямо в горло, изо рта фонтаном била кровь, заливая шинель и плащ-палатку. Он умер у меня на руках.

Идти дальше - значило потерять всех людей. Подполз связной из штаба батальона с приказанием отложить наступление до темноты. Залегли поудобней и, не торопясь, начали обстрел (Л. 16) домов. Результатов обстрела мы не видели, но немцы стрельбу прекратили. Или они не могли взять нас на прицел, или у них кончились патроны.

Когда стало смеркаться, к нам подползли еще 20 бойцов с младшим лейтенантом. Это была комендантская рота, брошенная в бой как последний резерв. Младший лейтенант передал нам приказ штаба о наступлении. Отрхиваясь от снега и ежась в промокших шинелях, пошли. Немцы «прохлопали» этот момент и открыли огонь только тогда, когда мы были уже у домов. Кто-то свистнул, кто-то закричал «Ура», кажется, Ш., и мы кинулись бегом. Рота «Мертвой головы» поднялась нам навстречу. Мне казалось, что гребенка выставленных вперед плоских штыков приближается страшно быстро. Сердце отчаянно колотилось, голова не работала. Еще несколько судорожных (Л. 16 об.) прыжков, и против меня неожиданно выросла фигура высокого костлявого немца. Он резко занес для удара штык, но я увернулся, не глядя, выкинул вперед винтовку и с силой выдернул ее. Начался ад штыковой атаки. Вокруг меня слышался лязг и треск винтовок, стоны раненых, визг и храп озверевших людей. Но силы были неравны. Немцы не преследовали нас.

Совершенно очумевшие добрались мы до штаба батальона. Там уже ждали нас обед и вино. К еде люди почти не притронулись, но на вино накинута жадно. Надо было чем-то заглушить, «убить» свои нервы. Рота мрачно обедала. Я сидел в окопе, наспех отрытом и довольно условно защищавшем от обстрела. Только что получили приказ снова атаковать распухлятый Тако-Мукай. Но мне уже было все равно. Я (Л. 7) сознательно пил, постепенно все больше хмелея. Идти в атаку трезвым я не мог. Да и не я один. Ш. деревянным голосом скомандовал подъем. Пол-

зли метров 300. потом поднялись в атаку. В глазах у меня двоилось и кружилась. Казалось, что нам навстречу двигается целый полк людей. На самом деле нашу атаку приняла все та же рота «Мертвой головы». Как мы сошлись, я не помню. Последнее, что удержалось у меня в памяти, это фигура немецкого офицера в шинели с меховым воротником и тяжелой стальной каске. Затем сверкающий удар по шлему не то штыком, не то прикладом, и все.

Очнулся я в палатке санроты. (Л. 17 об.) Голова болела и звенела как котел с дырой. Молоденькая сестра подала мне чашку какой-то бурды. Я проглотил ее, не понюхав. Затем, кряхтя и ругаясь, кое-как вылез из палатки. Где-то недалеко была тяжелая батарея, и снаряды со свистящим визгом пролетали над головой. Врач пытался меня убедить, что нужно еще лежать, но я заявил, что я просто пьян и потребовал свое обмундирование. Тогда принесли мою каску. На правой стороне ее была глубокая вмятина. «Видите, как вас причастили», - сказал мне доктор. «Ерунда», - буркнул я, натягивая штаны. Остаться в санчасти мне определенно не хотелось.

К вечеру я (Л. 18) нашел свой батальон. Он был только что пополнен какими-то интернационально-национальными взводами. Эти ультрагвардейцы готовились к атаке. Один из этих взводов немедленно «влепили» мне. На фронте они были впервые. Я уже чувствовал, что дело кончится весьма бледно. Ш. обрадовался моему приходу, но насчет пополнения он тоже держался своих взглядов. Пошли через пересеченное поле, по которому я уже ходил пять раз, через свист и грохот огня, через взрывы, взлеты земли, через трупы и штыковые атаки. (Л. 18 об.) Встретили нас, как и раньше, рассчитанным прицельным огнем. Я и Ш. шли позади цепи. В одну из перебежек Ш. вдруг завертелся на месте, потом опустился на камни и ткнулся головой в снег. Я и старшина 2-й бросились к нему. Пуля снайпера попала в горло и вышла в рот. Перевязывал его и, не поднимая головы, слушал, как снайпер пытался нас зацепить. Кое-как перевязав, мы потащили его на плащ-палатке. Около 300 м ползли по горло в снегу и крови. На-

конец, сползли в ложину. Ш. хрипел. Потаскивали дальше, уже не сгибаясь. Снайперы азартно стреляли по нам. Метров через 100 наткнулись на наш штаб. Сидят в кустах (Л. 19) и слушают стук немецких пулеметов. На нас даже не посмотрели. Я обрадовался этому обстоятельству. Не останавливаясь, потащил дальше. И тут я вдруг вспомнил, что деревня в шести километрах отсюда. Неужели на плащ-палатке его и тащить? Я уже был без сил, да и товарищ мой спотыкался через каждые два шага. Но ни повозок, ни машин на дороге не было. Я не шел, а полз, отдыхая через 5 минут. Ш. хрипел, пытаясь сказать, что он замерз. Это мы понимали и без него. Вдобавок от непрерывного трения по обледенелой дороге под ним лопнула плащ-палатка. Пришлось отдать свою. (Л. 19 об.)

Тут нам повезло. Неожиданно наткнулись на кухню. Повар с ездовым везли обед на передовую. Ездового немедленно погнали в деревню за подволом. Через полчаса ездовой вернулся на паре лошадей. Взвалили Ш. на передок, сами уцепились за оглобли и поплелись. В полной темноте добрались до Шахар-Мукай. Около часа искали санроту или квартиру. Ни того, ни другого не находилось. Утром еще пустая деревня теперь была битком набита тыловыми обозами, штабами, автоколоннами, арtdивизионами и еще какой-то тыловой шушерой. Наконец нашли квартиру и уложили Ш. Я пошел искать санроту, но это дело оказалось (Л. 20) невысказанным. Пришлось завалиться спать.

На другое утро снова пошел искать проклятую санроту. Вместо нее напоролся на свой батальон. Как он сюда попал? Оказалось, что ночью сняли с передовой всю бригаду. Доложил Н. о создавшейся обстановке. «Некогда, - заявил он, - присоединяйся к нам, а Ш. приберут без тебя». Я с изумлением посмотрел на него. От Н. я никогда не ожидал такого ответа. [...]

Примечания:

¹ Согласно «Основным правилам работы государственных архивов Российской Федерации». - М., 2002.

² Елдаш - разговорное название людей, имеющих азиатское происхождение.

³ Денщик - имеется в виду ординарец.

⁴ Дата встречается впервые.

⁵ Имеется в виду врага.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Сергей Крупанов

БАРЫКОВ И ЕГО ТАНКИ

Человеку, путешествующему по Ярославскому краю, местные гиды обязательно расскажут о Михаиле Ильиче Кошкине, который спроектировал лучший танк Второй мировой войны. Однако и у нас есть не менее

Н.В. Барыков. Фото 1958 г.

выдающийся конструктор, создавший целую серию тяжелых танков, в том числе и самый большой танк в отечественной истории.

Большая часть жизни Николая Всеволодовича Барыкова прошла под грифом “совершенно секретно”, и немного найдется костромичей, которые знали бы имя земляка-танкостроителя.

Барыковы – род старый и многочисленный, их предок Марко Демидов выехал в 1399 году из Литвы на службу к тверскому князю. За пятьсот лет его потомки расселились в Тульских, Тверских, Рязанских, Московских, Владимирских землях. В усадьбу Готовцево Галичского уезда Костромской губернии Барыковы перебрались из Тульского края. Отец Николая Всеволод Иванович учился в Костромской гимназии, а затем в Московском университете. Там он сблизился с народниками и, проучившись всего три семестра, был арестован. Отбыв наказание в виде полутора лет тю-

ремного заключения, Всеволод Иванович был выслан под негласный надзор полиции в свое имение¹. Однако помещичья жизнь его была прервана призывом на военную службу. После армии Барыков устроился на скромную должность оценщика в Саратовскую земскую управу².

Николай Всеволодович Барыков родился 23 сентября 1900 года в Саратове. После его рождения Барыковы вернулись в Готовцево³. Когда Николай достиг гимназического возраста, семья переехала в Кострому на Дебринскую улицу в дом Покровского. 2-я мужская гимназия дала ему не только хорошее образование, но и сформировала круг друзей: зимой вместе катались на лыжах, а летом ходили в походы. В 1914 году компания гимназистов отправилась в путешествие по Волге до Самары на трех лодках. По дороге останавливались в крупных городах и осматривали достопримечательности и исторические памятники. Днем, сменяясь, шли на веслах. По ночам ходом лодки правили при помощи кормового весла, а если дул попутный ветер, ставили парус. В Самаре продали лодки, откупили на пассажирском теплоходе корму и, развлекая песнями пассажиров, возвратились в Кострому⁴. Пройдут годы и те, кто уцелел, пережил репрессии и войну, вновь соберутся вместе

под знаменем “Общества сорокалетней дружбы” и в конце августа 1958 года на теплоходе “Латвия” отправятся по Волге. Путешествие по маршруту Москва–Ростов – Москва было прекрасным и символичным. Они увидели родные места, вспомнили молодые годы. В Горьком теплоход “Латвия” сломался, и они пересели на теплоход “Мусоргский”, на Дону встретили огромный неказистый корабль, похожий на уют, с названием “Кострома”...⁵

В 1916 году гимназисты сплотились в кружок по политическим интересам. Сначала на “литературные диспуты” они собирались у Барыковых, и кружок имел социал-революционный характер. А когда перебрались в дом Языковых, то под влиянием его хозяйина Александра Александровича⁶ кружок стал приобретать социал-демократический характер с большевистским уклоном⁷. От него же узнали о февральских событиях в Петрограде. Всю ночь печатали и расклеивали листовки с информацией об отречении царя. Утром пришли в гимназию с революционно красными глазами и, нагрубив директору, сорвали учебные занятия.

В мемуарах участников тех событий Барыков упоминается редко: “Принес пишущую машинку, расклеил листовки”.

Танк ТГ-1 (танк Гротте). Репродукция.

Гаубица Б-4. Репродукция

В народном доме на Муравьевке Николай прошел военную подготовку: разборку и сборку пулемета и пр. Там же сформировалась рота молодых бойцов, которой поручили охрану важных городских объектов от мародеров. В 1918 году пулеметчик Костромского партизанского отряда Николай Барыков вступил в РСДРП (б). В августе его назначили на должность инструктора агитационного вербовочного отряда губернского военкомата. Вместе с товарищами Глебом Кравковым⁸, Владимиром Лазаревым⁹, Марией Леонтьевой¹⁰ он участвовал в организации частей Красной Армии¹¹.

14 декабря 1918 года в доме Барыковых сыграли две свадьбы. Николай женился на Вере Девичкиной¹², а сестра Надежда¹³ вышла замуж за служащего Костромской чрезвычайной комиссии Сергея Симонова¹⁴.

В январе 1919 года по путевке губкома партии Николая послали в Москву на командные электротехнические курсы. Он учился взрывать мосты и паровозы. По окончании курсов Барыков отправился на Южный фронт в 9-ю кавалерийскую дивизию помощником командира технического эскадрона. Ему подчинялись телеграфно-телефонное отделение, подрывной взвод, мотоциклетный взвод, конное радиотелеграфное отделение, ... сапожная мастерская.

С ноября 1919 по февраль 1920 года Николай служил помощником бригадного инженера Богунской бригады, знаменитой своим командиром Николаем Щорсом¹⁵, к этому времени погибшим в боях. В обязанности Барыкова входили сбор сведений о железнодорожных линиях и мостах,

расчет потребности взрывчатых веществ для их разрушения в случае отхода войск и организация работ по укреплению позиций. В феврале 1920 года Николай командовал 1312-й отдельной саперной ротой, в апреле поступил в распоряжение начальника инженерной службы 12-й армии, а в июне был назначен начальником Инженерной батальона-школы.

С 1921 года Барыков стал слушателем

подготовительного отделения Военно-электротехнической академии рабоче-крестьянской Красной Армии и Флота, а в декабре 1922 года продолжил учебу в только что открытой Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Во время дискуссий в партийной организации академии по внутренним вопросам в ноябре 1923 года Николай Всеволодович проголосовал за "антипартийную троцкистскую резолюцию".

В апреле 1927 года Николай Всеволодович переехал из Москвы в Ленинград, и устроился на Государственный оружейный оптический и сталелитейный завод "Большевик" инженером по испытанию моторов. Еще до его приезда на заводе сложилась группа энтузиастов-танкостроителей, которой был передан проект танка для доработки технической документации и изготовления опытного образца. Во время переезда Барыкова новый танк отправлялся из опытного цеха "Большевика" на заводские испытания. Недостатков у новорожденного оказалось достаточно, и Николаю Всеволодовичу представилась возможность применить полученные в академии знания. Во время доработки проекта на завод прибыл моторостроитель А. Микулин, разработчик двигателя танка. Конструктор добросовестно

изучил весь цикл производства моторов на "Большевике" и удивился, что завод, не имея даже элементарных измерительных приборов, смог сделать такие сложные агрегаты¹⁶. По результатам испытаний Реввоенсовет СССР принял танк под маркой МС-1 ("малый сопровождения") 6 июля 1927 года на вооружение Красной Армии. Доработанный вариант был пущен в производство с ноября 1927 года.

В ноябре 1928 года Барыкова назначили начальником инструментально-го цеха. К 1 мая 1929 года завод "Большевик" изготовил первые 30 танков МС-1 (Т-18), и они приняли участие в параде под неофициальным названием "Наш ответ Чемберлену"¹⁷.

Индустриализация страны планомерно обеспечивала развертывание танкостроения как отрасли машиностроения. На ряде заводов были созданы танковые конструкторские бюро. Авиамоторный отдел завода "Большевик" был преобразован в танковый. Ведущую роль в проектировании новых танков, которую ранее осуществляло московское бюро, с ноября 1929 года взял на себя опытный конструкторский машиностроительный отдел (ОКМО) завода "Большевик" во главе с Николаем Всеволодовичем Барыковым.

Конструкторский отдел Барыкова уделял значительное внимание развитию не только танков, но и других смежных видов вооружения. 16 января 1928 года был закончен проект гаубицы Б-4, а первый опытный образец 203-миллиметровой гаубицы изготовили на заводе "Большевик" в начале 1931 года¹⁸.

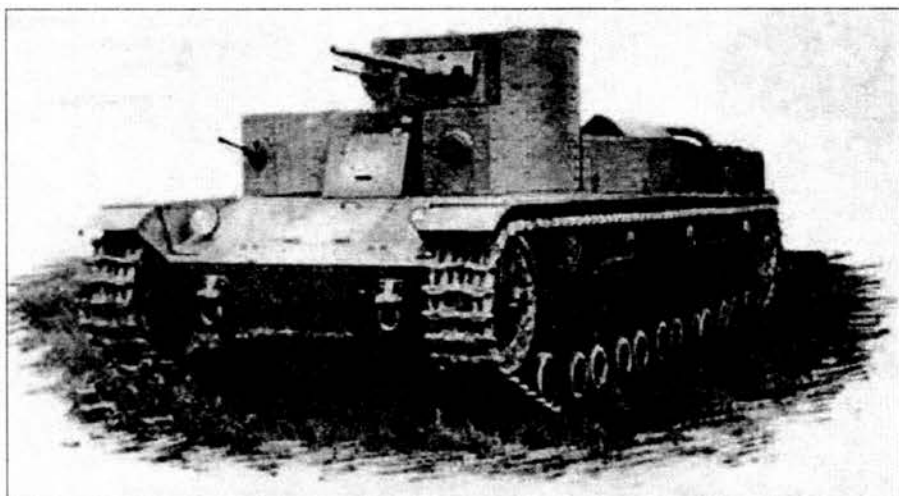
Танк МС-1. Репродукция

Для развития собственной современной бронетанковой техники знаний и опыта отечественных конструкторов не хватало. Поэтому руководство страны обратилось за помощью к зарубежным специалистам. В результате в марте 1930 года в Советский Союз прибыла группа инженеров из Германии во главе с Эдвардом Гротте¹⁹. Контроль за группой осуществлял технический отдел Экономического управления Объединенного государственного политического управления (ЭКУ ОГПУ) и лично Ф.Д. Медведь²⁰. В апреле 1930 года Гротте получил техническое задание на проектирование танка массой 18 – 20 т скоростью 35 – 40 км/ч, толщиной брони 20 мм, с двумя орудиями калибра 76 и 37 мм и пятью пулеметами. Для проектирования и постройки опытной машины на заводе “Большевик” было сформировано конструкторское бюро АВО-5. В это КБ помимо немецких специалистов вошли молодые советские инженеры. За секретной работой непосредственно наблюдали представители РВС и правительства СССР. 17 – 18 ноября 1930 года К.Е. Ворошилов лично посетил завод, о чем доложил И.В. Сталину: “Готовность танка на сегодня составляет 85%. В настоящее время постройка танка задерживается из-за тяжелой болезни самого Э. Гротте”.

Испытания проводились с 27 июня по 1 октября 1931 года. Танк продемонстрировал неплохую проходимость и маневренность. Комиссия отметила множество талантливых технических идей инженера Гротте, ранее не использовавшихся в танкостроении. Однако после постройки и испытаний танка ТГ-1 (Танк Гротте) от дальнейших услуг немецких инженеров отказались. АВО-5 было реорганизовано, его возглавил бывший заместитель Гротте, молодой и энергичный инженер Н. В. Барыков.

В конце октября 1931 года КБ получило задание по проектированию многобашенного танка прорыва с учетом приобретенного опыта²¹. В 1932 году цех танкового производства и ОКМО завода “Большевик” преобразовались в Ленинградский Государственный завод № 174 им. К. Е. Ворошилова. Барыков совместил должности помощника директора по опытным работам и начальника ОКМО завода.

Перед танком Т-35 ставились задачи поддержки продвижения общевойс-

Танк Т-28. Репродукция

ковых соединений во время прорыва укрепленных противника. Сборку первого Т-35-1 закончили 20 августа 1932 года, а 1 сентября танк был показан представителям управления механизации и моторизации рабоче-крестьянской Красной Армии (УММ РККА) во главе с Бокисом²². На присутствующей машине произвела сильное впечатление. В Первомайском параде 1933 года вместе с пятиглавым Т-35 участвовал и трехглавый Т-28²³. За их создание Н. В. Барыкова, С. А. Гинзбурга²⁴, О. М. Иванова наградили орденом Ленина. Их серийное производство осуществлялось на Харьковском паровозостроительном заводе. Знаменитый символ русской боевой мощи Царь-пушку потеснил царь-танк, пятибашенный гигант, неприменный участник военных парадов на Красной площади. Теперь его можно увидеть в музее, на плакате “За освобождение Советской земли” 1943 года и на медали “За отвагу”²⁵.

В 1933 году из состава завода № 174 выделили ОКМО в новый Ленинградский завод опытного машиностроения № 185 им. С. М. Кирова и директором назначили Н.В. Барыкова. На заводе наряду с изготовлением и испытанием новых боевых машин проводились работы в области разработки новых схем узлов ходовой части, создавалось оборудование для подводного вождения танков²⁶.

В 1934 году Николай Всеволодович принял на завод выпускника Ленинградского политехнического института Михаила Кошкина²⁷. Кошкин работал на заводе сначала конструктором, а затем заместителем начальника конструкторского бюро.

В 1935 году арестовали мужа Надежды Барыковой Сергея Абрамовича Симонова. Сергей и Николай были знакомы с гимназическими времен. В 1936 году Николай Всеволодович получил строгий выговор за “гнилой либерализм”, за связь с семьей троцкиста, за то, что взял на воспитание сына своей сестры²⁸. 20 ноября 1937 года тройка УНКВД осудила Симонова за контрреволюционную троцкистскую деятельность, а 13 апреля 1938 года он был расстрелян.

Новой разработкой завода стал танк под индексом А(Т)-32. Его испытания прошли успешно. Комиссию возглавлял нарком обороны К.Е. Ворошилов, который заявил, что именно такая машина нужна Красной Армии, и предложил усилить показатели бронирования Т-32. “Запомните сегодняшний день — день рождения уникального танка”, — сказал Н.В. Барыков коллегам. В 1937 году проектирование и производство танка передали Харьковскому заводу № 183, главным конструктором которого назначили Михаила Ильича Кошкина. Танк — это плод коллективного творчества: один конструктор работает над ходовой частью, другой — над вооружением, третий занят башней или двигателем. Координировать, утрясать, брать ответственность на себя, улавливать перспективные идеи, вести за собой, — это задачи главного конструктора. Кошкин с единомышленниками доработали модель Т-32 по собственной инициативе и в 1940 году “подбросили подкидыша” Сталину²⁹. Вождь одобрил модель, назвав её “ласточкой бронетанковых сил”. Танк вошел в мировую историю с индексом Т-34.

Танк Т-35. Репродукция.

В это время Николай Всеволодович Барыков, имевший опыт в разработке тяжелых танков прорыва, решал другие задачи. Под его руководством завод спроектировал двубашенный танк Т-100. После испытаний последний многоголовый танк отправили на советско-финляндский фронт³⁰.

С самого начала советско-финской войны Красная Армия остро ощущала потребность в специальных машинах. Поэтому в середине декабря 1939 года Военный совет Северо-Западного фронта обязал Барыкова спроектировать и изготовить инженерный танк с противоснарядным бронированием на базе Т-100. Машина предназначалась для выполнения задач по наводке мостов, перевозке саперов и взрывчатки, для эвакуации поврежденных танков с поля боя. Однако в ходе проектирования КБ завода получило от начальника Автобронетанкового уп-

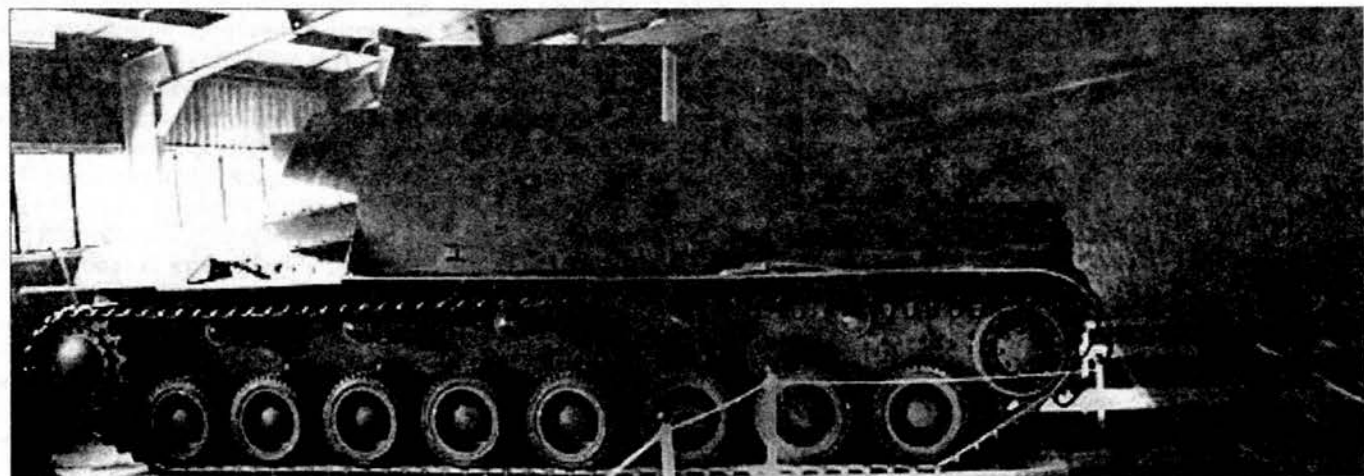
равления РККА Д. Павлова задание на "постановку 152-миллиметровой пушки на базу Т-100" для преодоления дотов и других фортификационных сооружений. 8 января 1940 года чертежи корпуса Т-100-Х (икс) были переданы на Ижорский завод. Новая самоходная установка получила индекс СУ-100У (в некоторых источниках она фигурирует как Т-100-У). Уже 14 марта готовая самоходка совершила свой первый выезд. Но советско-финская война к этому времени уже закончилась, и испытать СУ-100У в боевой обстановке не удалось³¹.

В 1939 году на Ленинградском заводе опытного машиностроения имени С. М. Кирова велось проектирование легкого танка сопровождения пехоты СП. В 1940 году этот танк, под кодовым названием объект 126 или Т-126 СП, был построен³². В апреле того же года КБ завода разработало на базе Т-100

проект тяжелого танка для береговой обороны – объект 103. Однако проект остался только на бумаге.

27 июня 1940 года Комитет обороны при СНК СССР издал постановление об увеличении мощностей танкоремонтных заводов в городах Тернополе, Барановичах, Витебске. Разработку проекта строительства и материально-производственную базу нового предприятия, жилья для рабочих, подъездных путей и т.д. поручили 8-му Государственному проектно-му институту. 31 августа 1940 года Барыкова назначили начальником института³³.

С началом войны в 1941 году Николай Всеволодович перевели в автобронетанковый центр на должность помощника начальника по технической части, а с 17 января 1942 года на такую же должность в научно-исследовательский институт бронетехники. На полигоне НИИ БТ испытывали военную технику, выявляя ее достоинства и недостатки. С февраля 1943 года Барыкова назначили начальником управления ремонта танков в городах Сталинграде и Харькове. 21 января 1944 года Николай Всеволодович "зачислен в счет 1000" и прикомандирован к Министерству транспортного машиностроения³⁴. В "счет 1000" записывали в тех случаях, когда на должность назначали лучшего из 1000 возможных претендентов. Одним из чудес министерства в бытность Барыкова стало создание в рекордный срок десяти тысяч дизелей для Т-34. После победы здесь продолжали работать так, будто война не кончилась. Конструкторы, рабочие, инженеры завода трудились над ус-

Танк СУ-100У. Репродукция.

вершенствованием дизелей, добиваясь их компактности, снижения расходов топлива и масла, уменьшения шума и вибрации. Благодаря их работе были созданы новые образцы, имевшие значительно более высокие технико-тактические характеристики, чем легендарная “тридцатьчетверка”, танки КВ и ИС.

В 1950 году Барыков возглавил завод № 22, а в 1956 году – 22-й полигон, расположенный в местечке Кубинка Одинцовского района Московской области. Научно-испытательный автобронетанковый полигон Управления механизации и моторизации РККА был образован приказом Реввоенсовета СССР от 4 апреля 1931 года. Здесь проходили испытание танки, построенные Барыковым, Кошкиным и другими конструкторами. А теперь Барыков сам проводил испытания танков всех трех весовых категорий. При нем на вооружение были приняты тяжелые танки ИС-4, Т-10, Т-10М, средние танки Т-54, Т-55, Т-62, легкий танк ПТ-76.

Более тридцати лет Николай Всеволодович конструировал, строил и испытывал танки. Он непосредственно участвовал в создании бронемашин МС-1, ТГ-1, Т-28, Т-32, Т-35, Т-46, Т-50 и Т-100. Страна оценила труд выдающегося конструктора, наградив его двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной Войны I степени, орденом Знак Почета и множеством медалей.

В 1965 году генерал-майор инженерно-технических войск Барыков Николай Всеволодович вышел в отставку. Он жил в Москве на проспекте Мира, в доме № 54. В Москве жила и большая часть его друзей гимназических времен. Они по-прежнему дружили, встречались, готовились к празднованию 50-летия Октябрьской революции. Не дожив до юбилея всего шесть недель, Николай Всеволодович Барыков умер 30 августа 1967 года.

К одному из очередных юбилеев Победы костромичи пытались установить на въезде в город танк Т-34, но за недостатком обоснований в просьбе было отказано. Для установки Т-35 поводов и доводов должно хватить.

Танк Т-100. Репродукция.

Примечания:

¹ ГАКО (Государственный архив Костромской области), ф.362 оп.1, д.33, л.1 – 4.

² ГАКО ф.749, оп.1, д.152, л.5.

³ ГАКО ф.749, оп.1, д.102, л.20.

⁴ ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской области) ф.р. 3215, оп.2, д.668, л.2 – 4.

⁵ ГАНИКО ф.р.3215, оп.2, д.400, л.4 – 5.

⁶ Языков Александр Александрович (старший), родился 14.07.1874 г. Окончил Костромское реальное училище. Служил в Костромской губернской земской управе, избирался председателем костромского горсовета. С 1919 – заместитель наркома внешней торговли. В 1920-х – консул в Канаде, затем в Англии. После возвращения из-за границы работал зав. орготделом ВСНХ и в ЦЧУ. Умер в 1937 г.

⁷ ГАНИКО ф.3215, оп.2, д.120, л.1 – 2.

⁸ Кравков Глеб Владимирович, родился в 1897 г., комиссар 2-го Костромского Революционного полка. Бригадный комиссар 1-й конной армии. Учился в академии Генерального штаба и в Петровской с-х академии. Агроном-экономист, член президиума ВАСХНИЛ, директор главного ботанического сада, управляющий делами АН СССР. Был женат на М.Н. Леонтьевой. Воевал в составе 34-й армии, погиб под Старой Руссой в августе 1941 г.

⁹ Лазарев Владимир Николаевич, подполковник, инженер войск связи. Умер в 1964 г. в Москве.

¹⁰ Леонтьева Мария Николаевна, родилась в 1899 г. Окончила Костромскую Григоровскую гимназию и Петровскую с-х академию. Агроном, кандидат сельскохозяйств, замужем за Г. В. Кравковым. Персональный пенсионер, жила в Москве. Умерла в 1978 г.

¹¹ ГАЛ.ИКО, ф.3215, оп.2, д.668, л.19.

¹² Девочкина Вера Григорьевна, родилась в 1899 г. Библиотечный работник, участник ВОВ. Жила в Москве. Умерла в 1965 г.

¹³ Барыкова Надежда Всеволодовна, родилась в 1902 г. Библиотечный работник, муж – Симонов С.А. Жила в Москве, умерла в 1964 г.

¹⁴ Симонов Сергей Абрамович родился в 1897 г. в Костроме, инженер-танкостроитель, жил и работал в Ленинграде. Репрессирован 13.04.1938, реабилитирован 31.07.1989.

¹⁵ Шоре Николай Александрович (1895 – 1919), участник Гражданской войны. В 1918 – 1919 гг. командир Богунской бригады, 1-й Украинской советской и 44-й стрелковой дивизий. Погиб в октябре 1919 г. у станции Белошницы в боях с германскими интервентами.

¹⁶ Шмелев И.П. История танка 1916 – 1996. – М., 1999 – С.25.

¹⁷ Энциклопедия танков. Под ред. Халяевского Г.Л. – Минск, 1998. – С.59.

¹⁸ Широкопад Н.Н. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. – С.32.

¹⁹ Коломиец М.В. Танк Гротте // Моделлист Конструктор, № 1, 1995. – С.18.

²⁰ Медведь Филипп Демьянович, родился в 1889 г. Один из руководителей органов государственной безопасности и организаторов «красного террора». В 1905 – 1917 гг. работал техником-строителем в магистрате Варшавы. С мая 1918 член Контрольной коллегии ВЧК, а с сентября председатель Тульской губернской ЧК. С 05.05.1919 председатель Петроградской ЧК, руководил подавлением восстания в Кроштадте. 01.12.1934 отстранен от должности и вызван в Москву, а через некоторое время арестован. Расстрелян 27.11.1937, реабилитирован в 1957 году.

²¹ Коломиец М.В. Сухопутный крейсер // Танкомастер, 1997, № 2. – С.28.

²² Бокис Густав Густавович, родился в 1896 г. Член партии с 1913 г. В 1924 г. окончил Военную академию РККА. В 1929 – 1936 гг. служил в войсках РККА. В 1936 – 1937 гг. – начальник Главного управления механизации и моторизации РККА. В ноябре 1937 г. откомандирован для работы в ВСНХ, затем начальник Автобронетанкового управления РККА. Арестован 05.06.1937, 19.03.1939 расстрелян, реабилитирован 29.02.1956 г.

²³ Барятинский М., Павлов М. Средний танк Т-28. – М., 1993. – С.7.

²⁴ Гинзбург С. А. – главный проектировщик и создатель большинства модификаций советских танков. В разные годы главный конструктор и начальник КБ ОКМО завода № 185, начальник КБ №3 Всесоюзного оружейно-арсенального объединения (ВОАО), начальник 2-го отдела НКТП.

²⁵ Коломиец М.В. Тяжелый танк Т-35 // Бронколлекция, 1995, № 2. – С.4.

²⁶ Ибрагимов Д.С. Противоборство. – М., 1989. – С.45.

²⁷ Кошкин Михаил Ильич, родился 03.12.1898 в д. Брыначи Переславского уезда Владимирской губернии. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова и Ленинградский политехнический институт. Главный конструктор Харьковского танкового завода. Один из создателей легендарного танка Т-34. Умер в 1940 г.

²⁸ ГАНИКО ф.р.3215, оп.2, д.400, л.13.

²⁹ Барсуков Д. Средний танк Т-34. – М. 2002 – С.12.

³⁰ Павлов М.В. Танк прорыва Т-100 // Танкомастер, 1998, №1. – С.10.

³¹ Павлов И.В., Павлов М.В. Советские танки и САУ 1939 – 1945. – Москва, 1996. – С.33.

³² Барятинский М. Легкий танк Т-50 // Моделлист-конструктор, 2000, № 5. – С.15.

³³ ГАНИКО ф.р.3215, оп.2, д.400, л.22.

³⁴ ГАНИКО ф.р.3215, оп.2, д.400, л.11.

СЕВЕРНЫЕ КОНВОИ 1941 – 1945

22 июня 1941 г., сразу после выступления Молотова, британское правительство предложило Советскому Союзу “содействие во всем, в чем оно может помочь в борьбе против Германии”. Вечером 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль сделал по радио официальное заявление о поддержке борьбы Советского Союза¹. Спустя четыре дня для решения конкретных вопросов помощи в Москву прибыли британская военная и экономическая миссии.

Реакция США на вторжение Германии в СССР была не столь определенной, как в Англии. Ведь еще задолго до июня 1941 года американское общество разделилось на “изоляционистов” и “интервенционалистов”. Последние были в большинстве, к ним примыкали высшие военные круги. Однако они были уверены, что Германия скоро одержит победу на востоке, и предложили поддерживать, в первую очередь, Англию, а через нее Россию. После некоторых колебаний 26 июня правительство США заявило о том, что “отпор агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован борьбой за честь и свободу СССР, но и соответствует историческим интересам США. Поэтому правительство США заверяет советское правительство, что оно готово оказать всю посильную поддержку в этой борьбе”².

Решение вопроса о поставках в СССР было продолжено во время Атлантической конференции в августе 1941 года. После подписания Атлантической хартии У. Черчилль и Ф. Рузвельт заявили о своей готовности снабдить СССР “максимальным количеством тех материалов, в которых он нуждается”. Было решено провести в Москве конференцию и решить вопрос о распределении общих ресурсов³.

Конференция начала свою работу 29 сентября. Уже на следующий день руководители всех шести комиссий, организованных по вопросам поставок, представили согласованные материалы. Ни одна из категорий поставок, запрашиваемых СССР, не встретила отказа.

1 октября А. Гарриман, У. Бивербрук и В. Молотов подписали первый (Московский) протокол о снабжении Советского Союза до конца июня 1942 года. А 28 октября Конгресс США одобрил билль “О распространении ленд-лиза на Советский Союз”.

Одной из основных проблем в организации помощи СССР была проблема доставки. Имелось три маршрута: дальневосточный, южный и северный.

Северный маршрут являлся самым коротким и удобным: через Англию и Исландию на север России. Удобство незамерзающего порта и связанного с железной дорогой Мурманска было бесспорно. Наибольшим препятствием была немецкая авиация, базировавшаяся в десяти минутах полета.

Более безопасными были порты Белого моря: Архангельск и Молотовск. Как и Мурманск, они имели выход к железной дороге, но, в отличие от него, зимой они могли работать лишь с помощью ледоколов. Ограниченной была и пропускная возможность Архангельского железнодорожного узла. Но эти трудности советское руководство обещало устранить в ближайшие сроки и выполнило обещания к началу навигации 1942 года.

Для непосредственного решения проблем обеспечения караванов и организации взаимодействия ВМС союзников в СССР были направлены военно-морские миссии. В Москве работала группа контр-адмирала Д.А. Майлса. В ходе консультаций между британским Адмиралтейством

и Наркоматом ВМФ СССР было принято разграничение операционных зон, решен вопрос о размещении британских кораблей на базах советского флота, общих опознавательных сигналах⁴.

Военно-морские миссии союзников разворачивались на базах Северного флота в Полярном и Архангельске. Старшим британским морским офицером на севере России был назначен контр-адмирал Р. Беван. В Архангельске миссию возглавлял кэптэн Монд.

Главой американской миссии на севере был кэптэн С. Френкел⁵. Численность миссии продолжала расти, и к ноябрю 1942 года состояла из 171-го сотрудника, из них 105 человек – в Полярном, 24 – в Мурманске, 41 – в Ваенге⁶. Для работы с ними при штабе Северного флота был создан отдел офицеров связи, во главе которого стоял капитан 2-го ранга Н. Ригерман.

Конвой является базовым принципом британской военно-морской стратегии, начиная с XV века. Он обеспечивает доставку максимально возможного количества материалов с нанесением противнику серьезных потерь путем концентрации сил в охране конвоев⁷.

При организации конвоев в СССР британское Адмиралтейство опиралось на богатый опыт проводки конвоев в Атлантике в 1939 – 1941 гг. Был выработан определенный ордер (строй караванов). Суда строились короткими колоннами по фронту, это затрудняло выход подводных лодок на дистанцию торпедного удара. При этом конвой шел “на противолодочном зигзаге”, по команде резко меняя курс и скорость.

Для управления массой судов назначался коммодор конвоя с небольшим штабом. На соседнем судне шел

вице-коммодор, готовый в случае гибели коммодора взять на себя руководство караваном. Коммодор обеспечивал взаимодействие с командиром эскорта. Помимо непосредственного эскорта конвой имел отряд оперативного прикрытия, состоящий из крейсеров и эсминцев. Дальнее прикрытие обеспечивала эскадра из линейных кораблей и авианосцев.

Перед выходом коммодор собирал капитанов на совещание. Он сообщал состав конвоя, порт назначения, курс и скорость следования⁸. После этого командир эскорта вручал капитанам специальные инструкции. Они включали в себя рекомендации на случай отставания от конвоя (если это произошло до середины пути – возвращаются в Исландию, если дальше – самостоятельно идут в ближайший советский порт)⁹. Отдельно требовалось не открывать огонь по своим самолетам, и главное – “ни один корабль не должен затонуть, пока есть малейшая надежда на его спасение”¹⁰.

Советский Северный флот в своей операционной зоне проводил операцию по обеспечению каравана – усиливая эскорт к востоку от острова Медвежий, обеспечивал прикрытие конвоя истребителями и наносил удары по немецким аэродромам¹¹.

Непосредственное участие в сопровождении союзных караванов принимал наш земляк, уроженец д. Высокая Ветлужского уезда (ныне Пышугский район) Виталий Алексеевич Фокин. Сын крестьянина, в 1927 году по комсомольскому набору поступил в ВВМУ им. Фрунзе. К началу Великой Отечественной войны он командовал дивизионом, а затем бригадой эскадренных миноносцев Северного флота. Именно его корабли как наиболее мощные и приспособленные к эскортной службе сопровождали союзные транспорты. Часто он являлся старшим советским офицером эскорта, отвечавшим за безопасность транспортов в советской зоне охранения. В 1944 г. он был назначен командиром эскадры Северного флота, в которую были включены наиболее крупные корабли, в том числе полученные от союзников линкор “Архангельск” и

крейсер “Мурманск”. Основной задачей соединения являлась охрана союзных коммуникаций и караванов.

Связь между советскими и союзными флотами осуществлялась по английским сводам сигналов, а если отсутствовали переводчики, то по международному своду¹².

За день до прихода конвоя проводился поиск подводных лодок противника и контрольное траление фарватера¹³.

За сутки до прибытия конвоя в готовность приводились аварийно-спасательная и лоцманская службы Северного флота. Создавался план обеспечения топливом и другими видами обеспечения. Мурманский и Архангельский порты готовились к приему грузов¹⁴.

12 августа 1941 г. из Ливерпуля вышли 6 английских и 1 голландский транспорт. Они совершили переход в Хваль-Фьорд, откуда 21 августа в рамках операции “Дервиш” конвой отбыл к берегам СССР. Впоследствии он получил литеру PQ-0. 31 августа первый конвой прибыл в Архангельск¹⁵.

Название серии конвоев PQ происходит от инициалов офицера отдела планирования английского Адмиралтейства Питера Квилена Робертса, отвечавшего за конвои в СССР. 11 октября конвой благополучно прибыл в Мурманск. Когда PQ-1 покидал берега Исландии, навстречу ему отправился обратный конвой QP-1, в котором вместе с кораблями “Дервиша” совершили переход 8 советских транспортов. Северный маршрут заработал. В течение 1941 г. в СССР пришли 7 конвоев в составе 51 судна. На запад ушли 4 конвоя в составе 47 судов. Прикрытие конвоев осуществляли корабли Британского флота, в советской зоне их усиливали корабли Северного флота.

Потерь эти конвои не имели, так как немцы практически не проявляли к ним интереса, лишь при проводке конвоя PQ-6 была предпринята безуспешная атака авиации¹⁶.

Первую потерю понес конвой PQ-7 — в результате атаки подводной лодки U-131 погиб транспорт “Вазизистан”¹⁷.

Но вскоре обстановка резко ухудшилась. Арктические коммуникации стали ареной ожесточенной борьбы. На Север обратили внимание в Ставке фюрера. Гитлер заявил: “Всякий корабль, действующий не у берегов Норвегии, воюет не там, где нужно”¹⁸.

16 января 1942 г. в Тронхейм прибыл линкор “Тирпиц” — “король океана, воплощение духа Германской нации”. В феврале – марте 1942 г. в Норвегию передислоцировались “карманные линкоры” “Адмирал Шеер” и “Лютцов”. Тяжелый крейсер “Адмирал Хиппер”, крейсер “Кёльн”, двадцать подводных лодок, восьмая флотилия эскадренных миноносцев. Численность 5-го воздушного флота была увеличена до четырехсот самолетов¹⁹.

Усиление немецкого флота почувствовалось в начале 1942-го года – погиб первый корабль эскорта – эскадренный миноносец “Матабеле” из конвоя PQ – 8.

Сопrotивление немцев усиливалось с каждым днем, против конвоя PQ – 12 был использован линкор “Тирпиц”, и только из-за неточности немецкой авиаразведки конвой избежал встречи с немецкой ударной группой. Активизировали свои действия немецкие подводные лодки и авиация.

Участок маршрута от острова Медвежий до Мурманска союзные моряки называли “огненным коридором”. Пик борьбы на коммуникациях наступил в мае – июле 1942 года. 26 апреля в СССР отправился конвой PQ – 15 в составе 26 транспортов и 16 кораблей эскорта. Впервые в состав охранения вошли корабли флота США. В этот раз немецкое командование решило использовать против конвоя только подводные лодки и авиацию. Это связано с тем, что в составе 5-го воздушного флота Люфтваффе появились торпедоносцы. 30 апреля конвой был обнаружен. 1 мая корабли отметили фейерверком зенитного огня. Всего из 26 транспортов погибло 3²⁰.

Затем внимание немцев переключилось на конвой QP-11. 30 апреля атаккой подводной лодки U – 456 был поврежден основной корабль эскорта – крейсер “Эдинбург”. Пришедшие на

помощь советские эсминцы “Гремящий”, “Сокрушительный” и английский эсминец “Форестер” прикрыли крейсер, который медленно стал отходить в Кольский залив. 1 мая конвоем атаковала ударная группа “Арктика” в составе трех фашистских эсминцев, но английский эскорт в течение четырех часов боя не дал им прорваться к каравану. Отличился эсминец “Амазон”, получив тяжелые повреждения, он не вышел из боя. Оставив конвоем, группа “Арктика” по-

ского золота, предназначавшегося для оплаты поставок. Этим объясняется упорство атак на “Эдинбург” — немецкая разведка, видимо, узнала о грузе крейсера...

Вечером 13 мая флот Ее величества понес еще одну потерю — погиб крейсер “Тринидад” из эскорта конвоя QR — 13²².

Еще более тяжелыми были условия перехода конвоя PQ — 16, вышедшего из Исландии 21 мая. В его составе шло 35 транспортов. Эскорт состоял

Салют Победы, Берлин. Фото 1945 г.

шла на перехват “Эдинбурга”²¹. Утром 2 мая она вышла к крейсеру. Скоростные и хорошо вооруженные немецкие корабли, несмотря на отчаянные попытки охранения задержать их, нанесли удар по крейсеру. В этом бою был уничтожен немецкий флагман “Г. Шеман” в 9-30 он затонул, а в 9-50, “демонстрируя чистокровную породу, грациозно, в течение трех минут ушел на дно “Эдинбург””. Вместе с одним из лучших кораблей Англии погибло 5,5 тонны совет-

ского теплохода “Старый большевик”. После попадания бомбы на теплоходе, груженном взрывчаткой, начался пожар. Отказавшись перейти на английский корабль эскорта, моряки сумели потушить пожар, теплоход догнал конвоем и занял свое место в строю.

О напряженности боя говорит радиодиаграмма командира эскорта: “В течение последних тридцати часов конвоем подвергся тяжелым и непрерыв-

ным атакам подводных лодок и авиации. Погибло шесть транспортов, поврежден польский эсминец “Гарланд”²⁴. 28 мая на помощь конвоем подошли советские корабли. Как отмечает британский историк С. Роскилл, “с подходом трех советских эсминцев дышать стало легче, конвоем потерь больше не понес”²⁵. 30 мая конвоем вошел в зону действия советской авиации, надежно его прикрывшей. Но Северный флот понес тяжелую утрату. В бою над конвоем погиб дважды Герой Советского Союза Б.Ф. Сафонов, один из первых советских асов.

Среди караванов PQ есть один, которому не суждено было выйти в море под литерой возврата QR. Речь идет о печально известном караване PQ — 17.

Согласно донесению офицера связи старшего лейтенанта Коноплина, конвоем PQ — 17 вышел в море в 17-00 27 июня 1942 года²⁶. В его составе находилось 36 транспортов, они шли под охраной 24 кораблей охранения. Коммодор конвоя кэптэн Даудинг, командир эскорта командэр Брум²⁷.

Тем временем немецкое командование разработало операцию “Рессельшпрунг”. Главную роль должен был сыграть линкор “Тирпиц” — сковать боем силы эскорта. Крейсерам поручалось уничтожить караван, остатки которого должны были добить подводные лодки и авиация²⁸.

1 июля 1942 года конвоем был обнаружен немецкой подводной лодкой. Через день над конвоем повис “Кондор” — дальний разведчик “FW — 200”. Он осуществлял постоянное слежение за караваном²⁹.

К 1 июля немцы начали развертывать по курсу конвоя свои подводные лодки. Радиоразведка Северного флота обнаружила десять из них³⁰. 1 июля по конвоем был нанесен первый удар авиации. В тот же день английская разведка не обнаружила линкор “Тирпиц” на стоянке в Тронхейме³¹. 3 июля в 12-20 немецкая эскадра была обнаружена в районе острова Анди. 4 июля конвоем дважды атаковали торпедоносцы. В итоге потоплено два транспорта³².

В это время в британском Адмиралтействе первый лорд Д. Паунд собрал совещание. На основании имеющихся данных было решено, что 5 июля в 2-00 “Тирпиц” выйдет к конвоем. Эта

ошибка в расчетах на целые сутки стала роковой для конвоя PQ – 17. Когда принималось это решение, конвой отразил атаку авиации. Как следует из доклада коммодора, “конвой находился в хорошем порядке, в строю 33 корабля”³³.

4 июля в 21-11 на крейсере “Лондон” командир отряда оперативного прикрытия адмирал Гамильтон получил приказ: каравану рассредоточиться. В 22-15 судам каравана было объявлено: “Из-за угрозы надводных кораблей противника конвою рассредоточиться и следовать в русские порты самостоятельно”³⁴.

В 23-00 конвой перестал существовать, крейсера и эсминцы на высокой скорости отошли на юго-запад. Можно представить, какие чувства испытывали наблюдавшие их отход моряки транспортных судов.

Линейный корабль “Тирпиц” действительно шел в район нахождения конвоя, но 4 июля 1942 года в 17-20 его обнаружила советская подводная лодка К-21 под командованием Н.А. Лунина³⁵. Дальнейшие события можно проследить по отчету Н.А. Лунина в штаб Северного флота:

“17-23 опознал линейный корабль “Тирпиц”. Начал сближение для атаки.

В 18-01 произвел залп из четырех торпед. Через 2 мин. 15 сек. доложили о взрыве двух торпед. Ожидаемого преследования и бомбежки не последовало.

В 19-01 всплыл для донесения об атаке и сообщил курс отхода немецкой эскадры”³⁶.

Именно на этом, не ведущем к конвою курсе в 23-00 немецкую эскадру обнаружила английская подводная лодка Р-54³⁷.

Подводная лодка К-21, торпедировавшая лучший линкор Германии, входила в состав бригады подводных лодок, которой также командовал наш земляк Николай Иванович Виноградов (1905 – 1979), родившийся в д. Суриха Ветлужского уезда (ныне Шарьинский район).

Вернемся к отчету офицера связи лейтенанта Коноплина: “Следует отметить, что время для рассредоточения конвоя было выбрано неудачно. Погода с каждым часом улучшалась, видимость была хорошая, и, есте-

ственно, одиночные транспорты могли быть подвержены жестоким атакам авиации и подводных лодок противника”³⁸.

При транспортах должны были остаться корабли непосредственного эскорта, и кодекс военно-морской чести обязывал их драться до тех пор, пока палуба не уйдет из-под ног. Но обратимся к документам: “Оставшиеся корабли эскорта, не желая подвергать себя опасности и разделить судьбу обреченных транспортов, поспешили оторваться от них, используя свое преимущество в скорости”³⁹.

Советское командование ничего не знало о судьбе конвоя, пока 5 июля в 22-00 не было получено сообщение от контр-адмирала Р. Бэвана. Сразу же началась операция по поиску и спасению кораблей конвоя. Немцы в океане устроили охоту на беззащитные транспорты. Число подводных лодок противника в районе конвоя за сутки выросло до 15 единиц⁴⁰. Их действия поддерживала авиация. 6 июля советскими радиостанциями были приняты сигналы бедствия с тринадцати судов конвоя.

Общие итоги операции: из 37 судов прибыло в Архангельск 11, 23 – погибло. Это стало крупнейшим поражением союзников на Арктическом театре военных действий.

Сразу после прекращения операции по поиску и спасению уцелевших судов штаб Северного флота подготовил свои выводы об операции по проводке конвоя PQ – 17: приказ конвою PQ – 17 рассредоточиться был преждевременным, ошибка в расчетах времени выхода линкора “Тирпиц” к конвою составляет примерно 20 часов. Именно приказ рассредоточиться облегчил противнику задачу уничтожения транспортов поодиночке, что привело к большим потерям⁴¹.

Понятно, что подобное решение Д. Паунд не мог принять самостоятельно. Он должен был получить одобрение У. Черчилля. Ясно одно. Конвой был обречен, и его гибель была в любом случае выгодна британскому руководству. Конвой PQ-17 служил “приманкой” для линкора “Тирпиц”: в случае выхода линкора “Тирпиц” к конвою и уничтожение последнего,

английское Адмиралтейство заявляло о невозможности использования северного маршрута. Если же при разгроме конвоя “Тирпиц” удавалось отвлечь в океан, то там его должна перехватить и уничтожить мощная англо-американская эскадра.

В любом случае Английский флот получал возможность использовать на других театрах корабли, занятые на охранении конвоев в СССР⁴².

Тем более что летом 1942 года возросло напряжение в “битве за Атлантику”, крайне тяжелая обстановка сложилась и в Средиземном море. Положение Мальты было критическим. В этих условиях Английский флот испытывал острую нехватку сил, а “русские конвой” были просто “камнем на шее”⁴³.

Нужно учитывать и страх британского Адмиралтейства перед линкором “Тирпиц”. Однотипный ему линкор “Бисмарк” в мае 1941 года легко уничтожил один из лучших английских линкоров “Худ” и повредил второй, “Принц оф Уэльс”. На его перехват был отправлен почти весь Британский флот, причем лишь случайность не позволила немецкому кораблю уйти от преследования⁴⁴.

По мнению Д. Вудворда, “Катастрофа с конвоем была для союзников мелким эпизодом. Британские тяжелые корабли следовало сохранить для контроля над атлантическими коммуникациями”⁴⁵.

Германское командование умело разыграло комбинацию и использовало в решающий момент “фактор Тирпица”. Решающее сражение в арктических морях, которое ждали и к которому готовились, окончилось не в пользу союзников.

После разгрома конвоя PQ-17 глава британской военно-морской миссии Р. Беван сообщил, что выход следующего конвоя PQ-18 отложен на несколько недель. На вопрос вице-адмирала А.Г. Головки о причинах подобного решения он ответил, что, “вероятно, Адмиралтейство ожидает полярной ночи, но возможны и другие причины”⁴⁶.

После этого И.В. Сталин написал крайне резкое письмо У. Черчиллю и потребовал отправить конвой. Это подействовало⁴⁷.

7 сентября 1942 года конвой PQ-18 вышел в океан. Это был самый крупный конвой с начала войны. Он состоял из 40 транспортов. Опыт предыдущих караванов вызвал изменения в организации охранения. Кроме непосредственного эскорта, конвою был придан авианосец и отдельное соединение эсминцев контр-адмирала Р. Бернетта. Дальнее прикрытие осуществлял флот Метрополии. Общее число кораблей охранения достигло 77. Ни один конвой не имел настолько мощного эскорта.

Немецкое командование обрушило на конвой массированные атаки авиации и подводных лодок. До подхода к советской зоне было потеряно 6 транспортов. С подходом советских кораблей — только 1. Самым тяжелым испытанием для эскорта стал бой у мыса Канин Нос. Конвой был атакован 40 самолетами. В ходе этого боя после каждой отбитой атаки командир эскорта выражал восхищение действиями советских кораблей⁴⁸. Проводка конвоя PQ-18 стала крупным успехом союзников. Она полностью подтвердила выводы советского командования⁴⁹.

После конвоя PQ-18 движение конвоев было прекращено на 3 месяца. Для обеспечения срочных поставок и для возвращения транспортов из портов СССР была разработана операция FB. Так называемые “капельные рейсы”. Она заключалась в переходе одиночных транспортов без охранения. Опыт этих рейсов доказал преимущество системы конвоев — из 13 судов, отправленных в СССР, дошло только 5⁵⁰.

17 сентября вышел в море конвой QP-15. Он без потерь прибыл в Англию. Этот конвой стал последним в серии конвоев PQ. Последующие конвои в СССР обозначались JW, а конвои на запад — RA.

15 декабря 1942 года первенец новой серии, конвой JW-51A отправился в СССР. Через неделю без потерь, незамеченный противником, он прибыл в Мурманск⁵¹. Вслед за ним 22 декабря вышел конвой JW-51B. Этот конвой был обнаружен немецкой разведкой. Для его уничтожения решено было использовать тяжелый крейсер “Адмирал Хиппер” и “карманный” линкор “Лютцов”⁵².

В результате произошло столкновение, позднее названное “Новогодним боем”. Несмотря на превосходство в силах, немецкой эскадре не удалось прорваться к каравану. Отлично показал себя английский эскорт. Принимая удар на себя, англичане потеряли 2 эсминца. Погиб командир эскорта кэптэн Э. Шербрук. Но англичане сумели продержаться до подхода крейсерской эскадры Р. Бернетта. При появлении английских крейсеров немецкий отряд вышел из боя. Во время его преследования английские крейсера отомстили за погибших товарищей: они уничтожили эсминец “Этхольт” и повредили крейсер “Хиппер”⁵³.

Конвой благополучно прибыл в порты СССР. Этот бой показал, что состояние “неустойчивого равновесия” в Арктике прошло. Инициатива перешла в руки союзников. Вслед за JW-51 прибыли конвои JW-52 и JW-53. Они потеряли всего лишь один транспорт. Это ничто в сравнении с конвоями 1942 года.

Все складывалось удачно, но Адмиралтейство вновь прекратило формирование конвоев. Наступил решающий этап “битвы за Атлантику”. А летом 1943 года корабли Британского флота обеспечивали высадку в Северной Африке.

Перерыв в движении конвоев составил 7 месяцев. За это время англичане вывели из строя линкор “Тирпиц” — главную угрозу конвоям. В результате диверсии 22 сентября 1943 года линкор был поврежден. Повреждения, которые он получил, невозможно было устранить на базах Норвегии⁵⁴.

К осени 1943 года вновь сложились предпосылки для движения конвоев:

1. На конференции в Тегеране были урегулированы спорные вопросы во взаимоотношениях с союзниками.
2. В Арктике приближался период полярных ночей.
3. 5-й воздушный флот Германии лишился значительной части своих самолетов, которые были переброшены на другие фронты.
4. Линкор “Тирпиц” был выведен из строя.

В этих условиях британское Адмиралтейство возобновило проводку конвоев в СССР. 2 ноября 1943 года

вышел конвой JW-54A, 9 ноября — JW-54B. Оба конвоя без потерь прибыли в Мурманск. 26 ноября в Англию вышел конвой RA-54. Число кораблей охранения в этом конвое превышало число транспортов в 2 раза. Не стоит удивляться, в состав конвоя входил крейсер “Кент”, на борту которого находилось 54 тонны советского золота для оплаты поставок. Печальный опыт “Эдинбурга” был учтен⁵⁵.

Со следующим конвоем JW-55A в СССР прибыла эскадра флота Метрополии во главе с адмиралом Б. Фрейзером. И хотя конвой не имел столкновений с противником, чувствовалось, что обстановка в Арктике явно накалилась. 20 декабря 1943 года в море вышел “конвой-приманка” JW-55B. 25 декабря на его перехват немцы выслали линкор “Шарнхорст”. Ловушка захлопнулась. Крейсера отряда Р. Бернетта прикрыли конвой, а подоспевшая эскадра адмирала Б. Фрейзера уничтожила последний боеспособный линкор флота Германии⁵⁶.

После гибели “Шарнхорста” главной угрозой для конвоев стали подводки. Немецкий подводный флот получил новейшие самонаводящиеся торпеды типа Т-5. Тактика “волчьих стай” — группового действия лодок против конвоев, которая успешно применялась в Атлантике, была перенесена в Арктику. Поэтому, несмотря на общее улучшение обстановки, по-прежнему проводка конвоев была сложным и опасным делом. Смена обстоятельств отразилась на организации конвоев. В состав охранения стали включать авианосцы и крейсера ПВО. Для усиления эскорта выделялись специальные корабельные поисково-ударные противолодочные группы. Вырос и окреп советский Северный флот. Все это позволило обеспечить конвоям JW-56 — JW-67 надежный и мощный эскорт.

Но немцы не собирались сдаваться. Они резко увеличили число своих подводных лодок в Арктике. Только за первое полугодие 1944 года они провели 7 противоконвойных операций⁵⁷. К началу 1945 года на базах Норвегии насчитывалось до 100 немецких суб-

марин⁵⁸. К маю 1945 года их численность увеличилась до 220 единиц⁵⁹. Это позволило немецкому командованию развертывать для действий против конвоев до 70 лодок одновременно⁶⁰. Подводная опасность вплоть до капитуляции Германии оставалась главной на Арктическом театре военных действий. В связи с этим основной задачей Северного флота в 1944 – 1945 годах была противолодочная борьба и обеспечение союзных конвоев⁶¹.

ставок всех грузов, то в части вооружения его значение вырастает до 36%⁶³.

Северный маршрут являлся самым опасным. Потери на маршруте составили 5,7% по сравнению с 0,33% в Атлантике⁶⁴. Безусловно, справедливыми являются слова посла СССР в Англии И. Я. Майского: “Русские конвои являются новой северной сагой героизма, отваги и выносливости. Эта сага будет жить в сердцах английских и

Отделение связи, Кенигсберг. Фото 1945 г.

Арктический театр военных действий стал центром военно-морского сотрудничества Антигитлеровской коалиции. Основной задачей союзных флотов было обеспечение поставок по ленд-лизу в СССР.

В связи с этим ведущей формой совместных операций стали конвойные операции. За годы войны по северному маршруту в СССР прибыл 41 конвой в составе 738 транспортов. В их охране участвовали 573 корабля союзников, а в зоне Северного флота для обеспечения конвоев было сделано 548 боевых выходов советских кораблей. На запад в составе 36 конвоев ушло 726 транспортов. Северным маршрутом в СССР было доставлено 4,2 млн. тонн грузов⁶².

Причем по северному маршруту доставлялись самые ценные и срочные грузы, например, оружие. И хотя через север России прошло 23% по-

советских людей, которым посчастливилось увидеть один из наиболее потрясающих примеров сотрудничества союзных держав⁶⁵.

Примечания:

¹ Советско-английские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1 (1941-1943). – М., 1983. – С. 45 – 46.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1 (1941-1943). – М., 1984. – С. 45.

³ Советско-английские отношения... – С. 129-130.

⁴ Пузырев В.П. Боевое содружество на Севере // Северные конвои. Исследования, воспоминания. Документы. – М., 1994. – С. 6.

⁵ Пузырев В.П. Указ. соч. – С. 5.

⁶ Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА) ф. 767, оп. 2, д. 176, л. 76.

⁷ Браун Д. Северная Россия и Британский военно-морской флот // Северные конвои... С. 17.

⁸ Блон Ж. Война в океанах. 1941-1945. – М., 2000. – С. 27.

⁹ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 180, л. 310.

¹⁰ Там же. Д. 96, л. 342.

¹¹ Там же. Д. 16, л. 5, 56.

¹² Там же. Д. 96, л. 5.

¹³ Там же. Д. 55, л. 44.

¹⁴ Там же. Д. 94, л. 13, 14.

¹⁵ Супрун М.Н. Ленд-лиз и Северные конвои. 1941-1945 гг. – М., 1997. – С. 39.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ Портен фон дер Э. Германский флот во Второй мировой войне. – Екатеринбург, 1997. – С. 207.

¹⁹ Супрун М.Н. Указ. соч. – С. 80.

²⁰ Боевая летопись ВМФ. – М., 1992. – С. 89.

²¹ Кенни. Д. Спасение в штормовом море // Северные конвои... – С. 124.

²² Боевая летопись ВМФ... – С. 95.

²³ Супрун М.Н. Указ. соч. – С. 104.

²⁴ ЦВМА. ф. 767, оп. 2, д. 180, л. 12.

²⁵ С. Роскилл. С. Флот и война. Т. 2. – М., 1971. – С. 123-132.

²⁶ ЦВМА. ф. 767, оп. 2, д. 19, л. 59.

²⁷ Там же. Д. 19, л. 2.

²⁸ Портен фон дер Э. Указ. соч. – С. 201.

²⁹ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 19, л. 59.

³⁰ Там же. Д. 19, л. 7.

³¹ Там же. Л. 9.

³² Боевая летопись ВМФ... – С. 100.

³³ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 19, л. 78.

³⁴ Там же. Д. 19, л. 19.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ Там же. Л. 42-46.

³⁷ Там же. Л. 14.

³⁸ Там же. Л. 63.

³⁹ Там же. Л. 20.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Л. 50.

⁴² Блон Ж. Указ. соч. – С. 99.

⁴³ Вудворд Д. Битва за Северную Атлантику. – М., 2000. – С. 360.

⁴⁴ Тулейя Т. Сумерки морских богов. – М., 2000. – С. 168.

⁴⁵ Вудворд Д. Указ. соч. – С. 360.

⁴⁶ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 176, л. 13.

⁴⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. – М., 1957. – С. 54.

⁴⁸ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 17, л. 44.

⁴⁹ Головка А.Г. Вместе с флотом. – М., 1984. – С. 141-142.

⁵⁰ Супрун М.Н. Указ. соч. – С. 174-176.

⁵¹ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 40, л. 6.

⁵² Портен фон дер Э. Указ. соч. – С. 204.

⁵³ Вудворд Д. Указ. соч. – С. 287-294.

⁵⁴ Кочергин. А. Гиганты повержены // Морской сборник, 1993, № 9. – С. 76.

⁵⁵ Супрун М.Н. Указ. соч. – С. 193.

⁵⁶ ЦВМА ф. 767, оп. 2, д. 55, л. 25-26.

⁵⁷ Там же. Д. 55, л. 25-26.

⁵⁸ Там же. Д. 81, л. 6.

⁵⁹ Там же. Л. 7.

⁶⁰ Там же. Л. 5.

⁶¹ Там же. Л. 25.

⁶² Пузырев В.П. Указ. соч. – С. 9.

⁶³ Луговской С. Ремизова С. Ленд-лиз. История и современность // Загадки ленд-лиза. – М., 2000. – С. 389.

⁶⁴ Браун Д. Указ. соч. – С. 28.

⁶⁵ Вудворд Д. Указ. соч. – С. 438.

МУЗЫКАНТ ПАРАДА ПОБЕДЫ

К. Н. Бузин. Фото 1940 г.

В годы Великой Отечественной войны военные музыканты выполняли свои профессиональные обязанности наряду с боевыми, часто опасными заданиями: участвовали в боевых сводных группах по защите тылов и ликвидации мелких групп разбитых фашистских частей, были пулеметчиками и связистами, саперами и артиллеристами, несли охранную службу, выполняли обязанности санитаров, возглавляли боевые части и подразделения, ходили в атаку, в поиск и в разведку. Во время сражений, на марше и привале, в горькие минуты проводов в последний путь погибших бойцов звучали военные оркестры.

Костромич Константин Николаевич Бузин – старейший военный дирижер нашей области, – пройдя все испытания войны, участвовал в сводном оркестре Парада Победы и в послевоенное время несколько десятилетий служил военной музыке.

Родился он 14 февраля 1920 года в д. Славново Костромского уезда Костромской губернии. Отец его был призван в Красную Армию, служил в стрелковом Нижегородском полку, умер от тифа в конце 1920 года. Мать Прасковья Степановна, переехав в 1922 году Кострому, стала работать на 1-й Республиканской фабрике¹. В 1926 году семья получила квартиру в поселке Начало, построенном для текстильщиков². Здесь, в фабричном районе Костромы, мальчик впервые услышал духовую музыку.

Из духовых оркестров, выступавших в городе в

1920-е годы, наибольшую популярность имел коллектив Союза текстилей под управлением К.Н. Васильева, бывшего капельмейстера 88-го пехотного запасного полка, расквартированного в годы Первой мировой войны в Костроме. В летнее время оркестр Васильева не менее 4-х раз в неделю выступал в городском парке: звучали концертные произведения, марши, танцевальная музыка. Существовали оркестры и на многих промышленных предприятиях города. Один из таких самодельных коллективов – оркестр фабрики “Знамя труда” – возглавлял бывший военный музыкант Михаил Матвеевич Павлов, служивший до революции 1917 года в русской армии. В этом оркестре, куда в начале 1930-х годов пришел Костя Бузин, постигали азы игры на духовых инструментах многие мальчишки фабричного района. Михаил Матвеевич, которого между собой ребята звали Михмат, сам играл на корне-

те. Этот инструмент стал осваивать и Костя. Духовой оркестр фабрики “Знамя труда” играл в клубе на танцах, сопровождал колонну демонстрантов 7 ноября и 1 мая, обслуживал торжественные собрания.

Чтобы дать более серьезное музыкальное образование мальчику, в 1935 году мать отдала его в музыкальную школу, директором которой была З.В. Жданова. Здесь юноша начал учиться на кларнете в классе одного из лучших музыкантов Костромы Н.А. Пелянена. В 1937 году Бузин успешно сдал вступительные экзамены в Ярославское музыкальное училище.

На Ярославской земле еще были живы традиции духового исполнительского искусства, заложенные в дореволюционное время. В начале XX столетия здесь квартировали 182-й пехотный Гроховский, 11-й гренадерский Фанагорийский и другие полки русской армии. Оркестры этих полков имели обширный репертуар, вели большую концертную деятельность, а капельмейстер Ф.Э. Фурман, возглавлявший оркестр Фанагорийского полка, был одним из лучших русских капельмейстеров конца XIX – начала XX века. Вплоть до начала Первой мировой войны ярославские военные оркестры нередко приглашались в Кострому, где выступали на городском бульваре и циклодроме, всегда собирая много слушателей.

Учебу в музыкальном училище Константин Бузин совмещал с работой в духовом оркестре Ярославского резинового комбината. После окончания 1-го курса он перевелся с кларнета на альт и начал играть в студенческом симфоническом оркестре. Оркестром руководил дирижер Уманский. Нередко концертную программу готовили приезжие дирижеры. Так, в начале 1940 года со студентами занимался дирижер Большого театра А.Д. Цейтлин. Концерт под его руководством, во время которого прозвучала четвертая симфония П.И. Чайковского и др. произведения, состоялся в апреле 1940 года в театре им. Ф. Волкова.

В эти годы вместе с К. Бузиным партию альтя в оркестре исполнял В.В.

Дягилев (1914–2004). Племянник великого импресарио Сергея Дягилева, сплотившего вокруг себя всю передовую русскую культуру начала XX века³, в конце 1930-х годов служил в одной из ярославских воинских частей и играл в симфоническом оркестре⁴.

К сожалению, музыкальное училище Константину окончить не удалось. В 1940 году его вместе с костромичом Николаем Тимофеевым, учившемся на гобое, призвали в армию. Служба началась в далекой Армении, в оркестре 768-го горнострелкового полка, квартировавшего в Степанаване. По воспоминаниям К.Н. Бузина, много занятий с солдатами проходило в горах. Для сопровождения военнослужащих на занятия обычно привлекался полковой оркестр. Весной 1941 года полк вместе с оркестром был отправлен в лагерь в район г. Кировокана, где военного музыканта Бузина и застала война. Полк был переведен на турецкую границу в район г. Лениакана⁵.

“Все движения осуществлялись только ночью, ночью и кормили, а днем сидели в окопах, – вспоминал Константин Николаевич. Около месяца находились там, затем перешли в Грузию, в район города Ахалцихе, где часть готовились

перебросить к линии фронта. Здесь музыкантам выдали оружие и стали обучать санитарному делу”.

От турецкой границы полк пошел по Военно-грузинской дороге через Грузию в район г. Орджоникидзе. Особое впечатление на солдат во время перехода произвело узкое и мрачное Дарьяльское ущелье, внизу которого “ревел и ворочал камни Терек”. В ноябре 1941 года, когда немцы были под Москвой, горнострелковый полк прибыл на станцию Алагир близ Орджоникидзе, откуда эшелон был перебросен в Туапсе, а спустя полтора месяца, в январе 1942 года, полк на десантных кораблях, обстреливаемых самолетами противника, переправили в Керчь.

“Зима 1942 года была холодная и морозная, – рассказывал К.Н. Бузин. – Керченский пролив замерз, высаживались прямо на лед в порту Камышбурун, находившемся на окраине Керчи”.

Во время обстрела кораблей погиб один из военнослужащих, похороны которого сопровождались игрой полкового оркестра.

Оборону часть заняла в 70-километровой глубине Керченского полуострова. Здесь оркестру выдали санитарные сумки, всех разбили на группы по 4 че-

ловека. Музыканты ходили на передовую с января по май 1942 года каждый день. Из 25 музыкантов оркестра несколько человек при выносе раненых были убиты. Гобоист Николай Тимофеев был ранен в голову и умер, трубачу Григоряну оторвало ногу, тубист Цатурян погиб в окопе. 14 мая 1942 года во время перевязки раненого получил слепое пулевое ранение в левую голень и сам рядовой Бузин. Позднее за мужество и героизм, проявленные при спасении раненых, он был награжден медалью “За отвагу”.

В конце мая началось отступление, в результате чего полк был прижат к Керченскому проливу, переправы через который были уничтожены немцами. “Переправлялись кто на досках, кто на шинах. Многих унесло течение. На берегу – крики, плачь, суматоха. Я не мог переправиться трое суток, на костылях находился на берегу. Наконец нам с тяжело раненым удалось переправиться на небольшом кораблике...” – вспоминал музыкант.

Госпиталь в г. Орджоникидзе, а затем – служба в 1-м армейском запасном полку Северокавказского фронта, находившемся в станице Славянская на Кубани. В

Сборы военных дирижеров Закавказского военного округа, г.Тбилиси. Фото 1948 г.

Оркестр Костромского военно-химического училища (дирижер - К.Н.Бузин) на фоне Мичуринских казарм (ныне снесены), г.Кострома, ул.Горького. Фото 1956 г.

полку был духовой оркестр, и дирижер, старший лейтенант Лейфер, прослушав выздоравливающего музыканта, взял его к себе исполнять партию кларнета. Здесь, в станице Славянская, оркестр участвовал не только в жизни полка, но нередко выступал и перед местными жителями.

Вспоминая службу в станице, К.Н. Бузин с улыбкой рассказывал, что дважды кто-то из руководителей местных предприятий приглашал оркестр играть во время дегустации вин местного производства, угостив без ограничения и военных музыкантов...

И вновь отступление. В сентябре 1942 года по Военно-грузинской дороге полк дошел до Кутанси. Здесь, на базе полка, была создана Грузинская дивизия, все военнослужащие которой, кроме военных музыкантов, были грузины. Около двух лет проходил службу рядовой Бузин в оркестре дивизии. Учитывая особенность комплектования дивизии, в этот период в репертуаре оркестра появилось много закавказской народной музыки, произведений грузинских композиторов.

Большое желание продолжить свое музыкальное образование привело К.Н. Бузина в Высшее училище военных капельмейстеров Красной Армии⁶, куда в августе 1944 года он успешно сдал вступительные экзамены. Это учебное заведение готовило организаторов и руководителей военных оркестров, а также преподавателей

специальных музыкальных дисциплин в школах военно-музыкантских воспитанников⁷. Обучение в военном училище позволило будущему дирижеру получить блестящее образование. В то время здесь преподавали профессионалы самого высокого класса. Преподавателями Бузина были: солист Государственного симфонического оркестра кларнетист А. Штарк, композитор генерал-майор С.А. Чернецкий, балетный дирижер Большого театра А.Д. Цейтлин.

В училище из числа слушателей был создан прекрасный духовой оркестр, выступавший на лучших концертных площадках Москвы. За годы учебы будущий дирижер в качестве музыканта сводного оркестра принял участие в 5 военных парадах на Красной площади, один из которых, – исторический Парад Победы, состоявшийся 24 июня 1945 года, – запомнился ему на всю жизнь. Такого торжества еще не видела эта древняя площадь. На брусчатке выстроился огромный сводный оркестр из 1400 человек. Им управлял генерал-майор С.А. Чернецкий, выдающийся дирижер и композитор. Стоя под проливным дождем с 9 часов утра в течение трех часов, музыканты и капельмейстеры сводного оркестра Московского гарнизона исполнили тогда около 50 произведений строевого репертуара. Среди них: юбилейный встречный марш “25 лет РККА”, встречный марш танкистов, марши

“Ленинский призыв”, “Парад”, “Салют Москвы”, “Марш танкистов” С. Чернецкого, “В боевой поход” и “Победный марш” Н. Иванова-Радкевича, марши В. Рунова, Ю. Хайта и других композиторов.

В 1947 году слушатель Бузин получил диплом военного дирижера и распределение в Закавказский военный округ. Тяжелый танковый полк, располагавшийся в городе Кировобад⁸, стал его первым местом службы в качестве дирижера. Здесь, на Кавказе, в это время проходил службу один из ветеранов военно-оркестровой службы капитан И.А. Шатров, автор музыки знаменитого вальса “На сопках Маньчжурии”⁹.

Через год службы в Кировобад Бузин перевелся на преподавательскую работу в Бакинскую школу военно-музыкантских воспитанников, где преподавал кларнет, вел оркестровый класс.

В 1952 году Константин Николаевич получил новое назначение – в 1-ю Ленинградскую школу военно-музыкантских воспитанников. История этой школы была связана с Костромским краем: в начале Великой Отечественной войны, с июля по октябрь 1941 года, школа находилась в эвакуации в городе Галиче¹⁰.

В этом закрытом учебном заведении воспитанники, дети-сироты, жили и учились четыре года. Получив по окончании школы свидетельство о неполном среднем и специальном музыкальном образовании, юные музыканты в возрасте 14–16 лет направлялись в военные оркестры, где служили на правах музыкантских воспитанников до призывного возраста. Затем они зачислялись военными музыкантами на срочную службу. Многие из них одновременно учились в музыкальных училищах, вечерних школах. По завершении срочной службы одни музыканты оставались на сверхсрочную (часто продолжавшуюся всю жизнь) службу, другие поступали в консерватории или иные учебные заведения.

В 1954 году, по состоянию здоровья, К.Н. Бузин был переведен в Кострому на должность военного дирижера в Костромском военном химическом училище¹¹, где он служил вплоть до расформирования учебного заведения в 1960 году. По воспоминаниям Бузина, в оркестре училища в то время было много ярких музыкантов.

В репертуаре оркестра химического училища было много классических произведений русских и зарубежных композиторов: концерт №1 для кларнета с оркестром Вебера, увертюра к опере “Князь Игорь” А.П.Бородина, 1 и 2 части пятой симфонии Бетховена, вторая рапсодия Листа и др.

Коллектив под управлением К.Н. Бузина вел большую концертную деятельность в городе, регулярно выступал в школах, театре им. А.Н. Островского, парке им. В.И. Ленина, играл во время демонстраций и военных парадов. В 1958 году оркестр провожал в последний путь старейшего дирижера Костромы К.Н. Васильева.

Службу в военном училище К.Н. Бузин совмещал с педагогической деятельностью в Костромском музыкальном училище. Здесь он преподавал теоретические дисциплины и дирижирование.

В 1960 г. Костромское военное химическое училище было расформировано, перестал существовать и полюбившийся костромичам военный духовой оркестр. Бузин отправился к новому месту службы. На этот раз — в один из районных центров Воронежской области. Вскоре начальник оркестровой службы Московского военного округа подполковник Барышников предложил

одному из лучших дирижеров округа майору Бузину должность в Рязанском военном автомобильном училище.

В Рязани, как и в Костроме, К.Н. Бузин дал много концертов, выступал в областной филармонии, пропагандировал классическую музыку среди будущих офицеров-автомобилистов.

Быстро пролетели шесть лет. В мае 1966 года командование, профессорско-преподавательский состав и курсанты училища торжественно проводили участника Великой Отечественной войны и Парада Победы майора К.Н. Бузина на заслуженный отдых. Величественно звучал марш В. Агапкина “Прощание славянки”, торжественным маршем прошло училище, отдавая честь дирижеру, посвятившему более 25-ти лет военной службе.

Летом 1966 года он вернулся в Кострому. Здесь, на своей родине, вплоть до 1990 года К.Н. Бузин преподавал дирижирование, вел оркестровый класс в музыкальном училище. Более 80 выпускников подготовил преподаватель, среди его учеников — преподаватели музыкального училища и музыкальных школ области, музыканты военных духовых оркестров, нынешние военные дирижеры Костромы.

Несколько лет назад Константину Николаевичу было присвоено очередное воинское звание — подполковник, а в

2005 году за большой вклад в пропаганду духовой музыки на костромской земле он был награжден памятным знаком, посвященным 180-летию со дня рождения А.Н. Островского.

Примечания:

¹ В 1927 г. фабрике присвоено имя В.И. Ленина.

² В 1983 г. дом, где провел детство К.Н. Бузин, снесли. На этом месте находится военный комиссариат г. Костромы.

³ Шпанченко В.А. Племянник великого императора // Русская Атлантида. — Кострома, 1999. — С. 177 — 180.

⁴ В 1960-е годы судьба вновь сведет этих двух людей. В.В. Дятлиев уже в преклонном возрасте будет учиться по классу фагота в Костромском музыкальном училище, осваивая курс дирижирования в классе преподавателя К.Н. Бузина.

⁵ Современное название Гюмри.

⁶ Приказом заместителя министра Вооруженных Сил в 1946 г. вместо наименования должности “военный капельмейстер” было установлено наименование “военный дирижер”. Поэтому в апреле 1947 г. Высшее училище военных капельмейстеров Красной Армии было переименовано в Высшее училище военных дирижеров Советской Армии. В настоящее время это Московская военная консерватория.

⁷ Берлинский П.М. Подготовка кадров военных дирижеров // Советская военная музыка. — М.: Военно-дирижерский факультет при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, 1977. — С. 208 — 246.

⁸ В настоящее время г. Гянджа

⁹ Степанов В.К. Капельмейстер Илья Шатров. — Воронеж, 1978.

¹⁰ Головкин Н.П. Военная музыка в Санкт-Петербурге 1703 — 2003. — СПб., 2003. — С. 161.

¹¹ Официальное наименование того времени — войсковая часть № 74388.

Сводный оркестр Костромского гарнизона (дирижер - К.Н.Бузин). Фото 1956 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ НА ВОЕННОНАЧАЛЬНИКОВ — УРОЖЕНЦЕВ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Гундоров Александр Семенович (1895 – 1973)

Уроженец посада Большие Соли Костромского уезда (ныне поселок Некрасовское Ярославской области). Сын кузнеца. Выпускник большевских Николаевского двухклассного приходского училища (1908) и слесарно-кузнечного отделения ремесленной школы имени К.А. Попова (1912), петроградских военно-инженерных курсов (1920), высшей педагогической школы (1923) и курсов усовершенствования командного состава при военно-инженерной школе (1927) и московских академических курсов при Военно-инженерной академии (1931). Участник Февральской и Октябрьской революций и Гражданской и Великой Отечественной войн. Генерал-лейтенант инженерных войск (1940). Начальник Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева (1936 – 1941). Председатель Всеславянского комитета (1942-1947) и Славянского комитета СССР (1947 – 1962). Заместитель председателя Международной федерации борцов Сопротивления. Член совета Комитета защиты мира. Член КПСС (1915). Кавалер ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени, двух орденов Красной Звезды и медалей.

Соч.: Сторонники мира в борьбе против поджигателей войны. – М., 1951; Революцией мобилизованный. – М., 1968.

Лит.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. – М., 1985. – С.227.

Дубровин Леонид Алексеевич (1910 – 1977)

Уроженец станции Шарья Ветлужского уезда. Сын сторожа железнодорожного моста.

Выпускник Шарьинской восьмилетней школы (1925). Рабочий Шарьинского лесопильного завода (1925). Боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1933). Выпускник Харьковской военной авиашколы (1939) и Военно-политической академии имени ВЦИК (1941). Военный комиссар учебной эскадрильи Чугуевского военно-авиационного училища (1939), 15-й (1941), 146-й (1941), 233-й (1942), 204-й (1942) авиадивизий Юго-Западного и Западного фронтов, последней из которых были присвоены звания 3-й гвардейской и Смоленской (1943). Генерал-майор авиации (1944). Военный комиссар 1-го Польского авиакорпуса (1944). Заместитель командующего военно-воздушными силами Восточно-Сибирского военного округа по политической части (1945). Член военного совета Воздушной армии. Член КПСС. (1931). Похоронен в городе Электросталь Московской области.

Соч.: Пикировщики. – М., 1986.

Лит.: Кояндер Е. Комиссар // Ветлужский край, 31 августа 1977, № 139.

Жаворонков Семен Федорович (11.04.1899 – 08.06.1967)

Уроженец деревни Сидоровской Луховской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губернии (ныне Луховского района Ивановской области). Сын крестьянина. Красногвардеец (1917). Заведующий агитационной секцией Кинешемского гарнизонного клуба (1918). Комиссар батальона связи 7-й стрелковой дивизии (1919). Выпускник Военно-политической академии (1926), Качинской военной школы летчиков (1934), Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского (1936) и Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба (1949). Комиссар 3-й (1926) и 13-й (1927) авиа-

бригад и Военно-технической школы Военно-воздушных сил (1927). Начальник политического отдела Военно-воздушных сил Черноморского флота (1929). Командующий Военно-воздушными силами Тихоокеанского флота (1938) и Военно-морского флота (1939 – 1946). Во время Великой Отечественной войны руководил боевыми действиями флотской авиации на морском и приморском направлениях. По его инициативе летчики Балтийского флота бомбардировали военно-промышленные объекты Берлина (1941), осуществляли воздушное прикрытие “Дороги жизни” по Ладоге (1941 – 1943) и совершали одиночные полеты со свободным поиском и атакой морских целей противника (1943 – 1945). Организатор перелета в СССР делегаций стран-участников Ялтинской конференции (1945). Заместитель начальника (1946 – 1948, 1957 – 1959) и начальник (1949 – 1957) главного управления Гражданского воздушного флота. Генерал-лейтенант (1940), генерал-полковник (1943) и маршал (1944) авиации. Кавалер двух орденов Ленина, пяти орденов Красного Знамени, двух орденов Ушакова 1-й степени, ордена Нахимова 1-й степени, ордена Кутузова 2-й степени и медалей. Член КПСС (1917). Похоронен на московском Новодевичьем кладбище.

Соч.: Воспоминания // Военно-исторический журнал, 1968, № 4, 8.

Лит.: Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Энциклопедия. – М., 1985. – С. 266; Полководцы и военачальники Великой Отечественной. – М., 1971. Вып. 1. – С. 186 – 200; Словарь биографический морской. – СПб., 2000. – С. 144; Советская военная энциклопедия. Т.3. – М., 1997. – С.318; Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-морского флота в период Великой Отечественной войны и советско-японской войны (1941 – 1945). – СПб., 2001. – С.80. Некролог // Красная Звезда, 11 июня 1967.

Крутиков
Алексей Николаевич
(20.07.1895 – 23.04.1949)

Уроженец города Кинешмы Костромской губернии (ныне Ивановской области). Сын мещанина. Выпускник военного училища (1915), командирских курсов "Выстрел" (1920), Военной академии имени М.В. Фрунзе (1931) и Военной академии Генерального штаба (1938). Участник 1-й и 2-й Мировой и Гражданской войн. Старший преподаватель (1939) и начальник учебного отдела (1940) Военной академии Генерального штаба. Начальник штаба 7-й армии (1940) и Карельского фронта (1941). Во время Великой Отечественной войны – участник разработки и проведения Петсамо-Киркенесской операции и освобождения Карелии, во время советско-японской войны – начальник штаба 1-го Дальневосточного фронта и участник разработки и проведения Харбино-Гиринской операции. Генерал-лейтенант (1943). Начальник штаба Приморского военного округа (1945). Начальник управления высших военно-учебных заведений Народного комиссариата вооруженных сил (1948). Кавалер орденов Ленина, двух орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова 1-й степени, ордена Красной Звезды и медалей. Член КПСС (1919). Умер и похоронен в Москве.

Соч.: Строительно-квартирное управление РККА. – М., 1937; Прорыв оборонительной полосы белополяков 11-й стрелковой дивизией (4-6 июля 1920). – М., 1939; Великая Отечественная война Советского Союза. Популярный очерк. – М., 1947.

Лит.: Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Энциклопедия. – М., 1985. – С.383; Советская военная энциклопедия. Т.3. – М., 1977. – С.483.

Некрасов
Иван Михайлович
(19.05.1892 – 17.10.1964)

Уроженец деревни Березник Кологривского уезда. Сын крестьянина. Участник 1-й и 2-й Мировой и Гражданских войн, на каждой из которых был дважды ранен. Выпускник Омской школы (1924), Кавказских курсов усовершенствования (1927) и Военно-ремонтных курсов (1929) коман-

дного состава. Командир кавалерийского эскадрона на Восточном фронте (1919) и в конфликте на Китайско-Восточной железной дороге (1929) и 586-го полка 107-й стрелковой дивизии (1939-1942). В июле – августе 1941 года его полк разбил дубовежскую группировку противника и был удостоен звания гвардейского, а его командир – звания Героя Советского Союза. Командир 52-й (1943) и 68-й (1944) гвардейских стрелковых дивизий. Генерал-майор (1943) в отставке (1946). Кавалер трех орденов Свято-

М.В. Фрунзе (1931), Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова (1941) и Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (1950). Штурман эскадренного миноносца "Незаможник" Черноморского флота (1931). Помощник командира (1932) и командир (1935) монитора "Вострецов" морских сил Дальнего Востока. Начальник штаба бригады (1937) и командир дивизиона (1938) мониторов Черноморского флота. Начальник штаба Амурской флотилии (1939). Начальник опера-

Бойцы Ярославской коммунистической дивизии. Фото первых военных лет

го Георгия, двух орденов Ленина, двух орденов Красного Знамени, орденов Отечественной войны 1-й степени, Кутузова и Хмельницкого 2-й степени и медалей. Член КПСС (1918). Умер и похоронен в Краснодаре.

Соч.: Чему учит боевой опыт. – Новосибирск, 1941; Первый опыт сталинских гвардейцев. – М., 1942 (соавтор).

Лит.: Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. – М., 1988. Т.2. – С.149.; Некролог // Сельская правда, 11 ноября 1964, № 133.

Румянцев
Александр Михайлович
(09.08.1906 – 14.06.1974)

Уроженец деревни Мотово Бычихинской волости Костромского уезда. Сын крестьянина. Выпускник Военно-морского училища имени

тивного отдела штаба (1941) и начальник штаба (1944) Северного флота. Во время Великой Отечественной войны разрабатывал боевые и руководил десантными, конвойными и др. операциями Северного флота. Начальник разведывательного управления главного морского штаба Военно-морского флота (1945) и оперативного отдела штаба 4-го Военно-морского флота (1946). Командир эскадры Северного флота (1947). Комендант Кронштадтской военно-морской крепости (1950). Старший преподаватель кафедры оперативного искусства (1954) и стратегии и оперативного искусства (1957) Военно-морского флота Военной академии Генерального штаба. Контр-адмирал (1945) и вице-адмирал (1951) в отставке (1964). Кандидат военно-морских наук. Кавалер ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, орденов Нахимова 1-й степени, Су-

ворова и Ушакова 3-й степени, ордена Красной Звезды и медалей. Член КПСС (1939). Похоронен на московском Новодевичьем кладбище.

Соч.: В штабе Северного флота // На земле, в небесах и на море. – М., 1988. Вып. 10. – С. 54-68.; Слово к землякам // Молодой ленинец, 22 февраля 1969; Не сворачивая с курса // На страже Заполярья, 16 – 19 января 1974; Туман ушел в бессмертие // Северная правда, 25 октября 1984; Январский конвой // Сусанинская новь, 7 мая 1985.

Лит.: Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-морского флота в период Великой Отечественной войны и советско-японской войны (1941 – 1945). – СПб., 2001. – С. 190 – 191; Некролог // Красная Звезда, 18 сентября 1974, № 219.

Сандалов **Леонид Михайлович** **(28.03.1900 – 25.10.1987)**

Уроженец села Вичуги Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Вичугского района Ивановской области). Сын крестьянина. Участник Гражданской войны на Туркестанском и Южном фронтах (командир взвода). Выпускник Иваново-Вознесенских пехотных курсов красных командиров (1920), Киевской объединенной военной школы командиров (1926), Военной академии имени М.В. Фрунзе (1934) и Военной академии Генерального штаба (1937). Начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа (1937) и штаба 4-й армии (1940). Участник освободительного похода в Западную Белоруссию (1939). Во время Великой Отечественной войны был участником оборонительных боев на Западном направлении (1941), битвы под Москвой (1941) и Курской битвы (1943), подготовки и проведения Воронежско-Касторской, Орловской, Брянской, Рижской, Моравско-Остравской, Пражской и других операций. Начальник штаба Центрального (1941), Брянского (1942), 2-го Прибалтийского (1943) и 4-го Украинского (1945) фронтов. Генерал-полковник (1944). Начальник штаба Прикарпатского (1946) и Московского (1947) военных округов. Кавалер трех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, орденов Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Красной Звезды, иностранных

орденов и медалей. Член КПСС (1925). После авиакатастрофы (1951) утратил способность передвигаться. Похоронен на московском Новодевичьем кладбище.

Соч.: Погорело-Городищенская операция. – М., 1960; Пережитое. – М., 1961; Трудные рубежи. – М., 1965; На московском направлении. – М. 1970; После перелома. – М., 1983; Первые дни войны. – М., 1989.

Лит.: Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Энциклопедия. – М., 1985. – С. 632.; Советская военная энциклопедия. Т. 7. – М., 1979. – С. 237; Некролог // Красная Звезда, 27 октября 1987, № 245.

Семенов **Илья Сергеевич** **(12.02.1904 – 10.01.1971)**

Уроженец Костромы. Сын мещанина. Член ВЛКСМ (1919) и КПСС (1922). Секретарь Заволжского (1923) и Нерехтского (1924) уездных комитетов Российского союза коммунистической молодежи. Выпускник индустриально-педагогического техникума имени К. Либкнехта (1931), Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского (1940) и Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (1952). Участник Великой Отечественной войны. Начальник политического отдела Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Начальник политического управления Гражданского воздушного флота. Генерал-лейтенант авиации. Кавалер двух орденов Ленина, двух орденов Красного знамени, двух орденов Отечественной войны 1-й степени, ордена Красной Звезды и медалей. Депутат Верховного Совета РСФСР. Делегат XXII съезда КПСС. Похоронен на московском Новодевичьем кладбище.

Соч.: Новые воинские уставы. – М., 1961 (соавтор); Твердый внутренний порядок – основа жизни войск. М., 1962; Годы далекие // Молодой ленинец, 1958, №№ 109, 111, 114, 116.

Лит.: Некролог // Красная Звезда, 12 января 1971, № 9; Нерехтская правда, 13 января 1971, № 7; ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 151, л. 42 об. – 43.

Унковский Всеволод **Андреевич** **(27.01.1884 – 08.09.1969)**

Из дворян. Уроженец Костромы.

Выпускник Морского кадетского корпуса (1903) и офицерских артиллерийских классов (1906). Участник русско-японской и 1-й и 2-й Мировых войн. Штурман миноносцев “Скорый” (1904) и “Гайдамак” (1905) и старший артиллерист линейного корабля “Император Александр II” (1907). Классный (1911) и штаб (1915)-офицер Учебно-артиллерийского отряда. Заведующий артиллерийским классом специальных курсов командного состава Военно-морских сил (1918). Старший руководитель (1930) и начальник (1935) кафедры артиллерийской стрельбы Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова и Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова (1945). В годы Великой Отечественной войны оказывал практическую помощь флотам в использовании артиллерийского вооружения и решении боевых задач и подготовил целую плеяду флотских артиллеристов. Капитан (1916) и флагман (1934) 2-го ранга, контр-адмирал (1940) и вице-адмирал (1944) в отставке (1954). Доктор технических наук (1940). Действительный член Академии артиллерийских наук (1947). Лауреат Сталинской премии (1952). Кавалер орденов Святого Владимира, Святого Георгия, Святой Анны и Святого Станислава IV-й степени, ордена Ленина, трех орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени, ордена Красной звезды, медалей и именного оружия. Беспартийный. Похоронен в городе Пушкине Ленинградской области.

Соч.: Администрация морской артиллерии. – Кронштадт, 1911 (соавтор); Теория стрельбы. – Л., 1925; Стрельба на море. – М., 1933. Ч. 1-2; Морская артиллерия в бою. – М., 1935; Теория стрельбы на море. – М., 1935; Стрельба морской артиллерии. – М., 1937. Ч. 1-3; Теория стрельбы и ее приложение к стрельбе корабельной артиллерии. – М., 1939; Лекции по теории вероятностей. Закон больших чисел. – Л., 1946; Лекции по теории вероятностей. Сложение векторных ошибок на плоскости и в пространстве. – Л., 1946; Теория вероятностей. – М., 1953.

Лит.: Словарь биографический морской. – СПб., 2000. – С. 391; Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-морского флота в период Великой Отечественной войны и советско-японской войны (1941 – 1945). – СПб., 2001. – С. 222.

СУДЬБЫ КОСТРОМИЧЕЙ

Анатолий Елизаров

НЕВОЛЬНИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Впервые за многие годы, полностью избавившись, наконец, от угрюмо-подозрительного, жестокого по своей сути огульного осуждения в плен попавших и без вести пропавших, скажем громко, искренне в неизбывном раскаянии и волнении сердца: спите спокойно, братья, да будет вам пухом и родная, и чужая земля! Тяжкие муки, нестерпимая боль, голод и унижения выпали на долю вашу в фашистском плену... Вечными будут дума наша и боль о тех несчастных, от кого не осталось на земле даже выцветшей фотографии... Но жизни их светятся негаснущими искринками в бессмертном вечном огне нашей Победы!¹

Тема Великой Отечественной войны – тема трагическая, много в ней есть героического, возвышенного, много – горького и несправедливого. Прошедшие десятилетия, не утратив значимости Победы, принесли с собой и новые оценки событий и фактов военных лет, в том числе и в отношении к советским военнопленным. Известно, что правовой режим военнопленных в годы войны регулировался Гаагской 1899-го и 1907-го годов и Женевской 1929-го года Международными конвенциями. СССР не являлся участником этих актов, что тяжело отражалось на содержании в плену солдат Советской Армии.

В памятке об охране советских военнопленных, утвержденной распоряжением Главного командования Вермахта (ОКВ) об обращении с советскими военнопленными 8 сентября 1941 года говорилось: “Чтобы сломить сопротивление, следует безжалостно применять оружие. По убегающим военнопленным следует немедленно стрелять (без оклика) с твердой решимостью поразить цель”². Известна также директива ОКВ о клеймении советских военнопленных от 9 февраля 1942 года, которая предписывала: “Ввиду того, что советские военнопленные при побегах большей

частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности, как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья”³.

В ноте народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 года говорилось, что фашисты “пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и тяжелые преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются...”⁴.

Руководство гитлеровской Германии создало разветвленную сеть концентрационных лагерей. В этой системе концлагерей с алчностью ненасытного чудовища поглощались человеческие жизни, а те, кому доводилось выжить, использовались на каторжных работах. Так, только в первые ме-

сяцы Великой Отечественной войны в плену оказалось 526 костромичей, участвовавших в боях в Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии, Смоленской и Ленинградской областях. Сведения о них хранятся в Коллекции трофейных карточек военнопленных в Государственном архиве новейшей истории Костромской области⁵. Всего сохранились данные о 6831 уроженце нашей области, побывавшем в немецком плену.

Одним из мест массового истребления советских людей был лагерь военнопленных штабалаг №352 в Белоруссии, так называемый “лесной лагерь”, организованный немцами на месте бывшего военного городка в пяти километрах от Минска у железной дороги Минск – Молодечно, недалеко от деревни Масюковщина, в котором было уничтожено 80000 человек.

В настоящее время на месте захоронения военнопленных создан мемориальный комплекс, увековечивающий память о погибших, среди которых можно прочесть имя костромича Нико-

Военнопленные на строительстве железной дороги. Фото военных лет

лая Ивановича Окунева, призванного в армию из Костромского района⁶. В шталаге № 352 вместе с ним находились костромичи Иван Беззубов из д. Желудки Палкинского района, Иван Егорышев из д. Уланиха Нерехтского района, Михаил Пехтерев со ст. Никола-Полома, Михаил Одинцов из д. Добрень Солигаличского района. Судьба их пока неизвестна. Для этого требуются новые исследования.

В одной публикации невозможно рассказать обо всех военнопленных костромичах — их сотни. Документы свидетельствуют о жестоком обращении, изнурительной работе, голоде, смертях или расстрелах, переводах из лагеря в лагерь, как исключение — о побегах.

Ниже приведены записи в персональных карточках военнопленных, сделанные администрациями концлагерей:

Аникин Александр Михайлович, г.Кострома, шталаг № 336, г.Каунас, 25.07.44 переведен в Бухенвальд⁷;

Жирнов Леонид Семенович, Нейский район, д. Заингирь, шталаг VIIA Моосбург, 26.05.44 переведен в концлагерь Дахау⁸;

Сиротин Борис Константинович, Солигаличский район, д. Шиханово, шталаг № 326, 06.12.41 концлагерь Бухенвальд⁹.

О существовавшей системе наказаний, перемещении из лагеря в лагерь, из одних рабочих команд в другие красноречиво говорят записи в персональной карточке военнопленного Ивана Федоровича Смирнова, уроженца д. Тавкино Семеновского района. С августа 1941 по январь 1945 года он 16 раз переводился с места на место. К карточке приложена выписка из книги наказаний: «21.10.43 капитаном и зам. коменданта Шмидтом объявлены 21 сутки строгого ареста за то, что 13.10.43 без разрешения покинул рабочую команду 1258 и не появлялся до дня задержания»¹⁰.

В имеющихся документах дальнейшая судьба этих людей не прослежи-

Группа бельгийских партизан. 1-й слева сидит К.Г.Соколов. Фото 1940-х гг.

вается. Возможно, кому-то из них удалось выжить, а кто-то ушел в небытие вместе с дымом из труб крематориев Бухенвальда и Дахау.

Исследование трофейных материалов предоставило возможность установить судьбы некоторых костромичей, томившихся в фашистских концлагерях с точностью до даты и причины события. В отдельных персональных карточках военнопленных имеются такие записи:

Косарев Федор Иванович, Нейский район, Солтановский сельсовет, д. Полушино, шталаг XV, умер 04.04.44¹¹;

Сидорин Иван Андреевич, Красносельский район, д. Чаново, шталаги ПН, 1Б, ХХА, 11.03.43 сбежал из рабочей команды, 19.04.43 задержан и находится в лагере 1Б, 19.06.43 сбежал из рабочей команды, 20.07.43 задержан и находится в постоянном лагере ХХА, 28.08.43 сбежал из мастерской, 1.09.43 при бегстве расстрелян немецкой полицией¹²;

Иванов Алексей Васильевич, Нейский район, д. Елино, шталаг XV, 11.05.43 умер, причина смерти: воспаление легких¹³.

Трагически сложилась судьба костромичей и в других лагерях для военнопленных. В местечке Кляйн Дексен на территории бывшей Восточной Пруссии (теперь это пос. Фурманово Багратионовского района Калининградской области) находился один из крупнейших лагерей для военноплен-

ных из числа рядового и сержантского состава шталаг 1А Стаблаг. Лагерь существовал с 1939 по май 1945 года и считался интернациональным, т.к. в нем содержались польские, французские, бельгийские и советские военнопленные. Захоронения умерших и погибших здесь производились в 1939 — 1944 годах. Поляки, французы, бельгийцы были захоронены в отдельных могилах, советские военнопленные — в общих могилах-рвах. В этих братских могилах упокоены 50000 наших соотечественников, погибших в лагере¹⁴. В послевоенные годы на интернациональном кладбище бывшего гитлеровского концлагеря шталаг 1А Стаблаг установлен монумент. Здесь увековечена память о 12 костромичах. В их числе: Алексей Григорьевич Афонин, уроженец д. Высокое Вохомского района, умер 10 декабря 1941 года; Дмитрий Капитонович Волков из Нерехтского района, умер 10 декабря 1941 года; Василий Андреевич Груздев из Судиславского района, умер 31 марта 1942 года; Иван Иванович Жуков, г. Кострома, умер 19 мая 1942 года; Василий Егорович Комазаров из Макарьевского района, умер 6 апреля 1942 года; Михаил Михайлович Корешков, уроженец Галичского района, умер 11 апреля 1944 года; Николай Павлович Сергеев из Костромского района, умер 11 ноября 1941 года; Василий Иванович Смирнов, костромич, умер 10 февраля 1943 года; Сер-

гей Иосифович Смирнов из Галичского района умер 12 марта 1942 года; Яков Иванович Смирнов, уроженец Шарьинского района, умер 29 июня 1942 года; Александр Иванович Трусов из Сусанинского района, умер 4 июля 1941 года; Петр Кузьмич Шалаев из Красносельского района, умер 20 января 1942 года¹⁵.

Невозможно перечислить всех погибших в концлагерях наших земляков. В пределах данной публикации можно лишь сказать, что 32 костромича погибли в 1941 – 1944 годах в лагерях для военнопленных 1Б, XV, шталаге №101, офицерском лагере № 62 (13-Д), шталаге 2Х, шталаге 1Д, шталаге № 358¹⁶.

Те, кому удалось совершить побег, вновь включались в борьбу с фашизмом, сражаясь в подполье или партизанских отрядах на территории оккупированных стран.

Костромич Константин Григорьевич Соколов (Семеновский район, д. Юрьево) содержался в одном из концлагерей с 3 июля 1941 года. До 1942 года находился в лагере на территории Германии, был вывезен в Бельгию для работы в шахтах в районе г. Беринген. Оттуда совершил побег и присоединился к бельгийским партизанам. В 1944 году Бельгия была освобождена американскими войсками. На родину К.Г. Соколов вернулся в 1947 году.

15 января 1942 года в районе г. Медынь Смоленской области (ныне Калужская) в плен попал Николай Васильевич Сергеев, уроженец г. Нерехты. До мая 1942 года он содержался в лагере военнопленных в г. Юхнове Смоленской области (ныне Калужская) и г. Рославль. Из Рославля был вывезен в Германию, где до июня 1944 года находился в лагере “ДС”. Из Германии был переведен в Италию. Находясь в Италии, в ноябре 1944 года совершил побег и присоединился к партизанскому отряду 111-й дивизии 104-й партизанской бригады им. Гарибальди. 9 мая 1945 года в составе русского партизанского полка передан советскому командованию. Вернулся в г. Нерехту, где работал на комбинате “Красная текстильщица”.

При репатриации каждого советского военнопленного ожидала проверка сотрудниками Наркомата внутренних дел. Многие солдаты, покинув стены фашистских концлагерей, попадали в советские. Во Всероссийской Книге памяти упоминается о подозрительности и жестокости по отноше-

нию к бывшим военнопленным. В качестве подтверждающего примера можно привести судьбу Александра Ивановича Гаврилова. В плен он попал 24 июня 1942 года под г. Волховом. Находился в концлагерях военнопленных на территории Ленинградской области, Эстонии, Украины, Германии, Норвегии. Освобожден из плена 7 мая 1945 года. По возвращении на родину 26 января 1946 года был арестован, а 30 мая 1946 года осужден военным трибуналом Ярославского гарнизона по ст.58-1 п. “б” к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах за связь, будучи в плену, с немецкими разведывательными органами. В ноябре 1959 года реабилитирован за отсутствием состава преступления¹⁷.

Такая же участь постигла Михаила Михайловича Семенова, уроженца д. Курново Антроповского района. В плену оказался в июле 1941 года. Находился в лагерях военнопленных на территории Польши и Австрии. В июле 1942 года бежал, но был пойман и посажен в карцер на 7 дней. Из лагеря освобожден 9 мая 1945 года войсками Красной Армии. До 15 мая 1946 года находился на военной службе. После демобилизации 23 мая 1946 года вернулся на родину. В июле 1946 года военным трибуналом Ярославского гарнизона был осужден по статье 58-1 п. “б” к 10 годам ИТЛ. В 1954 года реабилитирован¹⁸.

Все дальше в историю уходят годы

Великой Отечественной войны. На смену поколениям военных лет пришли новые, а вместе с ними и новые оценки событий и фактов тех лет. Это нашло отражение в Законе Российской Федерации “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества” от 14 января 1993 года, где подчеркивается, что наряду с другими погибшими “увековечению подлежит память ... погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине”.

Примечания:

¹ Всероссийская Книга памяти. – М., 1995. – С.26.

² Книга памяти Калининградской области. Т.13. – Калининград, 2000, – С.30.

³ Там же. С.30.

⁴ Всероссийская Книга памяти. Калининград. – М., 1995. – С.255.

⁵ ГАНИКО, ф.р.3656 (Коллекция трофейных карточек военнопленных), оп.1, д.6004, т.1, 6005 т.2, 6006 т.3; д.6007, т.1; д.6009; д.6028; д.6029; 6030; 6032.

⁶ Книга памяти Костромской области. Т.9. – Кострома, 2005.

⁷ ГАНИКО, ф.р.3656, оп.1, д.6027, л.19.

⁸ Там же. Д. 6007, л.200.

⁹ Там же. Д. 6008, л.150.

¹⁰ Там же. Д. 6028, л.251 – 253, 255.

¹¹ Там же. Д. 6027, л.280 – 280об.

¹² Там же. Д. 6010, л.207, 209.

¹³ Там же. Д. 6027, л.225.

¹⁴ Книга памяти Калининградской области. Т.13. – Калининград, 1995. – С.19.

¹⁵ Книга памяти Костромской области. Т.9. – Кострома, 2005. – С. 140 – 141.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАНИКО, ф.р.3656, оп.2, д.4984, л.9, 28, 225.

¹⁸ Там же. Д. 4015, л.10, 34об., 47об.

Из записи допроса К.Г. Соколова 13 сентября 1945 года об обстоятельствах пленения и поведении в плену

В 1941 году полк, в котором я служил, из г. Гродно выехал в лагерь в Могилевскую область. В лагерях находились до 19 июня 1941 года. 19 июня эшелоном отправились в Гродно, на зимние квартиры. 22 июня эшелон прибыл на станцию Негорелое, где мы услышали о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

В 2 часа дня эшелон начал движение в направлении Гродно. Недалеко от г. Лида эшелон был остановлен, т.к. в Гродно уже находились немцы. По приказу начальника эшелона мы разгрузились и колонной двинулись в сторону Минска. По пути присоединились к занимавшей оборону стрел-

ковой дивизии. С 26 на 27 июня по приказу командира дивизии мы отошли на новый рубеж, находившийся на старой границе. Отсюда нам было приказано продолжать движение в сторону Минска. В 2 – 3 километрах от Минска мы попали под пулеметно-минометный обстрел. Пытаясь обойти Минск с другого направления, мы поняли, что попали в окружение. Здесь 3 июля 1941 года я и попал в плен.

Сначала нас держали в лагере военнопленных в Минске. Пребывание в этом лагере было недолгим. Уже 19 июля нас вывезли в Белосток, а потом в Остров Мозовец. В сентябре вместе с другими военнопленными я попал в Германию, а примерно в сентябре

1942 года нас вывезли в Бельгию. Здесь, в г. Беринген, мы должны были работать в шахтах. Во время работы в одной из шахт мне удалось связаться с бельгийскими антифашистами, которые впоследствии организовали побег. Попытка побега была еще в Германии, но неудачно. На второй день побега меня поймали. В наказание был повешен за руки на 20 минут, а потом арестован на 7 суток. В Бельгии с помощью антифашистов побег удался. Это произошло 29 апреля 1943 года. С помощью тех же бельгийских антифашистов удалось связаться с партизанами.

Находясь в партизанском отряде, участвовал в боевых действиях: 4 раза взрывали железную дорогу, пустили под откос 2 поезда, взорвали несколько десятков электроопор и три моста. Были и бои. В одном из боев немцы потеряли 34 убитыми и 47 ранеными. Этот бой был не последним.

В конце августа 1944 года мы встретились с американскими войсками, вступившими в Бельгию. Позже была встреча с уполномоченным по репатриации советских граждан и возвращение на родину.

ГАНИКО, ф.р.3656, оп.1, д.4866, л.1 - 10. Подлинник.

Удостоверение об участии К.Г. Соколова в бельгийском партизанском отряде

Фронт независимости
Бельгийская армия партизан
Я, нижеподписавшийся Латин
Жозеф, командир главного штаба,
удостоверяю, что русский солдат

Соколов Константин командует группой русских и бельгийских партизан с 28 июня 1943 года по сегодняшний день.

Он принимал участие с нашей организацией в различных саботажах, как, например:

1. Взрывал важные мосты, электромачты, железные дороги, телефонные линии и т.д.;
2. Казнил 20 бельгийских и немецких изменников;
3. Он 4 раза защищал свой лагерь, атакованный врагами;
4. Захватил два склада с оружием.

Следуя полученному приказу отрезать путь отступления врагу, по мере продвижения американских войск он принимал участие во многих схватках, в результате которых было 300 убитых, 450 немецких пленников, 1 танк был выведен из строя, уничтожено 4 бронемашин, взято 24 пулемета.

Мы также своими атаками помешали врагу взорвать мосты Есней и Айвель.

После прихода американцев мы принялись очищать леса и гнезда сопротивления.

Командир роты Соколов вел себя мужественно, и среди его людей всегда господствовала дисциплина.

Его боевыми способностями восхищались бельгийские партизаны. Он проявил себя достойным, храбрым солдатом Красной Армии.

Командир главного штаба
Латин Жозеф

ГАНИКО, ф.р.3656, оп.1, д.4866, л.15.

Рассказ Н.В. Сергеева о пребывании в германском плену

Находясь в окружении в составе Особого московского батальона, 15 января 1942 года около г. Медынь Смоленской области попал в плен. После пленения был отправлен в Медынь, через два дня в местечко Мятково. Отсюда меня отправили в город Юхнов, где находился в лагере военнопленных по май 1942 года. Затем был переведен в лагерь военнопленных, который находился в г. Рославле, а оттуда в Германию. Находясь здесь, в составе одной из рабочих команд был назначен работать на конюшне, где находились больные лошади. На меня и других военнопленных было возложено чистить лошадей, следить за чистотой в конюшне. На этой конюшне я проработал около месяца, а затем вместе с лошадьми был переведен в Италию, где также работал на конюшне. В сентябре 1944 года бежал в горы и присоединился к 104 или 111 бригаде, где находился до 25 мая 1945 года.

ГАНИКО, ф.р.3656, оп.1, д.4238, л.16 - 17. Подлинник.

Удостоверение патриота № 85100, выданное Н.В. Сергееву в Италии

От имени Правительств Народов Объединенных Наций благодарим Николая Сергеева, сражавшегося с врагами в боях, стойко боровшегося в рядах патриотов и среди людей, которые несли триумфальное оружие свободы, развивая наступательные операции, выполняя акты саботажа, добывая военные сведения.

С их мужеством и их преданностью итальянские патриоты осуществили освобождение Италии и интересы всего свободолюбивого человечества.

В возрожденной Италии владельцы данного удостоверения будут провозглашены как патриоты, которые боролись за свободу и честь.

Военное управление
союзных войск
командования дивизии
Модена

Х.Р. Александр,
командующий союзными
войсками в Италии.

ГАНИКО, ф.р.3565, оп.1, д.4238, л.12.
Подлинник (перевод с итальянского).

Группа бельгийских партизан. В 1-м ряду в центре К.Г. Соколов. Фото 1940-х гг.

*Беликова Вера Васильевна, военфельдшер.
Фото 1940-х гг.*

*Александрова Антонина Анатольевна,
хирургическая медсестра. Фото 1940-х гг.*

Редактор Лариса Ковалева

**Редколлегия: Галина Давыдова, Наталья Дружнева, Мария Кузнецова,
Марина Недомарацкая, Любовь Поросятковская, Ирина Тлиф**

Корректурa: Галина Давыдова, Тамара Кулинич

Верстка Светлана Сухих

**Испльзованы фотографии из фондов ГАКО, личных архивов Брезгиных, Ёлшиных, Л.А.Ковалевой,
О.А.Кудряшовой, Е.А.Рубанковой, И.Х.Тлиф.**

Приведенные фотографии не всегда иллюстрируют конкретный материал, а использованы как фотодокументы военного времени.

**Учредители: ГУ «Государственный архив Костромской области»
Отдел по делам архивов администрации Костромской области**

**Адрес редакции: 156026, г. Кострома, ул. «Северной правды», 24. Телефон: 32-53-81, 54-59-45
E-mail: arhiv@kmtn.ru**

Журнал зарегистрирован Управлением печати и массовой информации Костромского облисполкома 4 февраля 1992 года.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации: Серия АБ.000097

Регистрационный номер 131

Печать офсетная. Объем 8 п.л. Государственное предприятие «Областная типография им. М.Горького»

156961, г.Кострома, ул. П.Щербины, 2

Заказ 2937. Тираж 500 экз.

1947 г. Из фонда Белорукова Д. Ф.